

*От всего сердца приглашаем вас
принять вызов в испытании на
истинную любовь.*

vk.com/translation4you

НЕФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕСТ

Келли Моран

«СВЕЖАЯ, СМЕШНАЯ И ТРОГАТЕЛЬНАЯ!

Я смеялся вслух и не мог оторваться от книги, которая затронет не только ваше сердце, но и чувство юмора»

— РОБИН УЭЛЛС

Автор «Свадебного поцелуя»

«От всего сердца приглашаем вас принять вызов в испытании на истинную любовь». Выросшая в огромной, безумной сербской семье, Камрин Кович стала экспертом в сокрытии своих эмоций, чтобы сохранить рассудок. Но когда она в один день теряет квартиру, работу и бойфренда, то достигает своего предела. Хуже того, если её семья узнает, что она снова одна, то предстоящая свадьба её сестры станет катастрофой. Хотя у невесты есть план. План, в который вовлечён старый друг, притворные отношения... и вероятность в итоге оказаться в обитой войлоком палате. И на сей раз по-настоящему. Трой Лански согласился на этот безумный план только потому, что, когда он был одиноким приёмным ребенком, Камрин была его «спасательным кругом». Но она не идеалистическая девушка, которую он помнит. Она стала настолько измученной, что даже больше не верит в любовь. Он ставит своей целью восстановить её веру в счастливое «и жили они долго и счастливо», но его план неожиданно приводит к обратному результату, когда поддельные отношения начинают ощущаться слишком уж реальными. Влюбиться в единственную женщину, которой он не может обладать, может означать потерю большего, чем только его приемной семьи. Он может потерять всё. Предупреждение: книга содержит героя из журнала «Playgirl» и женщину, которая считает, что не могла бы быть для него ещё более неподходящей. Станьте частью «большой, чрезмерно романтической сербской семьи». Устраивайтесь поудобнее и наблюдайте, как случается волшебство. Наслаждайтесь!

Келли Моран

НЕФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕСТ

Оригинальное название: The Dysfunctional Test by Kelly Moran

Переводчик: Маша Медведева

Редактор: Лина Зянгилова

Вычитка: Катерина Матвиенко, Екатерина Прокопьева

Обложкой занималась: Изабелла Мацевич.

Посвящение

Эта книга о семье, любви и всех связанных с ними причудах и особенностях. По отцовской линии моя семья сербского происхождения, а значит, я наполовину сербка, и написание этой книги, кажется, назревало давно. С детства я знаю три Рождества — канун Рождества с одной семьёй, Рождество — с другой, и сербское Рождество (*Христо се Роди*). На протяжении многих лет со мной оставалось много традиций, и, хотя большинство моих «Ковичей» переходило по наследству, традиции остались со мной. И поэтому эта книга посвящается моей сербской стороне семьи.

Кроме того, я твёрдо верю, что в некоторых семьях вы рождаетесь, а другие создаёте по ходу жизни, вроде моего героя Троя. Итак, эта книга также посвящается двум моим «созданным» семьям: Билам — Деннису, Филлис и Брайану; и Тойрихам — Сьюзи, Крису и Томми. Вы, ребята, заставили меня поверить, что я кое-чего стою, и смешили меня чаще, чем я могу сосчитать. С любовью и благодарностью, всегда.

Огромное уважение моим критикам-партнёрам и коллегам-писателям: Анне, Дженафер и Линде за понимание и помощь. Вы, ребята, удивительные. И спасибо моему редактору Тере за то, что так сильно полюбила эту историю и помогла сделать её ещё лучше.

Глава первая

Уроки жизни согласно Камрин:

Некоторые люди подобны «Слинки»[1]. Они хороши только для улыбки, когда ты спускаешь их вниз по лестнице.

Первый знак того, что Карма сговорила с самим Дьяволом, чтобы погубить её, должно быть, появился до восхода солнца и перед утренним кофе. Ну, ладно, она не верила в Карму. Так же как и в рок. Камрин верила, что люди сами творят свою судьбу. Любые же другие предпочтения для тех, кто слишком идеалистичен, чтобы принять реальность. Хотя сейчас она начала задумываться, а не было ли какого-нибудь преимущества в наивных представлениях.

Когда же она открыла дверь квартиры, чтобы забрать «Чикаго Трибьюн», то вместо газеты нашла записку от домовладельца. Они не продлевали срок её аренды — или аренды любому другому, если на то пошло. Здание было продано, и новые владельцы желали преобразовать его в дорогостоящий многоквартирный дом. О, пожалуйста! Чикаго также нуждался в дорогостоящих квартирах, как и в ещё одной бейсбольной франшизе. Так что у неё было тридцать дней, чтобы найти другое жильё.

Вторым знаком, по всей видимости, стали остатки ещё тёплого свежемолотого кофе, которые опрокинулись на её крахмаленную бежевую блузку во время торможения из-за остановившегося перед ней неандертальца, у которого, согласно наклейке на его бампере, «Тормоза ради природы». Кто-то должен ему сообщить, что в Чикаго нет природы. Ей пришлось прибегнуть к запасной рубашке, хранившейся в багажнике на случай крайней необходимости — отвратительному предмету одежды оранжевого цвета, который сестра купила ей на прошлогодний *Христо се Роди* — иначе она рисковала опоздать в офис.

Серьёзно, могла бы её сестрица хотя бы раз сделать ей полезный рождественский подарок? Разве она просила слишком многого?

А третьим знаком, по-видимому, стал тот факт, что, когда она появилась в офисе, её секретарь сообщила, что ровно в девять пятнадцать Алисия Сент-Джон, вице-президент, желала видеть Камрин в своём кабинете. Указанная заноза в заднице никогда не вызывала кого-то нижестоящего, как например директора по маркетингу типа неё, если же, конечно, дела не приобретали скверный оборот.

Сначала она подумала, что это не более чем неприятная досада, дерьмовое начало неудачного дня. Но, пока Камрин Кович стояла в дверях кабинета своего бойфренда/босса, у неё создалось предчувствие того, что это будет вовсе не неудачный день, а, скорее, визжащий тормозной путь, предшествующий двенадцати врезавшимся друг в друга машинам.

И она будет в центре этого крушения.

Максвелл Ортон Третий, моргнув, посмотрел на неё с другой стороны стола. Камрин моргнула в ответ. Она ожидала, что он заранее проинформирует её о том, чего хотела Алисия. Он более тесно работал с ней над их проектами, чем Камрин. Он бы знал, чего хочет суккуб. Вместо этого он нервозно возился с кипой бумаг на столе, складывая и перекладывая их в беспорядочные стопки.

Камрин присела в кресло и сложила руки на коленях, изображая спокойствие, которого не чувствовала.

— Максвелл, что происходит?

Он встал, забросил в рот конфетку «Тамс»[2] и прошёл, чтобы закрыть дверь позади неё, пока жевал. Вернувшись к своему столу, он так тяжело вздохнул, что она почувствовала запах вишнёвого ароматизатора. Он несколько секунд потратил на то, чтобы поправить свой синий полосатый галстук, что было интересно, потому что он с самого начала не висел криво.

— Камрин, — проговорил он тоном, припасённым для уличных беспризорников, не то чтобы он знал каких-либо уличных беспризорников. — Не думаю, что у нас что-то получится.

И хотя у неё свело живот, как после трёхдневного хлеба Наны, *славского калача*, она даже не вздрогнула. Под «что-то», как она предположила, он имел в виду их пятнадцатимесячные отношения. Весь отдел знал о том, что они встречаются, и хотя это шло вразрез с политикой рекламного агентства «Дэвис, Дэвис и Сент-Джон» о вступлении в неформальные отношения на работе, никто ничего не говорил. Могло ли это быть причиной того, почему Алисия хотела её видеть?

— Это из-за Алисии?

Его пустые карие глаза полезли из орбит, словно он случайно проглотил тамале[3].

— Ты знаешь об этом? О нас двоих, я имею в виду? Я хотел поговорить с тобой лично, прежде чем ты бы услышала об этих отношениях от кого-то ещё. Что ж, я сожалею, что не позвонил тебе прошлой ночью.

Отношения? Её внутренности свернулись до такой степени, что, по идее, она должна была слышать из пупка рёв: «Тётушка Эм!» Он трахал эту сучку. За её спиной.

Максвелл был хорош собой в корпоративной «никогда не видевшей дневного света» среде. Он, казалось, подходит Камрин. Они оба из того типа людей, мимо которых можно пройти на улице и едва ли заметить. Но это не относилось к Алисии. Алисия...

— Понятно, — проговорила она. — Могу ли я, по крайней мере, узнать почему?

Его губы скривились, что, очевидно, говорило об отвращении. Когда она стала ему противна? Она не была Алисией, но и отвратительной не была. Ведь так?

— Вот почему, — сказал он, будто это все объясняло. — Ты, — пробормотал он, указывая на неё, словно её руки стали обрастать чешуёй. — Ты робот. У тебя вообще нет никаких эмоций. Заниматься с тобой сексом то же, что и спать с рыбой...

Ладно, это было больно. Очень. Камрин думала, из-за того, что они так долго встречались, фактически говорили о браке, Максвелл, может быть, видел то, чего она не показывала другим. Ну да, она иногда бывала скучной, но они же взрослые люди. Веселье же для детей. У них вместе была комфортная рутина, обоюдная схожесть и перспективы на будущее. Одни и те же цели. Пожениться в следующем году, купить квартиру, завести одного ребёнка, нанять няню. Жить долго и счастливо с пенсионным фондом и совместными накоплениями.

— Ты даже не смеёшься...

Она посмотрела на него и поняла, что он всё ещё говорит. Скорее, всё ещё перечисляет те многочисленные аспекты, почему она посредственная, скучная персона. Он бросал её ради прекрасной, стройной и весёлой Алисии Сент-Джон. Ради всего того, чего у неё не было. Неприятно щекочущие слезы забили ей горло, но она их сглотнула.

Из прекрасной части Максвелла Ортона — *Третьего* — волос, начали расти рога. Белые, цвета слоновой кости, с кольцевидными зазубринами — прорывались из его головы,

едва нарушая аккуратно зачёсанные тёмно-коричневые пряди. Линзы на его очках треснули. Кожу покрыли волдыри. А руки превратились в копыта.

— Нам с Алисией так хорошо вместе...

Она сморгнула вырисовывавшийся перед ней образ, и нормальный Максвелл вернулся. Её творческое воображение всегда хорошо срабатывало как защитный механизм. В её голове пришельцы могли вторгаться в Верхний Вест-Сайд, используя пуделей как телесные резервуары, и подмешанные «Твиззлеры» для контроля над разумом. Но снаружи она была столпом спокойствия. Это было её единственной силой, пока она росла в большой, сумасшедшей сербской семье. В зрелом возрасте эта способность помогала ей скрывать чувства. Контролировать. Вся суть и была в контроле.

Она, конечно же, замечала, какой видели её остальные. Администраторы называли её *Ледяной Королевой*. Если бы они только знали, что скрывалось за поверхностью. Какой неуверенной и обычной она была. Не так уж и сильно отличалась от них в действительности. Но она считала, что Максвелл был другим. Если кто-то типа Максвелла не хотел её, то ей суждено остаться старой девой, как её семья и предполагала. *Прибавьте сюда двенадцать кошек*. Она не обладала шармом и чувством юмора, как её женатый младший брат. У неё не было привлекательной внешности и великолепного тела, как у её в скором времени замужней младшей сестры.

Вот чёрт.

— А что насчёт свадьбы моей сестры на следующей неделе? — спросила она, прерывая его тираду по поводу её одежды, не имеющей никакого цвета. Что, вообще-то, было спорным суждением, учитывая её рубашку цвета спелой мускусной дыни. — Я должна была представить тебя своей семье. Через четыре дня мы уезжаем в Колорадо.

Семья Камрин жила в двух часах езды на север, в Милуоки, но жених её сестры, Джастин, был из состоятельной семьи, живущей в Боулдере. Когда они обручились, его семья захотела устроить свадьбу в их поместье. Они летели всем своим чокнутым колхозом в Колорадо на недельную предсвадебную суматоху.

Рот Максвелла резко закрылся.

— Очевидно, что я не буду присутствовать. — Он поднялся. — У тебя сейчас встреча с Алисией, и, думаю, что мы здесь закончили. — Что означало «свободна».

Она ещё секунду на него смотрела, горькие слова вертелись на кончике её языка, а затем встала.

— Полагаю, ты прав. Сожалею, что все так вышло. Я... ценю время, которое мы провели вместе. — *Ты, мешок обезьяньих какашек!* — Я загляну позже, чтобы мы могли обсудить, какую команду ты хочешь для клиента «Фензер».

Он фыркнул.

— Этого не потребуется. У нас с Алисией уже есть готовая команда. Тебе достанется клиент по «Здоровой пище». Возможно.

Знак номер пять.

— Понятно, — сказала она. *Ну, удачи с «Обувью Фензер» без меня.* — Уверена, что будет выдающаяся кампания. — *Выдающийся провал. И деньги «Фензер» уйдут нашим конкурентам.*

Она открыла дверь и обнаружила, что весь отдел глазел на неё. Она приподняла брови, как будто действительно заходила просто поболтать.

— Всем доброго утра, — проговорила она, вытаскивая свой «Блэкберри» и делая вид,

что проверяет сообщения, будто её только что не проглотила гигантская дыра.

Она направилась в сторону лифта, набирая по дороге сообщение своей сестре, Хизер.

Возможно, приеду домой на день раньше. Объясню позже.

Она нажала на кнопку двадцатого этажа, где располагались офисы всех управленцев высокого ранга. Когда двери закрылись, заглушая шум, она прислонилась к стене и выдохнула. Рука подлетела к животу, пытаясь удержать содержимое внутри. Она сглотнула, сделала резкий вдох и выпрямилась, как только двери со звоном распахнулись.

Секретарь поприветствовала её прохладной улыбкой.

— Здравствуйте, мисс Кович. Мисс Сент-Джон ждёт вас. Можете проходить.

Камрин кивнула и пошла по коридору мимо рекламных плакатов их многочисленных клиентов. Корма для животных, леденцы и её личные любимчики — тампоны. Она постучала и вошла в первую дверь справа.

Алисия Сент-Джон, исключительная стерва, жестом пригласила её внутрь, махнув ухоженной ручкой.

— Нет, я хочу это к пятнице, — рывкнула она в телефонную трубку.

Камрин ждала в дверном проёме, наблюдая, как Алисия расхаживает позади своего рабочего стола из красного дерева. Цоканье её чёрных каблуков совпадало с тиканьем часов, которые компания подарила ей в прошлом году за выдающиеся достижения. Или это было два года назад? В любом случае, она не была выдающейся ни в чём, кроме своей стервозности. Её чёрный костюм подходил Пятой авеню, но розовая кофточка под ним шептала «Виктория Сикрет». А светлые, уложенные короткие волосы ниспадали на плечи гладким, блестящим каскадом.

Камрин стало интересно, нарушалось ли это совершенство из аккуратной причёски и идеального макияжа, когда ноги Алисии обхватывали талию её бойфренда. Наверное, ко всему прочему, она ещё была и из тех, кто кричит. Если бы Камрин выцарапала глаза Алисии, хотел бы её Максвелл по-прежнему?

— Прекрасно, — проговорила Алисия, бросив трубку. Не сбавляя темпа, она посмотрела на Камрин и указала на стул. — Присаживайся, Камрин.

Получу ли я угощение, если сяду? Может быть, ей следовало повилить хвостом.

Алисия протянула ей конверт перед тем, как сесть самой. Камрин знала, что лучше не открывать его, прежде чем Алисия не расскажет в подробностях, что находится внутри. Все приветствуют королеву, когда ей есть что сказать. Разразится адская ярость, если на неё не будет обращено всё внимание.

— В этом квартале мы потеряли двух крупных клиентов. Поэтому вынуждены пойти на некоторые сокращения, — сказала она перед тем, как отхлебнуть из своего стаканчика из «Старбакса». Она, наверное, была из тех, кто пьёт тот дерьмовый чай вместо настоящего кофе. — Твоя должность является одной из тех, которую необходимо сократить. Арт-директор может делать то же, что и ты, и мы избавимся от необходимости выплачивать дополнительную зарплату.

Э-э, что?

— Эти два клиента, что вы потеряли, были не мои. К тому же, это я заполучила вам клиента «Обувь Фензер».

Алисия уставилась на неё. Просто пристально смотрела своими голубыми глазами-льдинками, будто Камрин только что упала с дурацкого дерева.

Ручки и бумаги слетели со стола Алисии и закружились по комнате. Файлы

водovorотом вылетели из шкафа, нанося бумажные порезы на лицо Алисии. Когда же степлер поднялся в воздух, Камрин представила, как он точно приземлился на лоб Алисии.

— Меня увольняют? — спросила она, пытаясь скрыть дрожь в голосе резким вопросом.

— Я предпочитаю говорить «отпускают». В этом конверте рекомендательное письмо и небольшое выходное пособие. Этого должно хватить тебе на несколько месяцев.

За массивным окном двадцатого этажа горизонт Чикаго озарился, словно римская свеча. Вертолёты гудели между небоскрёбами и падали вниз. Окно кабинета разбилось, отбрасывая осколки стекла внутрь.

Нет, ещё и работа?! Что у меня останется?

— Понятно, — проговорила Камрин. Это начинало звучать как мантра. — Тогда я соберу вещи.

— Охрана тебя проводит...

Камрин перестала слышать что-либо, кроме равномерного гула своего сердцебиения, отдающегося в ушах. Включился автопилот. Она встала, вышла из кабинета и отправилась напрямик к лифту. Она ехала вниз в тишине и вышла, когда раздался звонок. После чего напрямую направилась к своему кабинету, собрала сумочку и зашагала обратно к лифту.

Только потом, пока ждала лифт, чтобы спуститься вниз, она заметила стоящего рядом с ней Билла. Охранник скрестил руки, будто бросая ей вызов доставить ему трудности. Неужели они вообразили, что по дороге она стащит лазерный ксерокс, спрятав его в сумочке? *Нет, нет. Не обращайтесь внимания на огромную выпуклость. Это просто мой ежедневник, офицер.*

Встревоженная, она повернулась и обнаружила, что весь отдел снова пялится на неё. Её сердце разок стукнуло, а затем сдалось.

Все знали.

Протикало несколько секунд. Глазеют, глазеют. Некоторым хватило совести любезно отвести взгляд, и они сделали вид, что читают документы или разговаривают по телефону.

Челси, её секретарь — получается, уже её *бывший* секретарь — поспешила к ней с коробкой в руках.

— Это вещи из вашего кабинета, мисс Кович. Мне так жаль.

Ей не было жаль. Как и ни одному из них. У них, вероятно, через пять минут у кулера для воды намечалась вечеринка по поводу «день-дон, ведьма ушла».

Камрин кивнула, онемевшими пальцами принимая у неё коробку, как раз в то время, когда двери лифта открылись. Такая маленькая коробочка за восемь лет, что она там работала. Охранник Билл вместе с ней вошёл в лифт, и кабина поехала вниз. Ниже, ниже. Она так сильно прикусила язык, что выступила кровь. Будь она проклята, если кто-нибудь увидит её плачущей. Если она потеряла всё — а, по-видимому, так и есть — у неё осталась гордость.

Подбородок вверх. Веди себя так, словно тебе всё равно.

С высоко поднятой головой она прошла вестибюль, вышла через передние двери и пересекла парковку до своего автомобиля. И только усевшись за руль и захлопнув дверцу машины, Камрин опустила голову. Из всех сил зажмурившись, она втягивала воздух через нос.

Не здесь. Не здесь. Просто доберись до дома.

Она завела двигатель и, выехав со стоянки, направилась в сторону своей в скором времени несуществующей квартиры. Там без свидетелей она расплачется, словно чертов

ребёнок, пока ничто из этого не перестанет иметь значения. Пожалуйста. Кого она обманывает? Конечно, это имеет значение.

Её жизнь кончена. Квартира? Её нет. Работа? Парень? Дважды нет.

Банан и ржаной тост, съеденные на завтрак, начали сражаться насмерть за право выскочить из её желудка первыми. Она сосредоточилась на движении транспорта и фонарях, просто чтобы пережить поездку до дома.

Чёрт возьми, она всё равно ненавидит Чикаго.

— «Черт» и «твою мать» — плохие слова. Мы не должны их произносить.

Камрин посмотрела на свою трёхлетнюю племянницу, стоящую в дверях её квартиры, а затем на свою сестру.

— Вижу, тётушка Хизер снова хочет тебя испортить.

— Чепуха, — ответила Хизер, проскользнув мимо неё внутрь. — Нельзя ожидать, что я буду следить за языком при таком автомобильном движении, как в Чикаго. Серьёзно, это преступление, что вы, люди, называете вождением.

С этим она была согласна. Камрин снова посмотрела на свою племянницу, Эмили.

— Это нехорошие слова. Вот почему мы не должны повторять их, независимо от того, кто их произносит.

Широко распахнутые голубые глаза уставились на неё в ответ.

— «Дерьмо» тоже. «Дерьмо» — это плохое слово.

Камрин вздохнула.

— Да. — Она закрыла за ними дверь. — Хизер, наш дорогой братец убьёт тебя, если услышит, как ругается его дочурка.

Хизер шлёпнулась на секционный диван и закинула ноги на журнальный столик.

— Не-а, он тоже ездит по этим дорогам. Он поймёт.

— И раз речь зашла о Чикаго, что ты вообще здесь делаешь? Разве тебе не нужно заниматься свадебными приготовлениями?

— Все свадебные приготовления уже сделаны. Нам просто нужно в пятницу сесть на самолёт. Я водила сегодня Эмили в «Аквариум Шедд», чтобы отпраздновать. — Хизер опустила обратно на пол свои красные каблуки и выпрямилась, от чего её красное, под цвет туфлям, платье сползло ниже рекомендуемого выреза. Она обвела взглядом журнальный столик, а затем Камрин.

Если бы она знала, что её сестра заскочит, то спрятала бы мороженое «Бен энд Джерриз». И вино. И, вероятно, оделась бы. Камрин потуже затянула халат.

Хизер только приподняла брови. Камрин вздохнула и села на другой конец дивана. Неважно, во что была или не была одета Камрин, Хизер всегда была звездой программы. Унаследовав высокие скулы и худощавое телосложение отца, и густые, тёмно-каштановые волосы и безупречную кожу их матери, Хизер представляла собой всю глубину генофонда. Так же, как и их брат, Фишер.

Камрин же, с другой стороны, получила папино сочетание кожи и рыжих волос, а от мамы ей достались округлые формы. В то время как Хизер и Фишер могли есть все что захочется, Камрин приходилось считать каждую калорию. Что не так уж и легко в сербской семье, где одного кусочка традиционного блюда достаточно, чтобы навсегда выгнать её из «Дженни Крейг»[4]. И, наверное, покалечить на выходе.

— Что такого вчера произошло, что заставило тебя захотеть приехать домой пораньше? Или съесть магазин мороженого? — подняв банку, спросила Хизер. — О боже. И этс

«Чанки-Манки»[5]. Моё любимое. Ты бы могла припасти немного и для меня.

Эмили казалась увлечённой рисованием, обнаружив свои припрятанные запасы фломастеров. Камрин посмотрела на Хизер. Какими бы разными они ни были, Камрин всегда была близка с сестрой. Может быть, Хизер не всегда могла понять, но она могла посочувствовать.

— Меня вчера уволили с работы. А домовладелец вручил мне уведомление о выселении. — Камрин потянулась к своему бокалу и залпом выпила все содержимое. — Ах да, и Максвелл порвал со мной.

Хизер подалась вперёд.

— Вот дерьмо.

— Это плохое слово, тётя Хизер, — тут же последовало от Эмили, которая, по-видимому, слушала. К тому же, она засунула несколько фломастеров в свои выющиеся каштановые косички, из-за чего стала похожей на мультяшную версию Медузы.

Камрин хотела выпить за это, но вместо этого сказала:

— А почему бы тебе не пойти раскрашивать в моей спальне, сладкая? А мы бы в это время закончили разговор.

Как только Эмили оказалась за пределами слышимости, Хизер начала бомбить её вопросами подобно лётчику-истребителю времён Второй мировой войны.

— Что произошло? С самого начала. Ничего не упускай.

— Хизер, это моя жизнь, а не сплетни про мыльную оперу.

Хизер фыркнула.

— Не знаю, по мне, так это звучит как «Дни нашей жизни»[6]. Уверена, что у тебя нет опухоли мозга? Или коварного близнеца?

Оба варианта могли бы решить её проблему. Но, увы, нет. Она рассказала Хизер об этой сучке, Алисии, и об уведомлении о выселении. Когда же она поведала ей о Максвелле, Хизер слетела с дивана.

— Он что сказал? Вот скотина! Говорю, мы пойдём туда и научим этих придурков...

— Это тоже дурное слово, — раздалось из спальни.

Хизер снова села.

— Говоря о ране на соль.

— Думаю, ты имела в виду соль на рану.

— Без разницы, — пропыхтела она. — Что ты собираешься делать?

Чтобы уклониться от вопроса, Камрин встала и пошла на кухню, чтобы поставить кофейник. Хизер последовала за ней.

Заварив кофе, Камрин повернулась к сестре.

— Я, вероятно, перееду обратно домой. У меня есть ещё несколько дней, прежде чем нам нужно будет отправиться в Колорадо. Я разошлю резюме. Попытаюсь пройти собеседование после свадьбы и подыскать квартиру. — Она открыла холодильник, чтобы достать сливки. — В Милуоки нет никаких реальных рекламных агентств. Мне придётся довольствоваться «Трудовыми ресурсами» или чем-то ещё.

— Здесь есть и другие агентства.

— Я не хочу здесь оставаться. Я оставалась здесь так долго только потому, что компания предложила большие деньги. Сразу после колледжа такая возможность была для меня идеальной.

— А что насчёт свадьбы? Мама с папой думают, что ты возьмёшь этого парня с собой.

— Это наименьшая из моих проблем.

Лгунья!

— Камрин, это ты со мной сейчас говоришь. Я знаю тебя. Ты испытывала облегчение, что наконец-то встретила кого-то, кого могла привести домой. Чтобы мама с папой от тебя отстали.

Верно. Если хоть что-то и долбило её по голове всю жизнь, так это найти партнёра и продолжить род. Им было неважно, насколько она успешна в карьере, если у неё не было кого-то, с кем она могла разделить свою жизнь. Семья была всем. А её была огромным шкафом, полным романтики. Очень старая школа. Это было позором для её семьи, что её младший брат женился первым. И полнейшим позором, что её младшая сестрёнка выходит замуж раньше неё.

Она должна была быть следующей. Она выбрала того, кто хорошо ей подходил. Того, кого даже её семья не смогла бы отпугнуть. Её родители даже не спросили, как его зовут. Они просто испытали облегчение, что у неё с кем-то были серьёзные отношения. Необходимым условием на данный момент было одно — живой мужчина.

Одиночество никогда не волновало Камрин, не совсем. В конце концов, единственный человек, на которого она могла положиться — она сама. Никто, казалось, не понимал её, или её потребности в независимости. Не имело значения, как она читала семье наставления о современной женщине, что ей не нужен мужчина, чтобы сделать её счастливой. Они просто видели её незамужество как ещё одну неудачу. Если бы могли, они бы, наверное, обменяли её на мула по брачному контракту.

Камрин сейчас вытерпела бы всё, кроме их разочарования. Жалостливых взглядов. Цокающих языков. *Бедняжка, бедняжка, Камрин. Одинёшенька. Никто её не хочет.*

По крайней мере, она сама покупала билеты на самолёт. Её семья не узнает, что билет Максвелла пропадёт впустую.

Она налила себе чашку кофе и вернулась в гостиную, прежде чем могли бы выступить слезы. Хизер бы раскусила её в долю секунды.

— А почему бы тебе не нанять кого-нибудь? Эскорт или что-то типа этого.

Камрин одарила её своим лучшим, припасённым на такие моменты выражением лица, которое означало «заткнись».

— По-моему, кто-то слишком много смотрит «Нашу жизнь».

— Я серьёзно. Найми кого-нибудь, чтобы он сыграл роль Максвелла, а затем позже объявишь о вашем разрыве. Тогда они не будут всю свадьбу заиклены на этом. Ты никогда не приводила его домой. Они не знают, как он выглядит.

Кэм не знала, что печальнее: то, что её сестра считала единственным для неё способом заполучить кавалера на свадьбу — это нанять его, или то, что прошлой ночью она сама пришла к точно такой же безумной идее.

— Нет. Мама с папой оправятся от этого. Со временем. — Она сделала глоток кофе. — В любом случае, я бы никогда не смогла повернуть это с незнакомцем.

— Они и так уже расстроились из-за того, что мы не проводим православную церемонию в церкви. И будут всю поездку одержимы этим, что уж говорить о твоём незамужнем положении. Они попытаются свести тебя с дальними родственниками Джастина или что-то типа этого. Будет неловко.

Ага. Вот мы и добрались до правды. Хизер больше беспокоилась о том, что её свадьба будет испорчена, чем о благополучии Камрин. Хотя, она говорила дело. Камрин такой

вариант уже рассматривала.

— Хизер, даже если бы это не было абсурдным, то этот парень будет на твоих свадебных фотографиях. Я встречалась с Максвеллом больше года. Мама с папой знают, что мы обсуждали замужество. Я не смогу объяснить, почему не желаю видеть своего кавалера на фотографиях.

— Тебе нужен кто-то, кого мы знаем, — проговорила Хизер.

Камрин закатила глаза, когда шестерёнки закрутились в голове её сестры. Она была удивлена, что дым ещё не пошёл.

— Нет.

Хотя её сестра не слушала. Она была в ударе.

— Того, кого мы были бы не против видеть на фотографиях.

— Нет.

— А как насчёт Троя?

Камрин вздрогнула.

— Троя Лански? Это который лучший друг нашего брата? Да у него пальцев не хватит на руках и ногах, чтобы сосчитать женщин, с которыми он был. В этом году.

Хизер была непреклонна.

— Точно. Он никогда не приводит подружку на семейные торжества. У него со всеми несерьёзно.

— Нет.

— Подумай об этом, Кэм. Он знает тебя. Очень хорошо.

— Нет.

— Кэм...

— Нет.

Хизер встала.

— Кэм, он бы прошёл тест.

Камрин закрыла рот прежде, чем успело выскочить ещё одно «нет». Хизер была права. Он бы прошёл тест.

Ещё когда они были подростками, Камрин с братом и сестрой придумали то, что они называли «нефункциональным тестом». Если кто-то, с кем они встречались, смог бы пережить какое-то время с их семьёй и клинически не свихнуться, и также быть одобренным семьёй, то они бы им подошли. Жена её брата, Анна, прошла тест. Они шутили об этом на их помолвке, посвятив Анну в их секрет. Когда Джастин тоже прошёл его и сделал Хизер предложение, они и ему всё рассказали.

Камрин так и не нашла никого, кто захотел бы даже попытаться пройти этот тест. Время шло, и у неё появилась уверенность: неважно, приведи она домой параноидального шизофреника, фетишем которого были пальцы на ногах — он бы подошёл. Максвелл, наверное, не прошёл бы тест, но в глазах её родителей — определённо, да. Живой, дышащий мужчина.

Однако Трой прошёл тест в возрасте десяти лет, когда его впервые ввели в семью в качестве приёмного ребёнка. Он никогда много не говорил об этом, но его отец был буйным алкоголиком. Будучи частым посетителем их дома на патронатном воспитании, пока ему не исполнилось восемнадцать, Трой всегда был почётным членом семьи.

К тому же, он словно сошёл с обложки «Playgirl». И знал об этом. У Троя были светлые песочного оттенка волосы, которые значительно светлели летом и всегда нуждались в

небольшой стрижке. Его глаза были глубокого, насыщенного карего цвета, а ресницы — преступной тратой на мужчину. Ростом около метра восьмидесяти, тело его было результатом упорного труда и дисциплины. Но самым убийственным была его улыбка. Когда включалась вся её мощь, ни одна женщина не могла устоять перед ним.

Никто бы не поверил, что они пара. Мужчины его типа никогда не встречаются с такими женщинами, как она. Это идёт против равновесия в природе. Мир бы взорвался.

Ещё одно, в чём её семья стала бы её винить.

Эмили прибежала в комнату, размахивая листком бумаги.

— Я нарисовала тебя, тётушка Кэм.

— Ах, вот как? Давай посмотрим. — Камрин посмотрела на примитивные гравюры своей юной племянницы. — Неплохо, зайка. Но почему у меня на лице так сильно нахмурены брови?

— Потому что ты никогда не улыбаешься.

По-видимому, девизом этой недели было: «Заставьте Камрин почувствовать себя дерьмом». Камрин взглянула на Хизер, которая была слишком занята, набирая сообщение, чтобы это заметить. И, чтобы доказать трёхлетке обратное, Камрин нацепила на лицо огромную улыбку.

— Спасибо. Мне очень нравится. Может, в следующий раз ты нарисуешь мне улыбку?

Хизер рассмеялась. Камрин подумала, что над ней, но сестра развернула экран сотового так, чтобы она могла его видеть.

Хизер: В какое время ты завтра заканчиваешь работать?

Трой: А что? Передумала насчёт свадьбы? Хочешь сбежать со мной?

Хизер: Очень смешно. Нет, Кэм будет у тебя в 15:15, чтобы обсудить важное предложение.

Трой: Кэм, говоришь? Должно быть, это что-то серьёзное.

Хизер: Как всегда, когда дело касается её. Подумай об этом, прежде чем отказаться.

Трой: О нет. Ты же не отправляешь её, чтобы привести в порядок мой гардероб, правда? Я могу и сам погладить своё нижнее бельё.

Хизер: Ржунимагу. Будь дома к 15:15.

Трой: Ок.

Камрин стиснула зубы и встала. Она была уже на полпути к кухне, когда Хизер заговорила:

— Что? Ты же не сказала «нет».

Когда Камрин повернулась, Хизер была в розовом кукольном платьице и с косичками. Огромные чёрные веснушки усеивали её нос. Некоторое напряжение спало с Камрин, и потом образ исчез.

— Я говорю это сейчас. Нет.

— Ну же, сестрёнка. Все получится.

Нет, не получится. Трой ни за что не пойдёт на этот фарс. И даже если он согласится, для него это будет ещё одна шутка. Но, вопреки распространённому мнению, её жизнь — это не шутка.

Она могла быть грустной и жалкой, но никак не шуткой.

Глава вторая

Уроки жизни согласно Камрин:

Семейные древа, избыливающие сумасшедшими, и в подмётки не годятся моему. У меня темпераментная семья. Наполовину эмоциональная, наполовину — ненормальная.

В ту же секунду, когда её сестра отперла входную дверь их семейного дома, Эмили влетела внутрь на полной скорости, её косички подпрыгивали на ходу.

— Бабуля, дедуля, у тёти Кэм сгорела работа. И она получила эрекцию!

Камрин шагнула внутрь, бросив чемодан у своих ног. И через пару секунд зажмурилась, потому как восьмидесятипятилетняя Нана выплюнула изо рта кофе со скоростью, превысившей зарегистрированную скорость света.

Хизер бросилась к креслу Наны и хлопнула её по спине, чтобы остановить приступ кашля.

— Боже, Эмили. Ты ещё хуже, чем проверка орфографии на айфоне. У тёти Кэм не сгорела работа, а её уволили[7]. И это не эрекция, а эвикция[8].

Лысина её отца заблестела в лучах, пробивавшихся сквозь окно солнца, когда он покачал ею в смущении.

Её мама вошла в небольшую гостиную с кухни, с бигудями в волосах и переброшенным через плечо полотенцем.

— У тебя сгорела работа? И при чём тут эрекция?

Камрин подошла к Нане и поцеловала её в щёку.

— Ты в порядке? Нужны таблетки для сердца?

Нана махнула рукой.

— Прекратите суесться. Я старая, а не мёртвая. И без эрекции твоя мама не появилась бы на свет, знаешь ли.

— СМИ, Нана, — проговорила Хизер.

— Это МРТ, тупица! — заявила Нана. — И с моим бедром все в порядке. Так сказал врач на прошлой неделе.

— Нет, Нана, — раздражённо ответила Хизер. — СМИ — значит «слишком много информации».

— А зачем ты тогда спрашиваешь о результатах?

Добро пожаловать домой.

Камрин вздохнула и села рядом с отцом на единственный предмет, который был древнее, чем ковёр — на диван. Он был чуть светлее тёмно-коричневого ворсистого ковра, который, согласно старым семейным фотографиям, когда-то был белым. Дома ничего не изменилось.

— Камрин Кович, я жду ответа, — потребовала её мать.

Она подумала ответить первой строчкой из «Кто на первой», но передумала. Её семья не уловит ироничного сходства между ними и «Эбботт и Костелло»[9].

— Я получила освобождение от работы с понедельника. А мою квартиру вместе со всем жилым зданием продали. Мне придётся переехать.

Глаза её матери сузились до щёлочек. Руки на бёдрах сжались в кулаки. Камрин ждала, когда из ноздрей повалит пар и затопает нога. В любую секунду она набросится как

бешеный бык. Жаль, что шторы не красные. Тогда она могла бы сорвать их и перенаправить этот натиск на них.

Но вместо того чтобы наброситься, мама хмыкнула:

— И какое отношение это имеет к эрекции?

— Никакого, мама. Не обращай внимания.

— Что ты такого сделала, что тебя уволили? — Это уже папа.

— Бюджет урезали.

— Где ты собираешься жить? — спросила мама, гнев исчез с её лица, и его заменило беспокойство. Беспокойство было хуже гнева.

— Она не будет жить в моей комнате, — заявила Нана. — Она храпит.

— Мама, пожалуйста, — проговорила мама. — Камрин ввязалась в очередную передрыгу. Неважно, храпит она или нет.

Очередная передрыга?

— Я не храплю.

Нана хлопнула рукой по своему бедру, из-за чего её гольфы сползли до лодыжек.

— Откуда тебе знать? Ты же спишь.

Хизер, вечный миротворец и хорошая девочка, сказала:

— Камрин погостит здесь до поездки в Колорадо. А потом она поживёт со мной и Джастином, пока не найдёт квартиру. — Над головой её сестры внезапно появился нимб.

— В Милуоки? — спросила мама. — Ты возвращаешься домой навсегда?

Камрин молилась, чтобы она не забыла упаковать успокоительное.

— Это был Чикаго, мам. А не страна третьего мира.

Её отец отхлебнул пива.

— Чуть не одурачила меня. Я говорю это Фи-каго. Ты же теперь не фанатка «Медведей», так? Потому что если да, то ты здесь не останешься.

— Да это пустяки, — прервала Нана. — Хизер может забыть о супружеском сексе, если вот эта будет храпеть в соседней комнате.

Мама прикрыла уши Эмили.

— Не слушай, золотко.

Камрин уронила голову на руки.

— Уже поздновато для этого.

— Подожди минутку, — проговорила мама с божественным просветлением. — А что насчёт твоего парня? Разве он не будет скучать по тебе в Чикаго? Он должен был сопровождать тебя на свадьбе. Где же он? — Она поняла, что её мама оглядывает комнату, как будто Камрин где-то его спрятала.

Камрин была рада, что всё ещё закрывала голову руками, потому что всё воображение в мире не смогло бы скрыть её содрогания.

— Кстати об этом...

— Он живёт в Милуоки, — сказала Хизер громче, чем требовалось.

Все взгляды обратились к Хизер, включая и Камрин.

— Хизер...

— Он будет здесь в четверг вечером, к ужину. Он по-прежнему едет на свадьбу. Не волнуйтесь.

Камрин встала, схватила сестру за руку и потащила в кухню.

— Что ты делаешь? Я же сказала тебе, этого не произойдёт.

У Хизер хватило наглости выглядеть расстроеной.

— Кэм, если ты не сделаешь этого ради себя — а, видит Бог, ты должна, — то сделай это ради меня. Посмотри на них. — Она указала в сторону гостиной. — Это только три члена семьи. Добавь сюда *йякас* и *тетакас* — и будет полнейшая неразбериха. Им отлично удастся поставить меня в неловкое положение и без того, чтобы попытаться преподнести тебя на тарелочке брачного мученика.

Здорово. Просто здорово. Она разыгрывала карту вины. Камрин представила их *йякас* и *тетакас* — сербский перевод дяди и тёти — плюс *кумас* и *кумос* — крестных, — и она могла понять беспокойство Хизер.

— Трой ещё даже не согласился.

Камрин, проклиная всё на свете, собиралась уступить.

Хизер освободила руку из захвата сестры.

— Он согласится. Ты же знаешь, он согласится.

Ага, он согласился бы. Камрин вздохнула. Что такое ещё одно унижение в её длинной цепи?

— Прекрасно, Хизер. Я поговорю с Троем. Но ты будешь мне должна.

— Ты можешь забрать нашего первенца, — пошутила она.

— О нет. Мне всю жизнь будут припоминать о позоре матери-одиночки, который я навлекла на семью.

Входная дверь со скрипом открылась, и глаза Камрин закатились в удивлении, кого бы ещё могло принести в этот день. Они обошли угол и увидели брата, Фишера, и его жену, Анну.

Эмили подбежала к ним и подпрыгнула за крепкими объятиями.

— У тёти Кэм сгорела работа, и она получила эрекцию. У Наны тоже была такая же для бабули. У тёти Хизер не может быть секса с храпящей тётушкой Кэм. О, и «дерьмо» — это плохое слово. Мы не должны его произносить.

Фишер чуть не уронил дочь.

— Какого чёрта! — Он оглядел комнату. — Она провела с вами всего лишь один день!

Анна улыбнулась, но попыталась скрыть это, поджав губы. Эмили со своими золотисто-каштановыми локонами и огромными голубыми глазами была её точной копией. Но, в отличие от своей дочери, Анна знала, когда закрыть свой прекрасный ротик.

— «Чёрт» — тоже плохое слово.

Верно. Камрин подобрала свою сумочку, оставленную ранее возле дивана. Даже предстать перед Троем с данным предложением было куда лучше, чем это сумасшествие.

— А я уйду. Вернусь позже.

Может быть.

У Троя было достаточно времени, чтобы принять душ после работы, перед тем как должна была показаться Кэм со своим так называемым предложением. За полтора дня он себе весь мозг сломал, гадая, что же это такое может быть. Ему даже в голову не приходило, что может понадобиться Камрин от него.

Одно можно было сказать о ней наверняка: Камрин пунктуальна. Из-за свадьбы Хизер, следующие десять дней он отдыхал, так что его босс был не против отпустить его пораньше. В любом случае, они ещё к обеду закончили строительство дороги на Южной 84-й улице.

Кэм была не из тех женщин, которую встречают покрытым асфальтом и солнцезащитным кремом. Даже если она и была ему как сестра.

Даже если она была единственной женщиной на Земле, которая могла заставить его нервничать.

В ванной он снял джинсы и футболку, бросив их на пол, и шагнул под струю холодной воды. Сегодня было чертовски жарко, даже для июня. Через несколько секунд его тело охладилось. Он как раз закончил смывать мыло, когда раздался звонок в дверь.

Он обернул полотенце вокруг талии и побежал к входной двери.

— Кэм, ты рано.

Она стояла на пороге, одетая в штаны цвета хаки и белую блузку. Камрин обвела его взглядом своих огромных карих глаз.

— Трой, ты голый.

— Не совсем. На мне полотенце. — Он отошёл в сторону, чтобы пропустить её внутрь. — Присаживайся. А я пойду оденусь.

Натянув в спальне футболку и шорты, он прошёл по коридору в кухню. Уже зная её ответ, он всё равно спросил:

— Хочешь пива?

— Нет, спасибо.

Он схватил бутылку «Миллер Лайт» и сел на диван напротив неё.

— Как твоя жизнь в Чикаго?

Она отвела глаза от их семейного портрета, чтобы взглянуть на него.

— После свадьбы я переезжаю обратно домой.

Когда дело касалось Камрин Кович, нужно было очень внимательно приглядываться, чтобы увидеть эмоции. У неё были чувства, но они были глубоко погребены под всем этим дерьмом, которое она навалила сверху. Трой же читал по её глазам. Сейчас у неё был тот же взгляд, что и двадцать лет назад, когда социальный работник привёз его в дом её родителей. Он лёг спать без ужина, по собственному выбору, а она принесла ему бутерброд с арахисовым маслом и джемом со срезанной корочкой.

Она не спрашивала о его синяках. Не расспрашивала о его изодранной одежде. На самом деле, она ничего не сказала, кроме...

— Хочешь об этом поговорить? — спросил он её сейчас, копируя её вопрос, который она задала когда-то давно.

Несколько долгих секунд она изучала его лицо, а затем улыбка коснулась уголков её губ. Грустная, но все же улыбка. Она помнила.

— Нет, но спасибо.

Такой же ответ был и у него тогда. Трой глотнул пива, чтобы избавиться от кома в горле. Камрин к тому же была единственным человеком, который мог заставить его почувствовать себя сентиментальным.

— Я не видела дом с тех пор, как ты купил его. Мне нравится, как ты здесь все обустроил.

— Спасибо, — ответил он, оглядываясь вокруг. Он выкрасил стены гостиной в насыщенный красновато-коричневый цвет. Мебель была чёрной. Все остальное просто кричало: «холостяцкая берлога».

— Хизер говорит, что этому дому не хватает женской руки.

— Ну, тогда он уже не был бы твоим.

Боже, она всегда по-настоящему его понимала. Даже больше чем её брат — его лучший друг. Она понимала, как это важно, после такого детства, как у него, обладать чем-то

собственным. Она поместила в рамку их семейный портрет, сделанный в одно Рождество, как подарок на новоселье. И ещё купила ему банку арахисового масла.

— Итак, Кэм, что за предложение? Оно хотя бы неприличное?

Она застыла.

— Оно вполне неприличное. Хотя это не совсем предложение...

— Чёрт, — проговорил он, стараясь поднять ей настроение. Тщетно. — Больше чем...

— Мне нужен кавалер на свадьбу Хизер.

Трой закрыл рот, совершенно не ожидая услышать от неё такое. Она хотела, чтобы он свёл её с кем-то, или что-то типа этого? Потому что он не знал человека, который мог бы с ней справиться.

— И?

Её глаза на мгновение закрылись.

— Будешь моим кавалером на свадьбу?

Он почти рассмеялся, пока не вспомнил, что у неё не было чувства юмора. Но он всё равно оглядел комнату в поисках скрытой камеры.

— Что ты делаешь?

— Э-э, ничего, — ответил он. — А что насчёт твоего очень серьёзного бойфренда? Фишер говорил...

— У нас с ним ничего не получилось, — нетерпеливо проговорила она, прерывая его и сглатывая. — Послушай, если коротко, сейчас я одна. Ты же знаешь маму с папой. Хизер беспокоится о том, что семья её опозорит. Мне просто нужен кто-то, кто будет моим парнем, с которым я достаточно долго встречалась, чтобы пережить эту поездку. После чего мы сразу же расстанемся.

Он встал и заглянул под кушетку. Где-то должна была быть скрытая камера. Микрофон. Что-нибудь. Потому что Камрин Кович стойчески сидела в его гостиной, приглашая его на свидание.

— Трой, что ты делаешь?

— Хизер установила в доме прослушку? Как она заставила тебя это сделать?

Когда же она не ответила, он поднял взгляд с того места, где стоял, опустившись на колени. Её рука вспорхнула к губам, а взгляд метнулся к окну.

Она не шутила. А он повёл себя как осёл. Он снова сел, взяв себя в руки.

— Я видел все эти фильмы, знаешь ли. Они всегда заканчиваются тем, что герои влюбляются друг в друга.

— Этого не произойдёт.

Она была права на этот счёт.

— Ты можешь заполучить любого парня, которого захочешь. Почему я?

То, как она посмотрела на него, заставило даже его внутреннего ребёнка съёжиться.

— Нет необходимости насмехаться надо мной. Я знаю, ты обычно не встречаешься с женщинами типа меня, но...

— Женщинами типа тебя? — повторил он.

— Да, мы очень разные. Я не твой тип.

Теперь ему стало любопытно.

— И какой же мой тип?

Она потёрла лоб.

— Худые, обесцвеченные блондинки, и с размером груди больше, чем коэффициент их

умственного развития.

— Ауч, Кэм. А теперь кто тут кого оскорбляет?

По крайней мере, ему удалось вывести её из равновесия так же сильно, как и ей его. Что не так уж и легко, когда дело касается Кэм. Эта женщина может справиться с чем угодно, заставить любого человека почувствовать себя дебилом. Она испустила раздражённый выдох и отвернулась.

— А почему я не стал бы с тобой встречаться? — Не то чтобы он не знал ответа, но ему было любопытно, какова её аргументация.

— Боже, Трой. Ты выглядишь так, словно был усовершенствован цифровой обработкой с того самого момента, как встал с постели.

— Это комплимент? — Звучало вроде как комплимент.

Она просто пристально глядела на него, а он смотрел в ответ. По-настоящему смотрел. Камрин была больше милой, чем горячей. Больше «девушкой по соседству», чем «девушкой на шесте». У неё было ангельское личико со слегка выделяющимся носиком-пуговкой. Её кожа была бледнее, чем у её брата и сестры, придавая каштановым волосам, цвета корицы и длиною до плеч, выразительности. Она не была тростинкой, как Хизер, обладая изгибами песочных часов, которые он всегда ценил в женщине. Но её глаза... в них она словно и не выросла вовсе. Космическое сочетание зелёного, голубого и коричневого.

Если бы она не была Камрин Кович, то он, вероятно, увлёкся бы ею.

— Ты же меня знаешь, Трой, — спокойно сказала она, нарушая наконец зрительный контакт. — Я понимаю, что будет означать для тебя это согласие. Но, пожалуйста, я не хочу, чтобы Хизер, оглядываясь на день своей свадьбы, вспоминала только о том, как я всё испортила.

Она ничего не могла испортить, даже если бы постаралась. Хотя, что ещё более важно...

— Они возненавидят меня. Твоя семья — единственное, что у меня есть. После этого предполагаемого разрыва они будут меня ненавидеть.

Она покачала головой. Уставилась на свои колени.

— Нет, не будут. Они подумают, что ты временно потерял рассудок. Они будут ненавидеть *меня*. За то, что позволила тебе уйти или причинила боль, или испортила ещё одни отношения.

Не могло быть, чтобы она в это верила. За исключением того, что выражение поражения на её лице говорило, что она верила. Её губы были крепко сжаты, словно она пыталась не заплакать. Кэм, которую он знал, не знала, как плакать.

— Тебя хотя бы влечёт ко мне?

Её рот открылся. Голова резко поднялась.

— Извини?

— Семья будет ожидать от нас, что мы будем вести себя как пара. Держаться за руки, целоваться, публично проявлять любовь.

— Я не проявляю любовь на публике.

Он задавался вопросом, а проявляет ли она её наедине. Он стремительно подошёл к ней и положил руку ей за спину.

Она слетела с кушетки.

— Что ты делаешь?

Он не думал, что её глаза могли бы стать ещё больше. Как же он ошибался.

— Целую тебя.

— Зачем?

Встав, он сделал шаг в её сторону. Она отступила на шаг назад.

Они проделали этот танец, пока она плотно не прижалась к столику в прихожей. Он загнал её в угол, поставив руки по обе стороны от её талии. Когда он наклонился, не чтобы поцеловать её, а чтобы прошептать ей на ухо, его щека слегка задела её. Грубая однодневная щетина слегка царапнула её бледную мягкую щеку. Она втянула воздух и схватила его за футболку, сжимая ткань в гармошку в своей руке.

И прямо здесь и сейчас он не знал, кто кого разыгрывает. Понятия не имел, какой был его первоначальный замысел. Он закрыл глаза и вдохнул, почувствовав аромат лемонграсса. Лёгкого, свежего и, несомненно, её. Он не мог сказать точно, колотится это её сердце или его. В любом случае, это не было хорошим знаком. Он открыл глаза, чтобы обрести равновесие.

— Ты сможешь сыграть подобного рода влечение, Кэм? Потому что если не сможешь, то ничего не выйдет. — Он отступил назад, недостаточно, чтобы освободить её, но достаточно, чтобы посмотреть на неё и увидеть, была ли она так же взволнованна, как и он.

Она уставилась на его грудь. Сглотнула.

— Это было ошибкой. Извини. — Как будто только что заметив, что всё ещё крепко сжимает его футболку, она опустила руку. — Притворись, что я никогда ничего не говорила. — Она подняла руку и протиснулась мимо него.

Ему показалось или у неё дрожал голос?

Стоя спиной к ней, он мог слышать, как она идёт к дивану, чтобы схватить сумочку, а затем — поворот ручки его входной двери. За двадцать лет, что он знал Камрин, он никогда не слышал, чтобы она о чём-либо просила, даже о помощи. Особенно о помощи.

Ни тогда. Ни сейчас. Никогда.

Это должно было быть так унижительно для неё, прийти к нему, в особенности по поводу чего-то вроде этого. А он просто чертовски её смутил. После всего, что она для него сделала...

— Я сделаю это, Кэм. — Он повернулся и посмотрел на неё, когда она остановилась. — Я сделаю всё, что тебе понадобится. Обещаю.

Она глянула на свою руку на ручке двери и кивнула, но ничего не ответила, перед тем как уйти.

Он уставился на дверь. Провёл рукой по волосам. И ещё раз посмотрел на дверь.

Наконец, он вытащил свой сотовый.

— Небольшое предупреждение не помешало бы, Хизер! — Его голос прозвучал немного резче, чем он хотел, но он только что три раза был потрясен в течение всего лишь двадцати минут.

— Знаю, знаю. Но Кэм бы меня убила. — Она остановилась, чтобы дать ему возможность высказаться. Он молчал. — Ты... сделаешь это?

Он снова посмотрел на дверь.

— Да.

— Спасибо, Трой.

Голос Хизер стал слезливым, так что он шлёпнулся на диван и глотнул своё пиво.

— Тот парень, с которым она встречалась, Максвелл, он вроде как подложил ей свинью. Никто и никогда ничего такого не делал Камрин. Она бы никогда этого не позволила.

— Как так получилось?

— Не говори ей, что я тебе что-то сказала, ладно? Её только...

Трой поставил пиво и подался вперёд.

— Только что, Хизер?

Она молчала достаточно долго, чтобы заставить его волноваться.

— Её уволили, и она обнаружила, что ей придётся переезжать — и все это в течение одного дня. Она возвращается домой. Это, наверное, убивает её.

Ага, он знал. Лиши Камрин контроля и независимости, и у неё ничего не останется.

— Какое отношение это имеет к её бывшему?

— Он порвал с ней прямо перед её увольнением. Наговорил всякого...

Трой встал, от напряжения сильно стиснув челюсти. Если этого было достаточно плохо, чтобы расстроить Хизер, то он мог только представить, каково было Камрин.

— Что он сказал?

— Я просто думаю, что она нуждается в моральной поддержке. Скажи ей, что она красивая. Если кто и сможет это сделать, так это ты.

Камрин не была одной из тех женщин, которых мужчины должны были успокаивать. Говорить пустые, бессмысленные слова. Он был вполне уверен, что Кэм врезала бы ему, если бы он решился. Хизер это тоже знала. И они определённо не были настоящей парой, так что же, чёрт возьми, произошло, раз Хизер захотела вмешаться?

— Хизер, что он сказал?

Она замолчала. Вздохнула.

— Он обозвал её роботом. Сравнил её с рыбой в постели. — Трой заскрипел зубами. — Он спал с кем-то за её спиной.

Он посмотрел на диван, словно Камрин все ещё сидела там. Тот взгляд на её лице и всё то, что она сказала, теперь начали приобретать больше смысла. Если какой и была Камрин, то уверенной в себе. Когда же она пришла сегодня, то казалась всё той же. И он не удосужился попытаться понять, копнуть глубже.

Нет. Он отпускал шуточки и...

— Я поговорю с тобой позже, Хизер. Спасибо, что сообщила мне.

Глава третья

Уроки жизни согласно Камрин:

Смех является самым лучшим лекарством, только если вы именно тот, кто смеётся.

После того как в доме все уже легли спать, Камрин налила себе бокал вина и вышла посидеть на задней веранде. Здесь она могла почувствовать запах одуванчиков и свежескошенной травы. Это было единственное место, где, будучи ребёнком, она могла обрести мир и спокойствие, тайком выбираясь ночью на улицу подышать. Только сейчас она уже не чувствовала себя такой виноватой. Также это было единственное время, когда она не притворялась, что с ней всё в порядке. На небольшом, в четверть акра, участке во владении её родителей было тихо, не считая сверчков.

Она была почти уверена, что только их они с Троем и услышат завтра, во время ужина, после того как семья узнает, что они «встречаются».

Прежде чем отправиться к Трою, она составила план. Согласись он на этот фарс, и они бы обговорили детали их «отношений», чтобы не противоречить друг другу. Ведь её семья непременно потребует подробностей.

За исключением того, что он пытался её поцеловать. С тех пор в её голове была полная неразбериха. Боже, на секунду ей тоже захотелось, чтобы он её поцеловал, доказывая, что безумие в её семье передаётся по наследству.

В глубине дома зазвонил её сотовый. Она поставила бокал и пошла за ним — чтобы он не перебудил весь дом — и ответила на звонок, снова усаживаясь на веранде.

— Я тебя разбудил? — Трой. Он передумал.

— Нет. Хотя я рада, что ты передумал...

— Я не передумал.

О-о. Тогда зачем он звонит?

— Ты хотела, чтобы я это сделал, Кэм. И я сказал, что сделаю. — Когда она не ответила, он добавил: — Послушай, я сожалею о том, как вёл себя тогда. Ты просто... меня удивила.

Она сделала глоток вина. Он тоже её удивил, так что они квиты.

— Мы, наверное, должны обговорить некоторые детали.

— За этим я и позвонил, — сказал он, понизив голос. Он, вероятно, лежал рядом с красивой блондинкой и старался её не разбудить. — Когда мы, э-э... начали встречаться?

Боже. Он даже не мог это произнести.

— В январе прошлого года.

— А как?

Ух. Она не была уверена на этот счёт.

— Я не знаю. Мы с Максвеллом встретились на работе. — Она сглотнула. Её живот свело. — Возможно, ты приехал в Чикаго на выходные и заглянул? И кое-что произошло? — Если это не самая большая ахинея...

— Хорошо. — Молчание. — Мы обсуждали брак?

Отказ Максвелла ранил её — снова и снова.

— Да, обсуждали. Но мы можем обыграть это как бы между прочим. Я знаю, что ты не хочешь жениться...

— Я никогда не говорил этого. — Он и не должен был. Если бы Трой когда-нибудь

женился, уровень депрессии населения из одиноких женщин мог бы просто взлететь. К тому же Троя пришлось бы сильно накачать лекарствами, только чтобы привести к алтарю. — Для начала надо найти подходящего человека.

Ха. Она не помнила, чтобы он был таким хорошим лжецом. Удивлённая, она проговорила:

— Просто мне казалось, что ты не из тех, кто может остепениться. — Положив голову на спинку стула и закрыв глаза, она позволила мягкому ветерку немного остудить её.

— Какого цвета нижнее белье будет на тебе завтра?

К счастью, в этот самый момент она не пила.

— Извини?

— Я знаю Нану. Она захочет доказательств, что у нас всё по-настоящему.

Ага, скорее всего. Она попыталась стереть напряжение со лба.

— Я не знаю, Трой.

Он засмеялся. *Засмеялся.*

— О да, ты знаешь, Кэм. Ты, вероятно, уже подобрала одежду на неделю вперёд. Готов поспорить, ты даже знаешь...

Чтоб его. Он действительно её знает.

— Голубое пойдёт? Оно голубое.

— Ты по-прежнему спишь в боксёрах и белой футболке?

Она поглядела на себя вниз и поджала губы.

— Приму твоё молчание как «да». Мы выросли вместе. Я знаю больше, чем ты думаешь. — Он замолчал, ожидая, что она что-нибудь скажет. Когда же она не заговорила — или, вернее, не смогла — он добавил: — Кстати, я сплю голым.

Она со звучным шлепком закрыла рукой глаза, словно он стоял перед ней. И он, должно быть, услышал, потому что снова засмеялся. Она откашлялась, ненавидя, что он единственный, кто может проникнуть через её оборону.

— Что-нибудь ещё, Трой?

— Ага, переезжай ко мне. — Воздух со свистом покинул её лёгкие. — Пока не подыщешь себе место. Тебе не придётся оставаться в дурдоме. — Пауза. — У меня есть гостевая комната. И я буду носить пижаму. Обещаю.

Она ещё крепче сжала телефон. Никто никогда не был так внимателен. По крайней мере, не в последнее время. С другой стороны, Трой всегда был хорошим парнем. Любителем пофлиртовать, чертовски дерзким и с крайне тёмным прошлым, которое он скрывал от мира. Но хорошим.

— Просто подумай об этом, — спокойно проговорил он. Слишком спокойно. — Ох, и Кэм?

— Да.

— Сегодня ты была очень красивой.

Она ожидала «увидимся завтра», но не этого. Трой никогда не говорил ей, что она красивая. Никто и никогда не говорил ей, что она красивая. Она открыла рот, чтобы произнести смущённое «спасибо», когда поняла, почему он, скорее всего, сделал ей комплимент.

Хизер рассказала Трою, что наговорил Максвелл, когда они расстались.

Трой не был милым. Он её жалел.

Не существовало ничего более неловкого или жалкого, чем понимание того, что Трой

владел этой информацией. Вот почему он согласился на это фиаско. Он испытывал к ней жалость.

Она убрала телефон от уха и разъединилась. И прежде чем она смогла сдержаться, по её щекам потекли слезы. Прижав руки к груди, она раскачивалась, стараясь всхлипывать как можно тише, чтобы никто не смог её услышать.

Вот ещё одно, что она часто делала будучи ребёнком. Но тогда она рыдала в подушку.

Один день дома, а она уже плачет. Это будет адская неделька.

Трой наблюдал за ней краем глаза, пока она везла их в дом своих родителей. Это она настояла на том, чтобы заехать за ним. У него сложилось впечатление, что это было для того, чтобы сбежать из дома. Семья Кович в полном составе могла быть... подавляющей. Казалось, сожми она руль ещё сильнее, и он отвалится.

— Ты тихая, — проговорил он, просто чтобы завязать беседу.

— Мне нечего сказать.

Он готов был поспорить, что в её голове предостаточно мыслей.

— Почему ты бросила трубку прошлой ночью?

— Я думала, что мы закончили.

— Ты не говоришь «пока», когда заканчиваешь разговор? Большинство людей прощаются. — Она смотрела прямо перед собой. — Это был всего лишь комплимент, Кэм.

— Что ж, ты не обязан говорить мне комплименты.

Теперь же он хотел это сделать.

— Парни говорят приятные слова своим подружкам.

— Ты не мой парень.

Ей нужна команда из массажистов и крепких напитков.

— А я думал, что мы должны были расстаться *после* свадьбы.

Она бросила на него взгляд, полный чистойшей Питсбургской стали.

— Послушай, Кэм, я тоже нервничаю до чёртиков.

Её плечи напряглись, когда она въехала на подъездную дорожку родительского дома и заглушила двигатель. Она смотрела на этот дом так, словно он собирался её съесть.

— Последний шанс, Трой. После этого тебе, возможно, придётся быть верным этой идее.

Ему уже сейчас нужно было быть верным идее. Узнав, что сделал её бывший, он собирался сделать всё, чтобы эти фальшивые отношения выглядели достоверно в течение следующей недели, даже если бы ему пришлось, в буквальном смысле, сделать ей предложение.

— Ты замечательно выглядишь.

И она действительно выглядела замечательно. Она собрала волосы в конский хвост — редкость для неё — что подчёркивало её милое личико. А белый сарафан до колен облегал её талию и бедра.

— Прекрати, Трой.

Он вышел следом за ней. Боже, эта женщина даже не может принять комплимент.

— Я серьёзно, Кэм. Я не говорю того, чего не имею в виду.

Она остановилась в дверях и обернулась. Он не мог видеть её глаза за солнцезащитными очками.

— Ты имел это в виду до или после того, как Хизер рассказала тебе о том, что наговорил Максвелл?

Он остановился. Схватил её за руку.

— Камрин...

— Хватит, — выдавила из себя она. — Пойдём.

И она открыла эту чертову дверь в ад, прежде чем он даже смог опровергнуть её слова. Он сделал вдох и тоже вошёл. Там собрался весь клан, в том числе две её тётушки и двое дядюшек. Похоже, пахло *сармой*[10], приготовленной по рецепту Наны, наполняющей дом неприятным запахом капусты и фарша. Он надеялся, что они приготовили что-нибудь ещё, потому что сейчас его желудок не смог бы с этим справиться. Камрин остановилась в дверном проёме, чтобы закрыть за ним дверь.

Подбежала мама и похлопала его по щеке.

— Ох, Трой. Ты приехал. — По её фартуку было видно, что она, по всей вероятности, готовила суп из огурцов в дополнение к сарме. Отвратительно. Огурцам самое место в салате. Дайте ему ещё двадцать лет, и он по-прежнему будет ненавидеть сербскую кухню.

Мама оглянулась по сторонам.

— Камрин, а где твой парень?

Сейчас или никогда.

— Это, должно быть, я, — сказал он достаточно громко, чтобы услышали в гостиной, и чтобы ему не пришлось повторять. В случае если это заявление будет повторяться снова и снова, у него может начаться истерика.

В доме Ковичей никогда не было так тихо. Он был в этом уверен. Блин. Если это всё, что требовалось, дабы они заткнулись, то ему следовало сделать это раньше.

Её мама перевела взгляд с Камрин на Троя, а затем снова на Камрин.

— Нет, правда. Где он?

Он нацепил самую идиотскую улыбку на лицо, какую только смог изобразить без того, чтобы разболелись зубы. Ему захотелось убежать домой, словно напуганному ребёнку, каким он когда-то был. Он поцеловал маму в щеку и взял Камрин за руку, только для того, чтобы обнаружить её трясущейся, поэтому он поцеловал и её руку тоже.

Её мама попятилась от них, как если бы они страдали проказой. Сейчас, в любую секунду, она выхватит «Клорокс»[11] и осенит себя крестным знаменем.

Трой провёл Камрин за руку глубже в гостиную и нашёл пустой стул. Присев, он притянул её к себе на колени. Тот факт, что она позволила ему это, многое говорил об уровне её беспокойства.

Он оглядел комнату. Ага, все ещё пялятся — галочка.

— Ну же, ребята. Это не *так уж* и шокирующе. — Это, безусловно, было шокирующе. Если бы он был одним из них, и кто-то рассказал ему, что они стали парой, он отреагировал бы так же. Он посмотрел на профиль Кэм. Она пристально глядела на Хизер, умоляя спасти её. А кто спасёт его?

— Я же говорил, нам следовало рассказать им раньше.

Её глаза метнулись к нему.

— Да, пожалуй, следовало.

— Кэм хотела подождать, пока всё не станет более серьёзно, прежде чем объявить об этом всему миру.

Йяка Митч засмеялся. Всё внимание переключилось на него. Затем он рассмеялся снова, его круглый живот ещё сильнее затрясся, пострашнее пасхального желе. К тому времени, когда он закончил, Трой подумывал найти респиратор.

Нервный смех последовал и от остальных, словно опасная инфекция. Плечи Камрин опустились. Трой успокаивающе провёл рукой по её спине.

— Вы на минуту заставили нас в это поверить, — сказала кума Виола. — Как тебе удалось уговорить на это Камрин? Действительно забавно. Я-то думала, что она родилась без чувства юмора. Когда мы будем есть?

Тетака Миртл рыгнула, затем икнула, поглаживая грудь, как если бы это когда-нибудь помогало её пищеварению за последние тридцать лет.

Нана вошла в комнату из кухни, опираясь на трость сильнее, чем когда он видел её в последний раз.

— Ужин будет через десять минут.

Её взгляд сосредоточился на Трое и Камрин, когда никто не бросился бежать в столовую.

— Камрин, слезь с коленей мальчика, прежде чем раздавишь его.

Она послушно встала, но он притянул её обратно вниз.

Мама сердито посмотрела на Хизер и Джастина.

— Вы сказали вести себя как обычно. Сказали быть непредвзятыми. По-вашему, это смешно? — Очевидно, мама не считала это шуткой. — Вы знали об этом, вы двое?

Джастин поднял руки, сдаваясь. Счастливчик, у него всё ещё был шанс сбежать от этой семейки. Пока не женился.

— Я узнал об этом вчера. Не вините меня.

Отец пристально глядел на Троя и Кэм, разочарованно покачивая головой. Конечно, не так, как если бы они ограбили чёртов банк.

— *Это* ведь просто шутка, правда? Настоящий парень придёт позже? — Казалось, он так надеялся, что Трой лопнет этот «мыльный пузырь».

Фишер медленно поднялся и передал Эмили своей жене, Анне. Трой ожидал любого разнообразия реакций, но гнев не был одной из них. Руки Фишера сжались в кулаки и напряглись.

Трой решил, что с них достаточно. Пришло время преодолеть шок и прекратить допрос, или они так и будут дальше ходить по замкнутому кругу до завтрашнего рейса. Внезапно встав, он поймал Кэм за талию до того, как она упала бы, склонился над ней и прижался своими губами к её. Глаза её широко распахнулись в панике. Это был бесцеремонный и наименее романтичный поступок, который он когда-либо совершал. Неправильно целовать так женщину, даже если это Камрин. Но, в конце концов, он предупреждал её вчера. По крайней мере, сейчас у них состоялся первый неловкий поцелуй.

И он был действительно неловким.

— О боже. У меня глаза жжёт, — заявил Джастин. Придурок.

Трой вернул Кэм обратно в вертикальное положение, держа её за руку, чтобы она не упала в обморок от шока, а затем снова повалился на стул. Камрин осталась стоять, глаза прикованы к православному распятию на стене над камином.

Даже Иисус плакал.

Нана села в своё кресло, оценивая ситуацию.

— Почему Трой только что поцеловал Камрин? Не может же он настолько сильно нуждаться в сексе.

Челюсть Троя отвисла, когда он посмотрел на Камрин, которая наконец-то очнулась от оцепенения. Она взглянула на Нану и сглотнула. Для любого неосведомлённого человека она

выглядела так же, как и всегда, уравновешенная и спокойная. Но её ногти впились в ладонь.

Когда все промолчали, Трой, готовый к защите, заговорил:

— Нехорошо было так говорить, Нана. — На самом деле это было прямо-таки жестоко.

Он любил Нану — их всех, — но её язык мог быть острее меча.

Йяка Гарольд заговорил прежде, чем Нана смогла бы возразить:

— Получается, что Трой — парень Камрин. — Он почесал голову, его редющий чёрный зачёс, прикрывающий лысину, не сдвинулся ни на сантиметр.

Взгляд Наны заострился, пока она поглядывала между ними двумя.

— Мой слух, должно быть, меня подводит.

— Нет, Нана, — проговорила Хизер. — Это правда. И, думаю, они прекрасная пара. Давно пора.

Все поглядели на Хизер, как если бы она только что протанцевала по гостиной с голой попой. Включая Джастина, который попытался прикрыть шок кивком. Черт, даже Трой не смог скрыть своего сомнения.

Фишер выскочил за парадную дверь.

Нана засмеялась. Расхохоталась.

— Хизер, какого чёрта ты идёшь у них на поводу? Должно быть, твои глаза тебя подводят, тупица. Я хочу сказать, посмотри на неё. — Она указала на Камрин, и все в комнате в унисон уставились на Камрин. — Моя внучка... симпатичная, но она не в *его* лиге.

Трой втянул воздух. На протяжении многих лет он привык к поддразниваниям семьи за его привлекательную внешность. Поддразниваниям к внешности Хизер. Поддразниваниям друг друга за одно или другое. За зачёс йяка Гарольда. За постоянное несварение желудка тетаки Миртл. За фиолетовую помаду кумы Виолы. За ямочку Фишера. За чрезмерное потребление соли мамой. За лысую голову папы. И Камрин... ну, за всё.

Он никогда не замечал, до сих пор, какими обидными могли быть их слова. Камрин умная и рациональная. Больше приходилась им матерью, в каком-то смысле. Он никогда не задумывался, беспокоит ли её это все, потому что, казалось, её ничто не волнует. Камрин защищает тех, кого любит, но кто защищает её?

Когда он взглянул на неё сейчас, стоящую с прямой спиной и высоко поднятым подбородком, казалось бы, она была все той же. За исключением того, что уголки её остекленевших глаз были опущены, а брови ещё чуть-чуть сдвинулись. Её челюсть подёргивалась, когда она сглатывала.

Они вдалбливали ей всё то, что сказал её бывший.

Со своего места в кресле он взял её за руку и сжал. Она не ответила, и её рука была холодной: наверное, из-за остановки циркуляции двадцать минут назад. А кто-нибудь из них удосужился рассказать ей обо всех её подкупающих качествах?

— Она симпатичная, Нана. И слишком хороша для меня.

Если и была хоть доля правды во всей той лжи, что они наговорили, так это она и есть.

Взгляд Камрин упёрся в пол, когда она забрала свою ладонь из его руки. Прокашлявшись, она сказала:

— Дайте мне минутку, чтобы умыться к ужину, и потом я помогу вам накрыть на стол.

Спокойная, как всегда, она прошла к лестнице на другой стороне комнаты, поднялась наверх, и только после того как он услышал, что дверь закрылась, началась болтовня. Трой поднялся и посмотрел в окно, увидев Фишера, расхаживающего во дворе. Его взгляд упал на

Хизер, которая пожёвывала свою губу.

Трой покачал головой и обратился к остальным:

— Мы с Камрин теперь вместе. Это не шутка и это не обсуждается.

И прежде чем они смогли бы ещё больше его разозлить, вынудив сказать что-то, о чём он бы пожалел, Трой вышел за дверь, чтобы встретиться с Фишером. Стараясь изобразить беззаботность, которую не ощущал, он сел на верхнюю ступеньку крыльца и стал ждать Фишера.

Через пару секунд Фишер развернулся к нему, его тёмно-карие глаза сузились до щёлочек.

Прежде чем его друг смог нанести удар, Трой выставил руки.

— Никаких синяков под глазами на свадьбе, дружище.

Широкая челюсть Фишера расслабилась, когда он выпрямился. Он провёл ладонью по коротким, волнистым каштановым волосам.

— Как ты мог не рассказать мне, Трой? Как? — Он прошёлся к обочине и обратно. — Камрин? В самом деле?

Не было никакого логического или безопасного объяснения, так что Трой сплёл пальцы и посмотрел вниз.

— Разве у тебя в Милуоки закончились женщины? Раз тебе пришлось трахаться сейчас с ней?

Трой заскрипел зубами.

— Сегодня у тебя было очень сильное потрясение, так что я спущу это. Но даже у меня есть предел, Фишер.

— Она не просто какая-нибудь девушка. Она не игрушка. Встречаться — это не игра для неё.

— Я в курсе! — взревел Трой, поднимаясь. Он опустил руки на бедра и сосредоточился на горшке с бегониями, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего.

— Как... — выдохнул Фишер, скрестив руки на груди. — Как долго это продолжается?

Трой извлёк из памяти информацию, которую сообщила ему Кэм.

— Начиная с прошлого января. Я был в Чикаго и заскочил, чтобы поздороваться. Кое-что... произошло.

— Произошло, — тупо повторил Фишер. — Произошло.

Трой провёл рукой по лицу.

— Сожалею, что не рассказал тебе раньше. — Не то чтобы он мог, учитывая, что сам только вчера узнал.

— Так не пойдёт. — Когда Трой собрался спорить, Фишер поднял руку. — Я *против*.

— Я достаточно хорош, чтобы быть твоим лучшим другом, но недостаточно хорош для неё. Так, Фишер? Она заслуживает лучшего, чем строителя с осуждённым отцом-пьяницей?

Фишер закрыл глаза и уронил голову. Трой думал, он будет отрицать это, но тот не стал, подтверждая реальную правду. Он был недостаточно хорош. Он никогда не будет достаточно хорош. Он не был по-настоящему членом семьи, не по крови. Они всегда будут на её стороне. Они будут на её стороне, когда свадьба останется позади. И он останется один.

— Ради всего святого, это же Камрин, — проговорил Фишер. — Она легко не привязывается. Когда ты её оставишь, а ты оставишь, это её убьёт.

Он не мог рассказать Фишеру правду, в том числе и о том, что именно Камрин собиралась положить конец их фальшивым отношениям, а не Трой. Фишер был его лучшим

другом почти всю его жизнь, как и братом, как если бы они были связаны родством. Он ничего не знал о том, что на самом деле происходит, так что его слова резали гораздо глубже, чем всё, что пьяница-отец когда-либо говорил Тройю.

— Поверь в меня хоть немного, Фишер. Кэм другая. Сейчас всё по-другому. — Это всё, что он мог сказать.

Фишер покачал головой и уставился на него.

— Да поможет мне Бог, тебе лучше очень хорошо подумать о том, что ты делаешь. А пока держись от меня подальше.

Трой наблюдал, как тот обходит дом и исчезает из поля зрения.

А потом вздохнул.

Вилки скреблись о тарелки. Губы отпивали из чашек. Чавканье было таким громким, что у Камрин разболелась голова. Она почти предпочла допрос тишине.

Йяка Митч зачихнул в себя кусочек сармы и заговорил с набитым ртом:

— Итак, вы двое спите вместе?

И она ошибалась. Молчание было лучше. Намного, намного лучше.

— Конечно, спят, — сказала её мама. — Верно?

— Джентльмен никогда не скажет, — ответил Трой.

— Ха, — произнесла кума Виола. — Ты не джентльмен, Трой Лански.

Камрин очень осторожно положила вилку, хотя она и не ела ничего.

— Некоторые вопросы являются личными. Даже в этой семье.

Кума Виола пожала плечами и посмотрела в свою тарелку.

— Бьюсь об заклад, что Кэм во время секса перечисляет цифры продаж.

Йяка Гарольд закашлялся.

— Хорошая шутка.

А Нана ещё не съела ни кусочка.

— Я, например, не уверена, что они встречаются.

Здорово. И что теперь? Речь пойдёт об их сексуальных позах?

Глаза Наны сузились, и Камрин понадобились все её ресурсы, чтобы не выбежать из комнаты.

— Трой, она храпит?

Веселье в глазах Троя не ослабило её напряжения. У него был шанс пятьдесят на пятьдесят дать правильный ответ.

— Нет.

— Видите, я же говорила — это ложь, — проговорила Нана, вскидывая руки в воздухе для драматизма. — Она храпит громче, чем носорог во время течки.

Хизер положила ладонь на руку Наны.

— Я не хочу знать, откуда ты знаешь, как звучит носорог во время течки. И мне очень неприятно говорить тебе об этом, но это ты та, кто всегда храпит. Я в течение шестнадцати лет жила в одной комнате с Камрин. Она не храпит.

Голубцы поднялись с противня и начали танцевать вальс на обеденном столе. Камрин наблюдала за ними, кружащимися вокруг маслѐнки до тех пор, пока Нана снова не открыла свой рот.

— Какого цвета нижнее бельѐ на ней сегодня, Трой?

Сарма плюхнулась обратно вниз.

Йяка Митч рассмеялся.

— Она носит белые хлопковые трусики. Она слишком консервативна, чтобы покупать что-нибудь сексуальное. Я прав, Кэм?

Он посмотрел на неё, как если бы она на самом деле ответила на этот вопрос.

— Если уж вам так обязательно надо знать об этом, то они голубые. — Трой посмотрел на неё, улыбка на полную мощность на месте, как бы говоря: «Видишь, говорил же, что они спросят».

— Докажи, — потребовала Нана.

Все за столом посмотрели на Камрин.

— Я не покажу вам своё нижнее бельё.

— Ай, да ладно, дорогая, — протянул Трой.

Её сильно подмывало воткнуть вилку прямо ему в лоб.

— Нет.

Фишер бросил приборы на тарелку. Лязгающий звук длился дольше его молчания.

— Можем мы прекратить говорить об этом? — прокричал он больше как приказ, чем вопрос.

— А на моих трусиках «Красавица и Чудовище», — сказала Эмили, сама невинность.

Анна встала.

— Кэм, не могла бы ты мне помочь на кухне на минутку?

Анна только что стала её любимым человеком на планете. Камрин собиралась посвятить ей храм на лужайке перед домом.

— Конечно. — Она поднялась и последовала за своей невесткой из комнаты.

Пока Анна стояла над тортом, разрезая его на маленькие кусочки, она покачала головой.

— Я молчала об этом до сих пор, но всё же должна спросить. Ты уверена, что знаешь, что делаешь?

Кэм передавала ей тарелки, чтобы она могла разложить торт.

— Я так думала. Но сейчас уже не совсем уверена.

Анна улыбнулась и посмотрела на неё с понимающим выражением лица.

— Они кучка сумасшедших, но они успокоятся. — Она подошла к её стороне стойки и обняла за плечи. — А знаешь ли ты, что заткнёт их быстрее?

Прежде чем Камрин посмела бы спросить, Анна приподняла подол её платья, заглянула под него и опустила обратно быстрее, чем Камрин успела моргнуть.

— О боже, они голубые.

Камрин вздохнула.

— Не могу поверить, что ты только что это сделала. Ты слишком долго прожила в этой семье. Они тебя развратили.

— Расслабься, — сказала она, протягивая ей две тарелочки торта. — Я делаю это ради тебя.

— В этой семье нет ничего святого? — пробормотала Кэм, не ожидая ответа.

Анна взяла две тарелки.

— Шутишь? Когда я была беременна Эмили, то молилась день и ночь, чтобы у меня не начались схватки в присутствии семьи. И что произошло? Схватки начались во время воскресного ужина. Знаешь ли ты, какой это ужас рожать в одной комнате с десятком людей? — Анна улыбнулась, несмотря на воспоминание. — Но когда она родилась, Кэм, это того стоило. У Троя никого нет. Можешь ли ты себе это представить? Какой бы иногда

злобной и сумасшедшей ни была твоя семья, я бы выбрала её, чем вообще никакой.

Позволить Анне стать голосом разума. Поставить себя на её место.

— Ты права. Ты абсолютно права. Спасибо.

Улыбка Анны никогда не гаснет.

— Позволь им свыкнуться с мыслью. И это тоже пройдёт.

Они прошли обратно в переполненную столовую, чтобы раздать десерт. Как только у всех были полные рты, Анна сказала:

— К сведению, её трусики голубого цвета. Я проверила.

По дороге домой Трой вытащил свой сотовый и улыбнулся входящему сообщению.

— Чему ты улыбаешься? Это было катастрофой.

Помимо того, что Фишер разозлился, а Нана оскорбляла Кэм до такой степени, что — он был вполне уверен — она плакала наверху, и Трой, возможно, потерял своего лучшего друга на всю жизнь, он бы сказал: это был абсолютный успех.

— Это было не так уж и плохо. Они нам поверили.

— Только после того, как Анна заставила меня сверкнуть в кухне бельём.

Он бы хотел увидеть выражение её лица.

— Хизер только что написала мне сообщение. Она положила твой чемодан в багажник, так что ты можешь остаться в гостевой комнате.

Она ничего не сказала.

Трой начал проигрывать свои мелодии на телефоне. Ухмыляясь, он включил демоверсию «I Will Survive».

— Что думаешь о своём новом рингтоне? — Она не ответила. — Нет? Хорошо, а как насчёт этого?

В автомобиле зазвучала песня «Crazy» Пэтси Клайна.

— Мне не нужен свой собственный рингтон. И это вовсе не смешно.

— Чутьочку забавно. — Он поставил «My Life» Билли Джоэла.

— А какой рингтон стоял на меня раньше? — спросила она.

Он пролистал свои загрузки и проиграл «Имперский марш» из «Звёздных воин», музыку, звучащую всякий раз, когда Дарт Вейдер появлялся в кадре.

— Очень смешно.

— Я же говорил, — ответил он. По крайней мере, сейчас она улыбается. Он нащёл «Когда я вижу тебя улыбающейся» группы «Bad English» и нажал «сохранить».

Она въехала на его подъездную дорожку и посмотрела на него краешком глаза.

— Уверен, что всё нормально, если я останусь здесь? Я могу подпортить твою репутацию.

Она пыталась быть забавной, но он не купился.

— Твоя семья неправа, Кэм. То, что Нана тогда сказала, было подло и совершенно не соответствует действительности.

Её взгляд вернулся к лобовому стеклу. А указательный палец барабанил по рулю.

— Фишер был очень расстроен.

Да, и Трой не хотел об этом думать. Он вышел из машины, забрал её чемодан из багажника и открыл входную дверь.

— Иди и надень пижаму. Мы собираемся пить пиво и смотреть «Ночь живых мертвецов».

Она будет смеяться, если это станет последним, что он сегодня сделает. Второй раз,

когда его привезли в приёмную семью Кович, он и Камрин, вместе с Фишером и Хизер, пробрались вниз, чтобы посмотреть фильм по телевизору. Хизер, плача, убежала наверх, а Фишер заснул. Но Трой и Кэм на протяжении всего фильма смеялись над его абсурдностью.

Она улыбнулась и забрала у него чемодан.

— Налей-ка мне вина вместо пива, и ты в деле.

Камрин натянула свои боксёры, служившие частью её пижамы, и уставилась на диван, а затем на бильярдный стол. Кто ставит бильярдный стол в комнате для гостей? Этот диван ни за что не распрямить, когда этот стол стоит так близко.

— Э-э, Трой?

Она услышала его шаги, ступающие по коврику в коридоре.

— Я иду за тобой, Барбара, — произнёс он мрачным монотонным голосом, имитируя реплику из их фильма.

Она почти улыбнулась.

Трой прислонился к двери и скрестил руки на обнажённой груди. Обнажённая грудь. Мускулистые бицепсы. Шесть кубиков пресса. Или, может быть, двенадцать. Во рту стало сухо. Её взгляд метнулся вниз, к его пижамным штанам, и остановился.

Он проследил за её взглядом вниз.

— Что?

— На тебе пижама с Губкой Бобом Квадратные Штаны.

— Ну да. И?

— Может, на тебе ещё и нижнее бельё с Бэтменом? — Боже. Он даже Губку Боба сумел сделать сексуальным.

Он усмехнулся, заставляя её лицо пылать.

— Не-а. Обычные белые хлопчатобумажные трусы. Хочешь посмотреть?

Её кожа сейчас выгорит с лица.

— Нет. — Да.

— А что не так с Губкой Бобом?

Она пристально посмотрела на него.

— Хочешь сказать, помимо того, что тебе тридцать лет?

Его брови приподнялись.

— Так и знал, что надо было надеть ту, со Скуби Ду. Она бы тебя не возбудила, не так ли?

Она вздохнула. Он рассмеялся. У него был великолепный смех. Непринуждённый звук, предназначенный развеять беспокойство и вернуть к жизни каждый нерв её тела.

— Где твоя рубашка? — спросила она, раздражённая тем, что он так легко мог тронуть её до глубины души, ничего при этом не делая. Трой не сделал ничего такого примечательного, по сравнению со всеми, кого она знала. Он пожал плечами. — Ты обещал мне пижаму. Что включает в себя и рубашку. — *Пожалуйста, ради любви ко всему человечеству, надень рубашку!*

Он кивнул.

— Обещал. — Он покинул комнату и вернулся секундой позже в футболке с лягушонком Кермитом. — Лучше?

Господи, и она согласилась жить в одном доме с человеком, который только что сошёл с дошкольного чу-чу поезда.

— А у тебя есть что-нибудь без мультяшного персонажа?

— Технически, Кермит — кукла «маппет».

— Ладно, неважно, Трой.

Он сделал шаг ближе.

— Почему тебя это волнует?

— Ты взрослый человек.

Он снова пожал плечами.

— Надо принимать своего внутреннего ребёнка.

— Или, в твоём случае, внешнего ребёнка.

Он смотрел на неё мгновение, расплываясь в медленной, лёгкой ухмылке. Будь он проклят.

— Даже ты когда-то была ребёнком, Кэм. Разве ты ни разу не просыпалась ранним субботним утром, просто ради веселья, и не съедала тарелку каши во время просмотра мультфильмов?

Он был безнадёжен.

— Нет.

— Какой позор. — Он снова наблюдал за ней, словно хотел над ней посмеяться. Или начать бой подушками. — Мне их Эмили купила. Каждое Рождество Анна водит её по магазинам ради моего подарка. Я ношу их, потому что они напоминают мне о ней.

— О-о. — О-о. Вот это на самом деле было действительно мило.

Она отвела взгляд и оглядела комнату, чтобы больше не смотреть на него. Этот его образ без рубашки навсегда запечатлелся в её памяти, в сочетании с приятным чувством, что он носит одежду, которую купила ему крестница. Но, в любом случае, какое он имел право выставлять напоказ свою сексуальность? А то, что он так заботится об Эмили, делало его ещё более привлекательным.

И зачем же она позвала его сюда?

Диван. Точно.

— Я не могу расправить диван из-за этого бильярдного стола.

Он подошёл к ней сзади, прижимаясь грудью к её спине. Что-то странное случилось с её внутренностями от его прикосновения. Она замерла. Сильно зажмурила глаза. Он окружил её со всех сторон. От него так хорошо пахло, словно на открытом воздухе в начале лета. И мылом. Его дыхание обдувало её затылок. Мысленно она посоветовала себе закрыть рот. Физически, она не могла даже сглотнуть. Поддавшись вперёд, он скользнул рукой по её животу и потянул за ручку дивана. Его рука мимолётно задела её руку, вяло свисающую на боку. Его кожа была такая тёмная, загорелая по сравнению с её.

Пружины заскрипели, когда он потянул. Появилась половина кровати. Она оглянулась через плечо, понимая, что кровать *не достаёт* до бильярдного стола. Едва.

— О-о. Полагаю, она всё же поместится. Без разницы, — проговорила она, чувствуя себя идиоткой. И взволнованной. Трой всегда мог так легко задеть её за живое. — Я уже поняла.

Он не пошевелился, по-прежнему полный решимости помочь. Тепло от его тела заставило её температуру повыситься. Они оба потянулись за ручкой, чтобы расправить кровать, и в последовавшей за этим битве, кто первым её вытянет, отлетели назад. Она приземлилась на него сверху на бильярдном столе.

Камрин застыла, раскинув руки.

— Неловко получилось, — пробормотала она.

— Не знаю, — заспорил он. Его голос звучал странно. Глубоко. — Я никогда не занимался сексом на этом столе. Это может быть весело.

Она издала страдальческий звук и сползла с него, приземляясь на кровать.

— Не мог бы ты быть серьёзным, Трой?

Ей так бы этого хотелось.

— Предполагается, что мы *встречаемся*, — ответил он, будто ни капли не смущаясь.

— Но не без свидетелей. — Она откинула волосы с лица.

Его смех на несколько секунд заполнил комнату, когда он приподнялся и спрыгнул со стола.

— Могу я ещё в чём-то тебе помочь, Кэм? Найти душ? Использовать одеяло?

Она вздохнула, и её глаза сузились. Несносный человек!

— Неоновая вывеска пива «Миллер лайт» выключается? А то немного ярко для ночника.

Он потянул за верёвку, висящую под вывеской на стене, погружая комнату в полную темноту.

— Лучше?

— Да. Спасибо. — *А теперь убирайся, пока в моей голове не появилась фантазия.*
Снова.

Трой уставился на бильярдный стол, как если бы думал о том же, что и она. Он моргнул и вновь посмотрел на неё.

— Почему бы тебе не занять мою комнату? А я посплю здесь.

— Нет-нет. Все хорошо. — Вроде как.

— Уверена? У меня есть простыни с Трансформерами.

Сглотнув, она посмотрела ему в глаза, желая знать, о чём он на самом деле думает.

— Почему ты это делаешь?

На его лице промелькнуло раздражение.

— Делаю что?

Ведёшь себя мило. Пробуждаешь во мне желание узнать, что под одеждой мальчишки.

Она скрестила руки на груди, чтобы отгородиться от холода.

— Соглашаешься со мной встречаться.

Он вновь уставился на бильярдный стол.

— Не знаю, но я сказал, что сделаю это. — Он снова посмотрел на неё, его взгляд блуждал по её лицу и опустился к губам, где задержался на несколько секунд. — Я сделал бы ради тебя всё что угодно. Ты же знаешь. И знаешь почему.

Её рот приоткрылся. Нет, она не знает.

Он отвёл взгляд и потёр затылок.

— Спокойной ночи, Кэм.

— Трой. — Она изо всех сил пыталась встать. — Спасибо.

Он повернулся в дверях.

— Не нужно меня благодарить.

Глава четвёртая

Уроки жизни согласно Камрин:

Бежать, опаздывая, — тоже упражнение.

Нестись через аэропорт Генерала Митчелла было чем-то прямо из сценария к фильму «Один дома». Йяка Гарольд настоял, что оставит билеты у себя, Нана брюзжала, что нуждается в инвалидном кресле, кума Виола наносила помаду во время прохождения через службу безопасности, а из-за Эмили охранник выплюнул свой кофе, когда малышка заявила, что у него «большая дубинка».

Ковичи никогда и ниоткуда не уходят, не оставив о себе неизгладимого впечатления.

Трой закрыл глаза и откинул голову на сидение, как только выключился сигнал «Пристегнуть ремни». Девять километров над землёй в замкнутом пространстве самолёта в течение трёх часов в обществе семьи. Хороший способ провести время. Он схватил журнал и пролистал его.

Фишер прошёл мимо них, чтобы отвести Эмили в уборную. Он кивнул Камрин, стараясь не смотреть на Троя, и прошёл дальше.

— Не понимаю, почему он так психует, — сказала Кэм.

— Мы оба знаем нрав Фишера.

— Но зачем злиться на тебя? Он должен быть зол на меня. Я его сестра.

— Он думает, что я причиню тебе боль. Моя история свиданий не слишком способствует изменению его мнения.

В глубине души Трой понимал, что они с Кэм, согласно мнению Фишера, пересекают пресловутую линию. Линию, которую они не должны переступить, но переступили. Или же он думал, что они это сделали. Трой так сильно хотел рассказать своему лучшему другу, что это ложь. Зная об этом, Фишер бы почувствовал себя лучше. Но какой-то его части нравилась эта ложь. Той его части, которой все ещё нужно было доказать, что он чего-то стоит.

— Фишер должен понимать, что скорее это я причиню тебе боль. Я имею в виду, это же я здесь замкнутая. Я бы никогда не позволила мужчине причинить себе боль.

Она позволила мужчине обидеть её. Она может не понимать этого, не признавать, но этот мерзавец, Максвелл, *причинил* ей боль. Тогда как Трой не просто какой-то посторонний мужчина. Если бы это было не так, то все было бы по-другому, и уже его оставили бы в одиночестве.

Он отложил журнал и посмотрел на неё.

— У тебя есть чувства, Кэм. Не знаю, почему ты считаешь нужным их скрывать. — Она повернула голову, чтобы посмотреть в окно. — Давай, отворачивайся. Но я знаю тебя намного лучше. И для справки, я бы никогда тебя не обидел. Даже если бы у нас всё было по-настоящему.

Она оглянулась на него, на её лбу появились обеспокоенные морщинки. Подумав, она покачала головой.

— Это бессмысленно. Никто не пострадает, потому что всё это *не* по-настоящему. Фишер переживёт.

В кои-то веки она была более оптимистична, чем он.

— В очень мрачном смысле всё это забавно. Давным-давно мы с Фишером дали обещание никогда не ссориться из-за женщины.

Один уголок её рта изогнулся в усмешке, а брови приподнялись.

— Не совсем то, что вы двое имели в виду.

Преуменьшение.

Эмили перелезла через него, чтобы добраться до Камрин. Трой был весёлым дядюшкой, тётя Хизер была той, кто баловала, а Кэм была любимицей девочки. Наверное, потому, что она разговаривала с ней как со взрослой.

— На тебе краска, тётя Кэм.

— Макияж. Это обычный макияж.

Эмили одарила Кэм оценивающим взглядом, пока Трой улыбался.

— Только обычно ты так сильно не красишься. Это потому что Хортоны лучше нас?

Хортоны — это семья Джастина, и Трой ждал, чтобы услышать, что ответит Кэм.

— Они не лучше нас, милая. Просто другие. Так что мы должны вести себя наилучшим образом.

Эмили прислонилась к её груди и вздохнула.

— Знаю. Папа мне уже сказал.

Трой размышлял, сказал ли Фишер остальным членам семьи вести себя наилучшим образом.

— Какое оно, Колорадо? — спросила Эмили.

— Ну, оно стало тридцать восьмой колонией, присоединённой к Штатам, государственная птица — жаворонок, а дерево — голубая ель.

Трой рассмеялся.

— Она не просила об уроке истории.

Обе, и Эмили и Кэм, хмуро посмотрели на него, так что он заткнулся.

Эмили повернулась лицом к Кэм.

— Папочка сказал, что там есть горы.

— Скалистые горы. Город, в который мы едем, Боулдер, как раз располагается к востоку от гор. Ты сможешь их увидеть. Тебе следует расспросить дядю Джастина о Колорадо. Он оттуда родом.

Без дальнейшего промедления Эмили спрыгнула вниз и прошла к Хизер и Джастину в заднюю часть самолёта. Трой огляделся. Большая часть семьи сидела сзади. Они могли свободно разговаривать, не боясь быть подслушанными.

— Итак, расскажи мне об этом Максе.

— Максвелл. Он ненавидит, когда его называют Максом. Что ты хочешь знать?

Было много всего, о чём он не мог спрашивать.

— Что он подарил тебе на день рождения в прошлом месяце? Ты не приезжала домой. Это должно было быть что-то значительное.

Её взгляд снова метнулся к окну.

— Мы отправились поужинать на следующий день.

— На следующий день?

Она повернула голову, но не смотрела ему в глаза.

— Тогда был самый разгар крупной кампании. И той ночью мы работали допоздна, поэтому отправились поужинать на следующий день.

Код: он забыл.

— Ты его любила?

Она вздохнула.

— Полагаю. Теперь это не имеет значения, ведь так?

— Любовь всегда имеет значение, — сказал он. И Кэм заслуживала кого-то, кто бы не забывал о дне её рождения. Заслуживала большего, чем открытку, которую он отправил ей, даже если та и была музыкальной.

— А что насчёт тебя? Какая она была, твоя последняя девушка?

— Фелиция. Тайная поклонница оперы. У нас бы с ней никогда ничего не получилось.

Кэм улыбнулась, и у него в животе что-то перевернулось, что он списал на турбулентность.

— Угу. А какая проблема возникла с той, что была до неё?

Он встречался с Фелицией всего пару недель. То же самое с девушкой до неё, и той, что была ещё раньше. С ними со всеми было что-то не так. Или, может быть, с ним. В любом случае, они не являлись достаточно важной темой для обсуждения.

— Что ты любила в Максвелле?

Её улыбка исчезла, и он пожалел, что спросил.

— Мы оба любили нашу работу. — Она пожала плечами. — Он был стабильным. Надёжным.

Она говорила так, словно покупала автомобиль, но Трой не настолько глуп, чтобы высказаться об этом вслух.

— Ну, по крайней мере, я покажу тебе, что такое веселье до того, как ты бросишь меня ради ещё одного скучного парня. — Эти огромные карие глаза сузились, и он усмехнулся. — Даже фальшивый парень может быть весёлым.

Эмили снова перелезла через него на колени Кэм.

— Дядя Джастин сказал, что ты умница. И я должна взять у тебя пачку.

Трой смеялся, пока не разболелся бок и пока на него не уставилась половина самолёта.

— Полагаю, ты имела в виду *поучиться*. И тётушка Камрин подходящий для этого человек.

— Джастин Хортон, ты не рассказывал нам, что у вас не дом, а отель! — воскликнула Нана.

Камрин закатила глаза. Только у Наны это могло звучать как оскорбление. Они вышли из автомобиля, который прислали за ними Хортоны. Вычёркиваем это, они прислали *лимузин*.

Джастин потёр затылок и вспыхнул шестью оттенками красного.

— Э-э, ну... он не *настолько* большой.

Но он *был* настолько большим. Камрин посмотрела на распростёршуюся перед ними крепость из серого кирпича. Потребовалось пять минут, чтобы дойти от дороги до парадной двери мимо трёхметрового забора из кованого железа, обеспечивающего безопасность. Высотой в три этажа, дом, должно быть, был площадью в тысячу квадратных метров. Один только гараж был больше дома её родителей. Во дворе можно было провести свадьбу в три раза больше свадьбы Джастина и Хизер. И Кентукки Дерби[12]. А за поворотом виднелась кромка бассейна.

Теперь она понимала, почему Хизер так нервничала.

Из парадной двери вышла женщина и напрямик подошла к Джастину.

— Так хорошо, что ты дома! — сказала она. Джастин был очень похож на неё со своими

светло-каштановыми волосами и тонким угловатым лицом. На ней был мятно-зелёный костюм, стоимость которого была больше месячной зарплаты Камрин.

— О, Хизер. Так приятно снова тебя видеть.

Хизер представила остальных членов семьи, которые, слава богу, ничего не сказали. Камрин надеялась, что их шок продлится целую неделю.

Бернис Хортон присела на корточки перед её племянницей.

— А ты, должно быть, Эмили. Я попросила персонал купить тебе кучу фильмов на твое время пока ты здесь, на случай дождя.

Эмили улыбнулась.

— С порно? У тёти Кэм всегда лучшее порно!

Анна подхватила Эмили и посадила на своё бедро, нервно хихикая.

— Она имела в виду попкорн. Попкорн. Камрин делает ей попкорн и... хм.

Шокирующий взгляд сошёл с лица Бернис, пока она похлопывала себя по груди.

— Конечно же. С попкорном, дорогая. — Она повернулась к Джастину. — Твой отец в кабинете. Почему бы тебе не вытащить его и не провести семье экскурсию по дому?

Из дома вышли два человека из числа обслуживающего персонала, чтобы забрать их багаж, пока семья заходила внутрь.

Камрин и Трой приотстали, пропуская остальных вперёд. Трой наклонился, чтобы прошептать ей на ухо:

— По крайней мере, я буду жить в одной комнате с женщиной, у которой всегда найдётся лучшее порно. Оказывается, есть вещи, о которых ты мне не рассказываешь.

Она старалась не улыбнуться.

— Заткнись, Трой.

Отец Джастина оказался таким же приятным, как и его мама. Увидев, как они заходят в дом, он поднялся из-за стола и пожал каждому руку. Это был такой же высокий как Джастин мужчина, если не выше, с крепким телосложением и грушевидной формой лица, скрытой за выдающимся тёмным обрамлением.

Дом был изумительным. Полы из красного дерева, трёхметровые окна, открытые пространства. В комплекте с библиотекой и медиа-комнатой, на которую Эмили пускала слюни, он был чем-то из голливудского ряда. Вся восточная сторона имела прекрасный вид на Флэтайронс и предгорья у основания горы. На северной стороне располагался бассейн олимпийских размеров с красочным многолетним садом.

В доме было шесть спален. Йяка Гарольд, кума Виола, дядя Митч и тетя Миртл разместились в комнате на втором этаже. Мама, папа и Нана заняли комнату с другой стороны коридора. Фишер, Анна и Эмили устроились на третьем этаже, так же как Джастин и Хизер, и она с Троем. В каждой комнате была своя собственная ванная.

Предоставленные сами себе до обеда, они решили распаковать вещи и обустроиться. Трой плюхнулся на кровать в их комнате.

— Думаю, семья вела себя очень хорошо.

— Да, помимо жалоб Наны по поводу возможности заблудиться.

Комната была лучше, чем в некоторых четырёхзвёздочных отелях, в которых она останавливалась. Обои были светло-голубыми в тёмно-синюю полоску. А рисунок бордюра из колокольчиков сочетался с покрывалом на кровати с балдахин, на которой лежал Трой. На той же стороне, что и ванная комната, стояло бюро с плоским сорокадюймовым экраном телевизора и DVD-плеером. Ряд стеклянных французских дверей вёл на балкон с видом на

горы.

Кэм открыла гардероб, чтобы развесить свою одежду, пока та не помялась.

— Я бы убила за такой гардероб.

— Женщина и её гардероб. Не существует достаточно большого гардероба.

— Моя квартира размером с этот гардероб. — Она повернулась и уставилась на него, в голове замаячила мысль. — Нам придётся делить кровать.

Трой оглядел комнату.

— Кровать достаточно большая. Ничего страшного. Я слышал, что ты не храпишь, так что всё должно быть отлично. — Его улыбка сияла на полную мощь.

Может, и был определённый уровень комфорта с Троем, но всему есть предел, и она не сможет делить с ним постель, будь та королевского размера или нет. И если один из них не ляжет на полу, то они зашли в тупик. Кэм не могла просить его сделать это, но она никогда не сможет ходить прямо, если будет спать на этих деревянных полах. И что это вообще такое с всеобщей одержимостью по поводу храпа?

— Расслабься, Кэм. Я тебя не трону.

В этом нет сомнений. Она не смогла бы с ним справиться, даже если бы он потерял свой рассудок и попытался. Прошлой ночью у него дома она чуть не потеряла самообладание от его прикосновения. Трой же сделал это без задней мысли. Он просто пытался помочь ей расправить кровать. Но это, всё же, заставило её кожу пылать.

Ей нужно отвлечься.

— Чем ты собираешься заниматься, пока у нас будет последняя примерка платьев во второй половине дня?

— Я планирую разнести Джастина с Фишером в «Grand Theft Auto». В той медиакомнате должно быть весело.

Видеоигры. Мужчины.

Он встал и прошёл к французским дверям.

— Они накрывают обед на улице. Готова спуститься вниз?

— Разве ты не собираешься повесить свою одежду?

Его бровь взметнулась в замешательстве.

— Зачем?

Она вздохнула. Чертовски хорошо, что они на самом деле не пара.

Они направились вниз по лестнице и вышли из больших стеклянных дверей туда, где, как они предполагали, разместилась семья, и обнаружили, что находятся на другом конце дома.

— Ух ты, этот дом действительно большой, — проговорила она.

Камрин направилась к столам, когда Трой схватил её за руку. Она посмотрела на него в замешательстве. Его белокурые волосы на горячем засушливом солнце выглядели на несколько тонов светлее, а в его карих глазах показались маленькие золотистые крапинки, которых она не замечала раньше. Она наблюдала, как дёрнулся его кадык.

— Что случилось? — спросила она, беспокоясь, что жара или высота возымели на него своё действие. Когда они впервые вышли из автомобиля, она заметила, как сильно разрежен здесь воздух. Возможно, он ещё не приспособился.

— У меня появилась идея, но она тебе не понравится.

— Тогда мой ответ — нет.

— Но ты же ещё не выслушала какая.

— А мне и не нужно. Если ты считаешь, что это плохая идея...

— Я не говорил, что это плохая идея. Я сказал, что она тебе не понравится.

Она скрестила руки на груди.

— Без разницы.

Он выглядел невесёлым.

— Все сидят там, на той стороне двора. Мы можем их видеть, значит, и они могут видеть нас. Нам нужна публичная демонстрация.

Ей не понравилось, как это прозвучало. Но прежде чем она смогла всё осознать, он рукой обхватил её за талию и привлёк к себе. Твёрдая грудь. Стена из твёрдой груди. Теперь ей не хватало воздуха.

— Веди себя так, словно мы делали это раньше, — прошептал он.

— Делали что?

— Целовались, Кэм. Веди себя так, словно ты целовала меня раньше.

— И как я должна это сделать...?

Слова застряли у неё в горле, когда его рот накрыл её. Сначала она застыла, растерянная, но, когда их носы соприкоснулись, он склонил голову, и её глаза закрылись. Она ухватилась за его руки для равновесия. Мускулистые крепкие руки, которые напряглись под её пальцами. Она помнила, как они выглядели прошлой ночью, но на ощупь они оказались гораздо лучше.

Трой владел невероятным, потрясающим мастерством. Она знала, что он таким будет. Боже всевышний, всегда был. Камрин, однако, не думала, что была способна так же страстно ответить. Острая, удовлетворительная дрожь сотрясла её центр. Её губы приоткрылись, и он скользнул своим языком по её языку. Один раз. Второй. Поцелуй углубился, его руки скользнули вверх, обхватив её щеки, и она прижалась к нему всем телом. Кэм перестала ощущать всё, что было ниже шеи.

Трой. Трой Лански целовал её. При свидетелях. Потому что он делал вид, что он её...

Он отстранился, руки по-прежнему обхватывали её щеки, и уставился на неё.

— Что, чёрт возьми, это было? — прошептал он огрубевшим голосом.

Она думала, что это был поцелуй. И чертовски хороший. У неё, возможно, не было его опыта или его умения, но она не была настолько глупой, чтобы не распознать, когда её только что поцеловали. Должным образом.

Трой заскрежетал зубами, когда его рот сжался в тонкую линию. Он опустил руки и отступил назад. Кэм никогда не верила в самовозгорание, но ей-богу, она взорвётся прямо сейчас от смущения, если он над ней посмеялся. Она не красавица, как другие его женщины. На самом деле, она противоположность сексуальности. Её сердце екнуло, угрожая перестать биться.

— Ты *не* рыба, — выдавил он.

Последнее оскорбление Максвелла из уст Троя отрезвило её. За исключением, он сказал...?

Повернувшись, он пошёл прочь, затем, должно быть, вспомнил, что они вышли вместе, ибо вернулся, схватил её за руку и потянул к ожидающим их за столиками.

— Было похоже на тот ещё поцелуй между тобой и Троем, — проговорила Хизер, снимая шорты и складывая их на скамейке в раздевалке.

Камрин проигнорировала заявление и осторожно сняла с вешалки свадебное платье Хизер. Она расстегнула молнию сзади и присела на корточки, чтобы Хизер могла в него

шагнуть.

— Ты ничего не собираешься сказать? — спросила Хизер.

— Собираюсь. Надень платье до того, как оно помнётся.

Вздыхнув, Хизер сделала как просили. Камрин помогла натянуть наряд, пока он не сел как надо, затем развернула сестру к зеркалу, чтобы застегнуть молнию.

— Я серьёзно, было не похоже, что вы двое тогда притворялись.

Так же, как и не чувствовалось, но Камрин жила в реальности.

— Конечно же, это было притворство. Мы знали, что вы все наблюдали. Это ничего не значило.

Ничего, кроме чертовски горячего поцелуя, от которого её все ещё трясло. Трой со своими идеями мог бы с разбега прыгнуть с очень крутого...

— Ну же. Он хотя бы был хорош, верно?

— Застегнула. Развернись. Давай посмотрим.

Хизер повернулась к зеркалу и пискнула, что, как знала Камрин, всегда предшествовало слезам её сестры.

— Оно великолепно. Ты так не считаешь?

Хизер могла носить пыльные тряпки и выглядеть великолепно, но она была права. Она будет прекрасной невестой. Белое без бретелек платье струилось к полу в элегантном лаконичном стиле, обхватывая её грудь и талию. Вплетённые в атласный шлейф крошечные лавандовые жемчужины были подобраны под цвет платьев подружек невесты.

— Оно прекрасно. Так же, как и ты. — Хизер расчувствовалась, так что Кэм быстро вытащила из сумочки салфетку. — Не залей платье.

Эмили просунула голову в дверь раздевалки и оценила ситуацию.

— Почему ты плачешь, тётя Хизер? Оно, конечно, не такое красивое, как моё платье, но не такое уж и уродское.

Камрин подняла её на руки и открыла дверь.

— Это слезы счастья, зайка.

— Если она счастлива, то почему плачет?

— Не знаю. Если выяснишь, дай мне знать, ладно?

Они вышли, и мама начала плакать, что вызвало цепную реакцию у матери Джастина, Бернис, и дошла прямо до Анны, пока не остановилась на Нане, которая ухмыльнулась с сухими глазами.

— Они тоже плачут от счастья? — прошептала Эмили, как если бы её безумно напугала демонстрация женских слез.

— Да.

Служащая магазина придерживала шлейф, чтобы Хизер могла взойти на постамент перед трёхсторонним зеркалом.

— Думаю, оно хорошо сидит. Длина в порядке. Как чувствуется в талии?

— Хорошо, — ответила Хизер, поворачиваясь, чтобы рассмотреть под каждым углом. — Кэм и Анна, примерьте свои, чтобы убедиться, что с ними всё в порядке.

Камрин опустила Эмили на пол и прошла обратно к раздевалке. Она вручила Анне её платье, а затем зашла в свою примерочную. Что касалось платьев подружек невесты, у Хизер был вкус. Лавандовые и без бретелек, единственным сожалением была тонкая белая лента вокруг талии.

Камрин натянула платье до груди и потянулась за спину к молнии. Она не

застёгивалась. Внутри всё упало. Извиваясь, она дотянулась до внутреннего шва и достала ярлычок. Двенадцатый размер. Её размер. За исключением того, что оно сидело словно десятый.

— Ну как? — спросила Хизер с другой стороны примерочных кабинок.

— У меня — хорошо, — сказала Анна. Камрин услышала, как открылась дверь Анны, и слушала, как они обсуждают длину. — Оно немного длинновато, но с каблуками будет в самый раз.

Камрин положила руки на стену и опёрлась на них, делая глубокий вдох. Она нашла поддельного парня, ей приходится врать своей семье об этом самом парне, унижая себя, и всё это чтобы не испортить свадьбу Хизер, и только для того, чтобы, так или иначе, испортить её, став слишком толстой для своего платья.

Открыв глаза, она повернула ручку.

— Моё не подходит. Платье верного размера, но оно не застёгивается.

Тишина. Молчание затянулось.

А затем последовала ядерная катастрофа. Мама потянула её к зеркалу через весь магазин на постамент. Хизер начала истерически плакать. Анна посадила Эмили в кресло и прикрыла девочке уши. Помощница свадебного салона сжимала, тянула и натягивала, пока Камрин не начала думать, что та сделает ей кровопускание.

Замок не застёгивался.

В последовавшем яростном молчании Нана фыркнула:

— Никаких больше вкусняшек для тебя, мисси. До свадьбы голодаешь.

Камрин закрыла глаза от унижения, представляя Нану лепреконом, танцующим джигу. Это не помогло. Слезы слишком быстро забивали её горло, чтобы сглотнуть их.

Бернис опустилась перед ней на колени.

— Это платье на пять сантиметров длиннее необходимого. Мы можем взять немного этого материала и сделать вставку на спине у молнии. Ты ни за что не отличишь. Эти вечерние платья идут как маломерки. Мне следовало предупредить тебя, когда мы их заказывали. Это моя вина. Мне так жаль.

Камрин посмотрела на мать Джастина, которая бесстыдно врала, чтобы она почувствовала себя лучше. Хотя, это немного сработало. Боль в груди отступила до того, как успели пролиться слезы.

— Мы не сможем сделать это за пять дней, — сказала служащая. — Свадьба слишком скоро.

Бернис поднялась.

— Тогда это сделаю я. Камрин, иди и переоденься. Мы возьмём платье с собой домой.

Все в комнате дружно посмотрели на неё, как если бы старость была заразна.

Бернис пристально поглядела на них.

— Знаю, вы все смотрите на меня как на какого-то сноба. В тот год, когда родился Джастин, мой муж, Тим, сделал несколько удачных инвестиций. До этого мы жили от зарплаты до зарплаты. Персонал не постоянный. Мы наняли их, чтобы помочь со свадьбой. Знаете ли, пока Джастину не исполнилось пять, я шила ему костюмы на Хэллоуин.

Никто не произнёс ни слова, пока Нана не засмеялась.

— Что ж, какое облегчение. Ненавижу богатых людей.

Хизер вытерла глаза.

— Вы действительно можете его исправить?

— Да. — Она посмотрела на Камрин. — Идём, я помогу тебе снять платье.

Всё ещё пребывая в шоке, Камрин позволила Бернис проводить себя обратно в примерочную и помочь снять платье.

— Спасибо. Моя семья иногда может быть немного бестактной, но у них добрые намерения. Не сердитесь за это на Хизер.

— Ох, пожалуйста. Ты ещё не встречала мою маму. Или мою свекровь. — Она повесила платье, пока Камрин переодевалась. — Они немного суровы с тобой, твоя семья.

— Я самая старшая. Что является неотъемлемой частью, полагаю.

Бернис кивнула и улыбнулась, напоминая Камрин об улыбке Джастина.

— Я тоже самая старшая в семье. Ты нравишься своему мужчине такой, какая ты есть, так что не слушай их.

Камрин схватила свою сумочку, нерешительно улыбаясь. Большинству людей она не нравилась такой, какая есть. И Трою в том числе.

Глава пятая

Уроки жизни согласно Камрин:

Со стрессом нужно справляться как собака: если не можешь что-то съесть или поиграть с этим, насы на это и отойди.

Трой уставился на мячик для гольфа на лужайке перед собой, затем на открытое пространство до той стороны, где он должен был приземлиться. Никким образом это не могло закончиться хорошо. Он и дня в своей жизни не играл в гольф. И желания никогда не возникало. Он выровнял свою клюшку, отступил назад и размахнулся.

Мяч отскочил от соседнего дерева и полетел прямо в голову Джастина. Джастин увернулся и посмотрел на Троя так, будто они только что избежали смерти.

Фишер покачал головой.

— Хороший удар, приятель. По крайней мере, ты хоть во что-то попал. А я вот не могу найти свой мяч.

Теперь Фишер с ним разговаривает. Это что-то новенькое.

Трой почесал затылок.

— А вообще, чья это была идея пойти поиграть в гольф? — Они были только на пятой лунке, и их суммарные очки были выше, чем в баскетбольном матче.

Джастин указал обвиняющим пальцем на своего отца.

Тим пожал плечами.

— Вы, ребята, ответили «конечно», когда я спросил.

Трой рассмеялся.

— Я думал, вы имели в виду игру в гольф на приставке «Wii». Мы здесь кого-нибудь убьём.

Тим усмехнулся и засунул девятую клюшку с железной головкой обратно в сумку.

— Слава богу. Я ненавижу гольф. Бернис купила эти клюшки, считая, что для меня это будет хорошая зарядка. Хотите выпить пива в клубе?

Они молча направились обратно к зданию клуба. Уже сидя за столом, после того, как заказали напитки в баре, они засмеялись, соглашаясь больше никогда не повторять опыта игры в гольф.

— Я до сих пор не могу поверить в то, что мой сын женится.

Фишер поставил своё пиво.

— Я пытался предупредить его, сэр.

Тим посмотрел на Троя.

— Полагаю, тогда ты будешь следующим. Вы с Камрин кажетесь хорошей парой.

Трой подавился, делая глоток. Какой парой? Увидев на лице Фишера замешательство, Трой дал задний ход.

— Камрин Кович не так-то просто сделать предложение. Нужно позволить ей думать, что это её идея и предоставить контроль ей.

Уголок рта Фишера приподнялся. Это уже было началом. Катастрофа предотвращена.

Тим усмехнулся и сделал глоток виски.

— Ты хорошо знаешь свою женщину.

Камрин не была его женщиной, и когда-то он думал, что хорошо её знает. До

сегодняшнего поцелуя.

Когда Хизер рассказала ему о том, что этот мужик, Максвелл, наговорил Камрин, его первой реакцией был гнев. Неважно, насколько хороша или нет в постели женщина, джентльмен никогда не озвучит правду. После того, как он об этом задумался — а он очень старался не думать — Трой понял, что Камрин *была* слишком сильно оскорблена, чтобы когда-нибудь позволить себе получать удовольствие от секса.

Но, поцеловав её, он обнаружил, что у Камрин имеется ещё и совсем другая сторона. С виду такая невозмутимая, милая и спокойная. Внутри же...

Что ж, она не чёртова рыба, это точно.

Он любит женщин. Как они пахнут, смеются, ощущаются. Как выглядят ранним утром и их хитрую манеру, с которой они полностью подчиняют себе мужчин. Женщины — последняя великая и непостижимая тайна этого мира. Занятие любовью — одно из истинных сокровищ жизни. У него было много женщин, и он этого не стыдился.

Но ни одна из них не заставляла замирать его сердце, как ранее это сделала Камрин. Ни одна из них не ошеломляла его настолько, чтобы он потерял дар речи.

Чёрт, он бы соврал, сказав, что ему было не любопытно изучить этот вопрос глубже. Хотя, это же Камрин. Живым он бы не выбрался.

— Что ж, — проговорил Тим, — я рад, что вы все смогли приехать. Бернис была так счастлива, планируя эту свадьбу. Она всегда мечтала о дочери.

Джастин отпил из своей бутылки.

— Спасибо за напоминание, пап.

Фишер поднял свой стакан.

— Спасибо, что приняли нас. На это потребовалось много... мужества. — Трой мог сказать, что Джастин хотел рассмеяться, но каким-то образом сдержался.

— А что вы, ребята, скажете на то, чтобы завтра покататься верхом? У Джесси, моей лучшей подруги детства, есть ферма на окраине города. Она насела на меня, чтобы я привёл вас с собой.

Фишер пожал плечами.

— Конечно. И семья сможет отдохнуть от хлопот подготовки к свадьбе.

Джастин рассмеялся.

— Я больше думал типа, что только мы с девочками.

Трой попытался представить Камрин на лошади и не смог.

— К твоему сведению, Джастин, мы никогда не были такими... деревенскими.

— Ох, расслабься, — сказал Фишер. — Все будет замечательно. Эмили хочет пони. Ей очень понравится кататься верхом.

Джастин достал из кармана сотовый.

— Верховая езда, значит, — проговорил он, набирая текст. Через несколько минут он получил входящее сообщение. — Джесси говорит, что лучше будет послезавтра. Она, ребята, вам понравится.

Что понравится Трою, так это выражение лица Кэм, когда она узнает, что он на это согласился. А ещё больше — наблюдать, как она взбирается на лошадь. Он покачал головой и усмехнулся.

— Кэм меня убьёт.

Фишер изучающе разглядывал его.

— С каких пор тебе не наплевать, что думает женщина? Ты можешь справиться с Кэм.

Джастин пристально поглядел на Фишера.

— Ты видел свою сестру? Аттила, предводитель гуннов, и то менее пугающий.

Тим откинулся на спинку стула, будто наслаждаясь шоу.

— Вы почти заставляете меня скучать по молодости.

— Я не сидела верхом на лошади со времён скаутов, — проговорила Камрин и села рядом с ним на кровати, вытирая полотенцем волосы после семейного послеобеденного плавания в бассейне. — Если правильно помню, то после этого я неделю не могла ходить.

Трой отложил пульт от телевизора. Сто каналов, а смотреть нечего.

— Что как раз меня и беспокоит. — Он взглянул на неё краем глаза. — Ты не злишься?

— А я должна?

Он вроде как ожидал этого, да.

Она подтянула одеяло к груди и откинулась на спинку кровати, открывая книгу. Он посмотрел на заднюю сторону обложки, отметив имя своего любимого автора. Она держала в руках последнюю книгу из серии. Хотя он бы не охарактеризовал её как фанатку ужасов.

— Хорошая книга?

Она продолжала читать.

— В ней нет картинок. Она бы тебе не понравилась.

— Ауч.

Она улыбнулась, но не подняла взгляда. У него в груди как-то странно защемило. Кэм не часто улыбалась, особенно так. Она казалась почти беззаботной, когда никто не смотрел и некого было впечатлять. Ему хотелось большего.

Выхватив у неё книгу, он поднял её над своей головой.

— Я читаю книги без картинок.

Её брови приподнялись, но она не сделала попытки забрать книгу обратно.

— Комиксы не в счёт.

— К твоему сведенью, — сказал он, — я прочёл всю эту серию. Гаррет Крофт должен умереть в этой книге, после того как душа его жены станет свободна.

Эти её безумно огромные глаза округлились.

— Он действительно читал.

— Я тоже грамотный.

Она засмеялась, издав простой, низкий звук, рождённый из чистой фантазии, и сердце его чуть не надорвалось. Он мог чувствовать, как ухмылка исчезала с его лица, его рука опустилась на кровать, а взгляд метнулся к её рту. Маленькому, розовому. Нижняя губа чуть полнее верхней.

— А теперь я могу получить книгу обратно? — спросила она, по-прежнему улыбаясь.

Он ломал голову, что бы ещё такого умного сказать, просто чтобы услышать этот её смех снова, но ему ничего не приходило на ум. Он протянул книгу обратно.

— Ты когда-нибудь читала Кинга?

— Иногда. Не так часто. Он постоянно перескакивает с одной темы на другую.

На этот раз он усмехнулся. Он считал точно так же.

— А как насчёт фэнтези или романов? Они могли бы немного тебя раскрепостить. Воодушевить на воплощение каких-нибудь диких идей.

— Я не воплощаю в жизнь дикие идеи.

Кэм не выказывает публичных проявлений любви, но поцеловала его на глазах у семьи. Прежде чем Трой снова мог посмотреть на её рот, вспомнить тот поцелуй, он потянул за

ворот футболки и стянул её. После чего выключил телевизор и плюхнулся на спину.

— Ты на самом деле читаешь любовные романы?

Он закрыл глаза и улыбнулся.

— В них хорошие сексуальные сцены.

— Они так же плохи, как и в кино. Настолько нереалистичны.

Он приоткрыл один глаз и посмотрел на неё.

— А демоны в книгах ужасов реалистичны?

Повернувшись на кровати к нему лицом, она скрестила ноги.

— Ну, нет, но это явный вымысел. Романы же создают у людей впечатление, что подобная любовь существует.

Не могла же она быть настолько потерянной. Он оперся на локти.

— Подобная любовь *действительно* существует.

Она бросила на него скептический взгляд.

— Ой, да ладно. Жили они долго и счастливо, танцы под дождём и единственная настоящая любовь, без которой жить не можешь?

Она всё же *была* настолько потерянной. Это немного разбило ему сердце. Приподнявшись, он сел.

— Ты не веришь в любовь?

— Конечно же, я верю в любовь. Я люблю свою семью. И была влюблена. Не родственные души и прочая ерунда? Нет.

Он не мог поверить своим ушам. Что с ней произошло, что она не может поверить в чудеса и счастье?

— Тогда ты никогда не была влюблена, Камрин Кович. Какое безобразие! — Она поджала губы. Он покачал головой. — Ты когда-нибудь делала что-нибудь глупое в своей жизни? Загадывала желание на звезды, смеялась до боли, влюблялась?

Она одарила его пустым взглядом.

Он встал и подошёл к французским дверям с её стороны кровати. Дождя не было, чтобы танцевать под ним, но зато были звезды.

— Подойди сюда.

Она вздохнула.

— Хорошо, Трой. Я поняла. Ты романтик. Кто бы мог подумать.

Она не поняла. Он протянул руку.

— Иди сюда, Камрин.

После эпической игры в гляделки, она смирилась и встала.

Он открыл двери и вышел на небольшой балкон. Затем провёл её к перилам, лицом к открытому участку двора Хортонов. Став позади неё, он запер её в пространстве между своими руками, ухватившись за перила впереди неё. Опустив подбородок на её макушку, Трой глубоко вздохнул. Прохладный чистый воздух. Сосновый. Ночью было значительно холоднее, чем днём. Когда поднялся ветерок, он почувствовал запах лемонграсса, напомнивший ему о том мгновении с ней в его доме всего несколько дней назад.

— Что мы делаем, Трой?

Совершаем глупые поступки. Его рот опустился к её уху.

— Выбери звезду.

— Зачем?

— Просто сделай это.

Камрин, должно быть, почувствовала, что Трой не отпустит её, пока она не согласится. Кэм вздохнула и указала на звезду в отдалении, выше гор.

— Вон та. А теперь я могу идти?

— Нет, — ответил он, улыбаясь ей в волосы. Такие мягкие. — Загадай желание. Вслух.

— Нет. Это глупо.

Он усмехнулся.

— Загадай желание, Камрин. Что угодно.

Она скрестила руки на груди, так что он опустил свои руки на её талию. Край её футболки едва касался резинки её боксёров, обнажая полоску кожи под его пальцами.

— Отлично, — проговорила она. — Я желаю найти работу сразу же, как только мы вернёмся в Милуоки.

У неё всегда на уме только работа. Запах лемонграсса вновь заполнил его нос и начал оказывать на него воздействие. Трой откашлялся.

— Выбери другую звезду. Загадай ещё одно желание.

— Трой...

— Камрин, — парировал он тем же сухим тоном.

Она указала справа от них, и её волосы скользнули по его ключице.

— Вот эта. Желаю, чтобы моя семья хорошо вела себя до конца поездки.

Ни одно из этих желаний она не загадала для себя. Она не загадала того, чего бы хотела в глубине души, даже если и забыла про это. Желание чего-нибудь сумасшедшего и нереалистичного.

— Найди другую звезду. Закрой глаза и пожелай для себя. То, чего ты всегда хотела, но не думала, что получишь.

— Как мир во всём мире?

Он прикусил язык и покачал головой.

— Для себя, Камрин. Загадай желание для себя. И не говори его мне.

Она посмотрела вверх, обнажая шею, заставляя волосы танцевать на его груди. Он стиснул зубы, когда всё, что ниже его груди, отреагировало. На неё. Из всех людей, именно на Камрин. Он задержал дыхание. Его пальцы коснулись мягкой, тёплой кожи под её футболкой.

— Готово, — произнесла она через несколько мгновений и повернулась в его объятиях. — Мы можем зайти в...?

— Камрин, — выдавил он, теряя последнюю тонкую нить контроля. Её глаза смотрели на него, расширившись. Ореховые в море черноты. Он издал звук, наполовину хныканье, наполовину стон. *Боже, нет.* — Я собираюсь снова поцеловать тебя.

— Но здесь никого нет, чтобы увидеть. Нет необходимости.

— Нет, — прошептал он. — Нecessity нет. Совсем.

Однако его рот всё равно сомкнулся на её губах, и робость её губ, её запах, заставили какую-то его часть желать большего. Больше, чем он мог дать ей. Больше, чем она могла бы дать ему.

Ничего не изменилось с прошлого раза. Поцелуй потряс его словно удар в живот. Она потрясла его. Чистое удовольствие и мучение. Её губы приоткрылись, когда, на сей раз, она углубила поцелуй, и он прижался к ней. Её пальцы вцепились в его бицепсы, возводя голод на совершенно новый уровень. Его пальцы скользили по её бокам, животу, такому мягкому под его мозолистыми руками.

Как кто-то может считать её холодной? Если бы у него было меньше здравого смысла, он бы взял её прямо сейчас. Прямо здесь, под лунным светом, и лишь ветерок был бы между ними. Если бы она не была первым человеком в его жизни, заставившим его почувствовать себя достойным любви ещё тогда, когда он был неловким, испуганным ребёнком, который просто хотел, чтобы его оставили в покое...

Он оторвался от её губ и втянул воздух. Схватившись за перила позади неё, он опустил голову к её груди и попытался урезонить своё тело, успокоиться. Её рука опустилась на его голову, перебирая волосы между пальцев. Его глаза закрылись.

Этого не происходит. Не. Происходит.

У него нет, не могло быть, и не появятся чувства к Камрин.

Уходи. Уходи от неё.

— Блин, — проскрежетал он и поднял голову, не смея взглянуть ей в глаза. Он попятился, врезавшись в дверь, и развернулся.

— Спокойной ночи, Камрин.

Дрожа, Камрин вошла в комнату и закрыла балконную дверь, пройдя в примыкающую ванную, не глядя на Троя. Она бесшумно закрыла дверь и пустила горячую воду в огромную ванну, прежде чем раздеться и залезть в неё. Подтянув колени к груди, она позволила воде согреть её.

Трой её поцеловал. Но на этот раз поблизости никого не было, так что это было не ради показухи. Тогда почему? Сначала он вёл себя так, словно хотел этого. Она не идиотка, Кэм чувствовала его ответную реакцию. Но затем он попятился от неё со взглядом чистейшего ужаса на лице.

И её сердце упало, как и её настроение. Реальность вернулась как пощёчина.

Максвелл был прав. У неё нет страсти, нет притягательности. Холодная как рыба и такая же непривлекательная.

Она прижала руку ко рту, чтобы заглушить рыдания, и опустила голову на колени. Когда она была с Максвеллом, то сказанное им причинило ей боль. Но с Троем, всего на секунду, ей захотелось стать другой. Захотелось стать кем-то, кого он желал. Весёлой и красивой.

Кем-то, кем она не была.

Поделом ей за то, что захотела того, чего не может иметь. За то, что считала, будто может стать такой же, как и другие его женщины. Как она теперь могла смотреть ему в лицо? Как могла смотреть ему в глаза и притворяться, что не была унижена до неузнаваемости?

Притворяться, что это не имело значения.

Она делала это всю свою жизнь. Паршивая овца, некрасивая сестра, скучная коллега. Она прятала свою боль от всех окружающих задолго до этой свадьбы и появления Троя. Она смогла бы сделать это и сейчас. И сделает. Поднявшись, она вытерлась и переоделась. Сделав глубокий вдох, она повернула ручку двери и вышла из ванной.

Трой спал в постели, лёжа к ней спиной. Пройдя по твердой древесине, она забралась под простыни и тихо выключила светильник, чтобы не разбудить его.

Повернувшись на бок, она вглядывалась в ночь через французские двери. Он заставил её загадать желание на звезду. Никогда в своей жизни она не чувствовала себя так глупо. Ребёнком она делала это, пока не поняла, что её желания — легкомысленные глупости. Пустая трата времени. Желания не сбываются, в особенности её.

Но, когда он велел ей закрыть глаза и придумать желание, она вновь стала

восьмилетним ребёнком, который желает того, что никогда не сбудется.

Желает, чтобы кто-то вроде Троя хотел её.

— Камрин, — прошептал он. Он не перевернулся, по-прежнему лёжа к ней спиной. Она едва его расслышала. Когда он больше ничего не произнёс, она подумала, что ей только показалось, пока он не прошептал ещё раз: — Камрин.

— Да?

— Насчёт того, что произошло на балконе...

Нет. Ни в коем случае он не добавит ещё и извинения к её унижению.

— Все нормально, Трой. Ты слишком долго обходился без женского внимания. Я знаю, что это ничего не значит.

У неё было чувство, словно у неё в груди что-то разрывалось. Она прижала туда руку, чтобы ослабить боль. Когда он не подтвердил и не опроверг её заявление, она закрыла глаза, надеясь уснуть.

— Что ты загадала? — спросил он несколько мгновений спустя.

Её глаза распахнулись и ещё раз сосредоточились на звёздах. Зачем он заставил её выйти на балкон и сделать это? Чтобы посмеяться над ней, заставить её выглядеть так же глупо, как она себя чувствовала?

— Ты сказал не говорить тебе.

И я не скажу тебе правду. Это ещё более неловко, чем то, что я в силах вынести.

Кровать зашевелилась, когда он перекатился на спину позади неё.

— Я хочу знать. Пожалуйста.

Нет, он определённо не узнает. Она прикусила язык, заставив свой голос звучать как обычно.

— Дождь. Я пожелала дождь.

Глава шестая

Уроки жизни согласно Камрин:

Старая поговорка неверна. Жизнь проста, это чёртовы люди её усложняют.

За столом во время завтрака все обсуждали планы на день. Камрин сидела, потягивая свой кофе и подумывая о том, чтобы сбежать от окружающих и отправиться на прогулку или в одиночестве поплавать в бассейне. К ней подошла служанка и наполнила её чашку.

Прислуга. Она не привыкла, чтобы люди прислуживали ей, даже если они были молчаливы и едва заметны. На данный момент здесь находились всего несколько женщин, по сравнению с днём их приезда. Одна готовила, другая подавала и убирала. Бернис сказала, что хотела быть свободной, чтобы проводить время вместе со всеми, вместо того чтобы волноваться о таких вещах. Ещё больше обслуживающего персонала прибудет позже, в конце недели, на репетицию и саму свадьбу.

Когда за столом разговор зашёл о местной планерной школе «Майл-Хай», Кэм вернулась обратно к беседе. Она не знала, что такое планеризм, но звучало так, словно потребуется скорая помощь.

— Ха, — прокричал папа, откладывая газету. — Прошлой ночью «Милуоки Брюэрс» выиграли у «Колорадо Рокис».

Джастин был недоволен.

— Я бы играл за них, если бы не вывихнул колено. Мы бы тогда вас сделали.

— Точно, — проговорил Трой. — Ты же в колледже играл в мяч.

Хизер усмехнулась и поцеловала Джастина в щеку.

— Полная стипендия.

Трой откинулся назад и скрестил на руки груди.

— А Фишер был в составе спортивной команды в средней школе. У тебя ещё сохранилось снаряжение?

Джастин кивнул.

— Пылится в гараже.

Фишер подбросил Эмили на коленях.

— Что скажешь, Эм? Хочешь сегодня поиграть в бейсбол?

Сидя за своей красочной, не содержащей питательных веществ кашей, Эмили с энтузиазмом кивнула.

— Ага.

Бернис встала и собрала свою посуду, но одна из служанок тут же у неё всё забрала. Она тоже явно не привыкла к прислуге.

— Действуйте на своё усмотрение, ребята. А я займусь платьем Камрин.

Мама встала.

— Я помогу.

Трой посмотрел на Кэм.

— А что случилось с твоим платьем?

Прежде чем Камрин успела открыть рот, в разговор вклинилась Нана:

— Эта полнощёкая не влезает в своё платье подружки невесты. Так что поиграть в мяч — хорошая идея. Ей необходимы физические упражнения.

Посадка на поезд унижения заканчивается.

Хизер встала, утаскивая Джастина за собой.

— Пойдём вытащим вещи из гаража. Увидимся с вами снаружи.

Камрин вздохнула и встала, отворачиваясь от вопросительного взгляда Троя касательно платья. Уж лучше бейсбол, чем вся эта ерунда с «Майл-Хай».

— Я пойду переоденусь.

После небольшой пробежки наверх, чтобы надеть шорты и футболку, она вышла на улицу встретиться с остальными. Подняв лицо к солнцу, Кэм сделала глубокий вдох, прежде чем отправиться за холм. Влажность воздуха здесь была не такой высокой, как дома, но из-за высоты казалась выше. Хотя температура стояла почти двадцать семь градусов, в воздухе пахло снегом.

Нана примостилась в шезлонге со стороны первой базы, чтобы всё видеть. Они установили летающие диски от фрисби в качестве баз, а позади «дома»[13] лежала груда деревянных бит. Хизер бросила ей перчатку.

Джастин усмехнулся.

— Итак, правила. Эмили не считается как вне игры. Четыре мяча, три удара, никакого инфилд-флая[14]. Два фола[15] — это аут. Йяка Гарольд — судья и кэтчер[16].

Хизер скривила губы, наблюдая за кумой Виолой, которая наносила помаду ужасного сливового оттенка.

— Это бейсбол, кума. Отложите косметику.

Она закрыла тубик.

— Я слишком стара для этого.

— Как и я, — согласилась тетака Миртл.

— Прекращайте жаловаться и играйте, — заявила Нана. — Я не становлюсь моложе.

Фишер и Джастин набирали команды.

— Трой, — произнёс Джастин.

— Хизер, — возразил Фишер.

— Анна, — вызвал Джастин.

К тому времени, когда они закончили с отцами, дядюшками и тётушками, очередь, наконец, дошла и до Эмили с Камрин.

— Эмили, — произнёс Фишер.

Камрин вздохнула и положила руки на бедра. И снова всё как на уроке физкультуры.

— Ты выбрал Эмили вместо меня? Да ладно!

Трой усмехнулся и посмотрел на Фишера.

— Мы выбирали первые, так что первыми бьёте вы.

Они поставили Камрин в правом поле, что было к лучшему. Там не происходило никаких действий. Хизер подошла к плите и замахнулась на первую подачу. Папа поймал её со второй базы. Отец Джастина отбил мяч обратно Анне после того, как она его подала. Папа побежал к первой базе, чтобы заработать аут. В свою очередь, кума Виола так сильно замахнулась, что бита вылетела из её рук, тем самым вынудив йяка Гарольда броситься на землю. Фу-у, ужас. Нана так сильно смеялась, что разразилась двухминутным приступом кашля.

— И ты предпочёл выбрать её вместо меня! — заорала Камрин.

Анна сопровождала куму следующие три подачи: видимо, чтобы спасти остальных от телесных повреждений.

Затем к плите подошёл Фишер и отбил мяч прямо к Камрин. Она вскинула руку вверх, отходя назад и забегая вперёд до тех пор, пока совсем не потеряла его из поля зрения на солнце. Мяч приземлился на траву рядом с её ногой. Она уставилась на него, а затем, пока все кричали на неё, начала реагировать. Она подняла мяч и бросила его Анне. Ну, не совсем Анне, на самом деле. Он приземлился ближе к Нане. К тому времени, когда крики прекратились, Фишер и кума набрали очки. А йяка Митч забил третий аут.

Камрин побрела обратно к «дому». Когда она уже была на полдороги, Нана ей прокричала:

— Шевелись, мисси.

Она не так представляла себе веселье.

Анна и тетака Миртл отбивали подряд друг за другом. Джастин, папа и Трой остались на базах. Затем к плите подошла Камрин, волоча за собой битую. Хизер подала два страйка. Камрин не замахнулась ни на одну подачу.

Нана тяжело вздохнула со своего места в шезлонге.

— Нужно замахнуться, чтобы отбить мяч.

Ах, вот как это работает? — подумала она с сарказмом.

Когда Хизер вернула руку в исходную позицию, чтобы подать Камрин третий страйк, она решила, что замахнётся, несмотря ни на что. Она занесла битую и ударила по мячу. Камрин уже представила себя, выделывающей счастливый танец, пока не поняла, что мяч летит в фол. И не просто за линию поля, а в сторону Наны.

Мяч приземлился прямо в центр лба Наны, отбрасывая восьмидесятипятилетнюю женщину назад с её стульчика на спину.

Все застыли. Камрин уронила битую.

После долгой паузы, когда никто не мог поверить в случившееся, все кинулись к Нане, крича одновременно.

— Иисус, Кэм. Ты убила Нану. — Это йяка Митч.

Ну, это было не нарочно!

Анна вытащила упавший шезлонг из-под Наны и поставила его обратно в вертикальное положение. Трой с Джестином помогли Нане подняться на ноги и посадили её обратно в кресло. Кто-то отправил Эмили принести лёд. Девочка помчалась в дом.

Камрин отступила назад, её трясло. Единственное, что она могла видеть — убийственный взгляд Наны, направленный прямо на неё, и огромную покрасневшую выпуклость, образующуюся между её глаз.

— Сколько пальцев я показываю? — спросил йяка Гарольд.

— Она не может этого видеть, — настаивала тетака Миртл. — У неё близорукость.

— Нет, — утверждала кума Виола. — У неё дальновзоркость.

Эмили прибежала обратно, сложив руки лодочкой.

— Вот лёд.

Анна посмотрела вниз, подхватила Эмили на руки и пошла в сторону дома.

— Давай положим этот лёд в пакет, радость моя.

— Отстаньте от меня! — настаивала Нана. — Я в порядке.

— Ты уверена? — спросила Хизер. — У тебя большая шишка.

Рука Наны взметнулась к голове.

— Она нарочно меня ударила! — морщинистый палец указал на Камрин.

Все оглянулись на неё.

— Ой, да ладно. Я же не нарочно! Это была совершенная случайность.

Вернулись Эмили с Анной, а следом за ними шла мама.

— Камрин Кович, ты ударила свою бабушку бейсбольной битой?

Господи, помилуй.

— Это был мяч, а не бита! И это была случайность.

Возможно, планы были лучшей идеей.

Анна, голос разума, присела перед Наной. Она положила пакетик со льдом ей на лоб.

— Что-нибудь ещё болит? Бедро? Спина? — Нана покачала головой. — Не тошнит?

Перед глазами не расплывается? — Нана снова покачала головой.

— Пойдёмте, — объявил Фишер. — Давайте заведём её в дом.

— Но я ещё не отбивала! — взвизгнула Эмили.

Джастин подвёл Эмили к «дому», чтобы позволить ей отбить, перед тем как считать игру законченной, пока остальные заводили Нану внутрь.

— Думаю, её следует отвезти в больницу, — сказала мама в дверях.

— А я считаю, что ты должна прекратить болтать и заняться своими делами, — проговорила Нана.

— Ребят, — вставил Фишер. — Это же Камрин отбила мяч. Не мог быть удар настолько сильным.

Камрин стояла снаружи, когда перед её носом закрылась дверь. На несколько мгновений она смотрела на неё, пока, в конце концов, не решила прогуляться. Возможно, этот прекрасный день закончится для неё укусом ядовитой змеи.

Она прошла мимо Джастина и Эмили, практикующихся в подаче. Эмили отбила мяч на полметра вперёд и обрадовалась. Понятно. Неудивительно, что они предпочли выбрать трёхлетку вместо неё.

— Ты куда? — спросил Джастин.

Камрин указала на запад.

— На прогулку.

— А можно и мне пойти? — спросила Эмили.

Камрин взглянула на племянницу и согласилась, полагая, что из-за всей этой шумихи в доме будет спокойнее без них *обеих*.

После ужина Трой направился в медиа-комнату, чтобы выбрать для них с Кэм фильм и посмотреть его наверху. Может, у Хортонов есть диск с «Высшей лигой». Сейчас это было бы смешно. В комнате уже находились Бернис и Кэм: Кэм в вечернем фиолетовом платье, а Бернис стояла за её спиной, закалывая подол.

Он остановился как вкопанный. Платье без бретелек плотно обхватывало её грудь и талию, ниспадая каскадом к полу и демонстрируя её изгибы в форме «песочных часов». Платье было прекрасным. Так же, как и Кэм. Она не часто носила одежду ярких цветов, придерживаясь в основном белых, бежевых и чёрных тонов. И в ярком платье она выглядела по-другому.

Никем не замеченный, он нескольких минут разглядывал её, а затем откашлялся.

— Это платье подружки невесты? — спросил он.

Застигнутая врасплох, Кэм посмотрела на него, а потом повернулась к Бернис.

— Я пойду переоденусь. Спасибо за платье. — Она протянула руку, чтобы схватить свою одежду со спинки кресла. — Что ты здесь делаешь?

Его взгляд скользнул вниз по всей её длине, затем переключился на трёхметровую

полку с Blu-Ray и DVD-дисками возле огромного плоского экрана.

— Выбираю для нас фильм. Есть предложения?

Её взгляд был скептическим, но она пожала плечами.

— Просто убедись, что в нём нет клоунов.

Она вышла и направилась к лестнице. Трой усмехнулся. Он почти забыл о её боязни клоунов. Благодаря этому она была мишенью для множества шуток. Кажется, глупо их бояться.

И тогда ему в голову пришла мысль. Довольно ужасная, но блестящая идея. Прошлой ночью он вынудил Камрин загадать желание на звезду. Рациональная, невозмутимая Камрин сделала что-то непрактичное и легкомысленное. Может быть, он сможет заставить её сделать это снова. Даже, пожалуй, целый список подобных вещей. Того, что не является для неё нормой, чтобы выявить другую её сторону. Чтобы она не была такой напряжённой. Заставить её увидеть мир во всей его красе.

— Какая-то злобная усмешка на твоём лице, Трой.

Он посмотрел на Бернис.

— Да, так и есть. У вас есть фильмы Стивена Кинга?

Бернис поглядела на полки.

— Уверена, что есть. Глянь на второй полке.

Трой подошёл туда и нашёл, что искал. Спрятав DVD-диск подмышкой, он поблагодарил Бернис и направился наверх.

Кэм, одетая в пижаму, как раз выходила из ванной, когда он вошёл в их спальню. Он поставил диск в проигрыватель и сел на кровать. Она присоединилась к нему секундой позже, присев и начав наносить лосьон на ноги.

Он никогда раньше не замечал её ног. Таких длинных, стройных...

— Не могу поверить, что я ударила Нану бейсбольным мячом.

Трой сглотнул, резко отводя взгляд.

— С ней всё в порядке. К тому же ты не сделала ничего такого, чего бы остальные из нас не хотели сделать.

Она покачала головой и усмехнулась, заставляя его желудок проделывать сальто.

— Какой фильм ты нашёл? — спросила она, не отрывая взгляда от своего занятия, когда на экране телевизора появилось меню.

— Посмотри сама, — ответил он.

Когда Кэм взглянула на меню с заставкой «Оно» и злой клоун высунул голову из канализационного стока, она взвизгнула и упала с кровати. Она на четвереньках поползла в ванную комнату, где и поднялась, скрестив руки на груди и свирепо глядя на него.

Трой так сильно смеялся, что подумал, что у него бок лопнет. Он завалился на кровать, вытирая слезы и держась за живот.

— Я должна известить тебя, Трой Лански, что тысячи людей страдают от кулрофобии. Это официальный медицинский термин, обозначающий боязнь клоунов. *Официальный медицинский термин.*

Он сделал вдох и сел.

— Иди сюда, Кэм.

— Ни за что. Выключи это.

Он взял пульт от телевизора и выключил его. Она медленно вышла из дверного проёма ванной, выглянула из-за угла, чтобы удостовериться, что он сделал, как просили, а затем

снова села на кровать.

— Это было жестоко.

Он покачал головой.

— Послушай, Кэм. Я провожу эксперимент. Прошлой ночью ты загадала желание на звезду. Сегодня ты сделаешь что-то, что тебя пугает. Это всё часть списка, который я придумал.

— А что если я не хочу быть частью твоего эксперимента?

Он улыбнулся.

— У тебя нет выбора. У меня есть свои причины для этого списка.

— И какие?

— Я расскажу тебе в конце недели. А сейчас давай смотреть фильм.

Она встала настолько стремительно, что от её движения колыхнулись шторы.

— Нет.

Она снова попыталась сбежать в ванную, но он поймал её и потащил обратно к кровати. Трой усадил её между своих ног и заключил в медвежьи объятия.

— Всего один фильм, Кэм. Всего один фильм, который тебя пугает.

— Зачем? В этом нет смысла.

— О, но он там есть. Поверь мне.

Её плечи ослабли под его хваткой.

— Ни за что на свете. — Пауза. — Сколько он длится?

— Четыре часа.

— Четыре часа? — повторила она, и её голос повысился на несколько октав. — Это необычайно жестокое наказание, Трой.

Он засмеялся.

— Ну же, Кэм. Сделай что-нибудь, чего ты никогда не делала прежде. Это не повредит. Обещаю. Мы будем все четыре часа сидеть вот так, если хочешь.

Он выжидал. Одна минута, две...

— Отлично. Включай фильм.

Он дотянулся до пульта и снова включил телевизор, после чего нажал «проигрывать». Она была спокойна, до первого появления в кадре клоуна Пеннивайза. Продемонстрировав удивительную силу, она вырвалась из его хватки, перепрыгнув через его плечо, и съёжилась за спиной Троя между ним и спинкой кровати.

Её лицо прижалось к его спине, её тёплое дыхание щекотало волоски на его шее. А ноги обхватили его по бокам. Она была права. Это очень, очень плохая идея. Потому что теперь он хотел выключить фильм, положить её на спину и закончить поцелуй, который они начали прошлой ночью.

Вместо этого он заскрипел зубами и оставался в этой позиции следующие четыре часа, пока не закончился фильм; и он так и не понял, кто из них, в конце концов, больше мучился.

Глава седьмая

Уроки жизни согласно Камрин:

Много лягушек перецелуешь, прежде чем поймёшь, что все они лягушки.

Трой уставился на открывшуюся их взору конюшню, обшитую красными досками, а затем перевёл взгляд на небо. Желание Камрин, загаданное в ту ночь, сегодня может исполниться. Небо грозило дождём. Прогноз предвещал осадки с грозами в течение всей второй половины дня, а также вечера.

Она пожелала дождь. Трой в разочаровании покачал головой. Он надеялся, что она перестала сдерживаться, стала немного раскрепощёнее, хотя бы чуть-чуть. Ради него.

А ещё Кэм сказала, что их поцелуй ничего не значил. Сразу после того, как оскорбила его, предположив, что он не смог бы продержаться неделю без секса. *Ты слишком долго обходился без женского внимания.* Неужели она на самом деле думает, что причиной, по которой он поцеловал её, стало воздержание?

Он всё ещё мог ощущать её присутствие за своей спиной с прошлой ночи. Хотя это ничего не значило. Так же, как и поцелуй позапрошлой ночью.

Подул ветер, заставляя высокую, дикорастущую траву возле конюшен раскачиваться. Принося запах трёхдневного навоза.

Из конюшни вышла женщина — высокая, стройная, обладающая природной красотой. Светлые волосы волнами спадали по её спине. Полная грудь так и рвалась из голубой узорчатой фланелевой рубашки. Джинсы плотно обтягивали её бедра. Она улыбнулась безупречной, очаровательной улыбкой, засовывая в карман пару перчаток для верховой езды.

Джастин приобнял её.

— Это Джесси, — представил он.

Она и выглядела как Джесси. И на сей раз он не почувствовал волнения в своём животе, даже в присутствии такой красотки. Неделю назад он бы пустил в ход всё своё очарование, чтобы узнать, куда заведёт его флирт.

Джесси окинула его с головы до ног взглядом, словно хотела проесть себе путь через его одежду. Джастин откашлялся и приступил к представлению присутствующих. Когда он дошёл до него, Трой его перебил:

— Я Трой, а это моя девушка...

Джесси провела языком по своим губам, намеренно увлажняя их и поддразнивая, отвлекая его. Возможность возникновения у него любой элементарной мужской реакции на неё тут же испарилась.

Он сказал «девушка», а она всё равно сделала первый шаг. Джесси потеряла всю свою привлекательность в одно моргание своих зелёных глаз. Глаз, которые не шли ни в какое сравнение с глазами Кэм.

— Камрин, — произнесла Кэм, завершая его предложение и протягивая руку. — Спасибо, что позволили нам сегодня покататься. — Если она и была раздражена его рассеянностью или запинанием, то не показала этого.

— Пожалуйста, — ответила Джесси, жестом указывая следовать за ней.

Фишер разглядывал его.

— Спокойнее, приятель.

Он был далёк от спокойствия.

Эмили всю поездку в машине болтала о катании на лошади. Она была настолько взбудоражена, что ремни автокресла едва её удерживали. Но как только они вошли в конюшню с двенадцатью стойлами, и Эмили увидела настоящую лошадь, она в страхе чуть не взобралась по ноге на Анну. И Трой не мог её за это винить.

Джесси вывела белую кобылу из второго стойла.

— Вы, ребят, можете выбрать любую лошадь, какую хотите. Они все осёдланы и готовы к прогулке. Вот эта — для того, кто поедет с Эмили. Она самая покладистая из всех.

Трой отвернулся от Эмили, спрятав лицо в шею Анны, и взглянул на лошадь.

— Какая кличка у лошади?

— Дарби. Ей восемь лет.

Анна подошла к кобыле и погладила её по носу.

— Эмили, хочешь попробовать?

Эмили покачала головой, ёрзая в объятьях Анны.

Трой сунул ногу в стремя и взобрался на Дарби. Затем протянул руки Эмили. Анна передала её, вызвав тем самым у Эмили истерику. Она выгнула спину, крича и брыкаясь. Трой крепко держал её, перекинув ноги девочки через свои колени таким образом, чтобы она села лицом к нему.

— Прижмись лицом к моей груди, — проговорил он, направляя её. — Вот так. Ты не сможешь ничего видеть. Давай попробуем минутку, и если тебе больше не захочется кататься верхом, значит, мы не будем.

Эмили застыла, затем оторвала своё лицо от его груди. Трой медленно поднял поводья и побудил лошадь сделать шаг вперёд. Эмили снова спрятала лицо, но не закричала.

— Её копыта издают звуки, подобны биению сердца, верно? — сказал Фишер Эмили, шагая рядом с лошадью, пока та делала ещё несколько шагов.

Эмили подняла глаза на Троя. Он улыбнулся.

— И отчасти пахнет так же, как твой папа. — Эмили рассмеялась, к большому ужасу Фишера. — Что скажешь? Хочешь попробовать?

Эмили кивнула, так что каждый выбрал лошадь, и Джесси вывела их из конюшни.

— Я подумала, мы отправимся на пастбище, а потом, может быть, через лесные тропы, — сказала она, оглядываясь через плечо.

— Звучит неплохо, — проговорила Хизер. — Здесь так красиво.

Трой прижимал Эмили к груди рукой, в которой держал поводья, а другой рукой придерживал её, когда маленькая девочка выглянула из-за его плеча посмотреть на Кэм. Та ехала на буром мерине по кличке Сладкий Чай. Это должно быть хорошим знаком, говорящим о лошадином нраве.

Они обошли холм и вышли на ровный луг, где яркие полевые цветы разбавляли высокую траву. Вдалеке, из-за леса, можно было увидеть предгорья у основания Скалистых гор. Высота затрудняла дыхание, но вокруг пахло свежестью. Джесси повернула и вышла на тропу между деревьев, достаточно широкую для двух лошадей. Трой, поскольку был к ней ближе остальных, направил свою лошадь так, чтобы ехать рядом с ней. Анна и Кэм последовали за ними.

Жар дня почти не ощущался под сенью деревьев, где воздух был пропитан запахом торфа и почвы. Недалеко от них усердно стучал дятел. На самом деле, это было довольно-таки умиротворяюще. Трой предпочёл бы ехать на «Харлее» через центр Милуоки, но и это

было не так уж плохо.

— Итак, Хизер, — проговорила Джесси через плечо. — Какого цвета платья подружек невесты?

— Лавандового. Я подумала о Камрин, когда увидела этот цвет. Он отлично смотрится с тоном её кожи.

Позавчера, если бы Трой попытался представить Кэм в какой-нибудь одежде, кроме нейтральных или светлых тонов, то не смог бы. Даже сейчас на ней были хаки и белая майка. Но увидев на ней то платье, этот цвет в контрасте с её кожей...

Анна согласилась с Хизер.

— Этот цвет ей очень идёт. А какие цветы ты выбрала?

— Знаешь, я не уверена, — ответила Хизер. — Мама Джастина...

Трой не услышал остального, потому что Эмили наклонилась, чтобы рассмотреть ноги лошади. Он покрепче ухватил её.

— Сиди спокойно, егоза. Я не хочу, чтобы ты упала.

— А что это на лошадиных ногах? — спросила она.

Джесси взглянула на Эмили.

— Это подковы. Они защищают ноги лошади.

— Они не похожи на обувь[17].

— Но это и есть обувь.

— Они не похожи на обувь.

Трой усмехнулся.

— Лошадям защита нужна только на нижней части ног. В отличие от ног маленькой девочки.

Удовлетворившись ответом, Эмили кивнула и отвела взгляд.

Примерно после часа езды верхом, Трой начал чувствовать убийственную боль в заднице. Он предложил сделать перерыв, когда они вышли на поляну. Джесси спешила и привязала поводья к ближайшей ветке. Она подошла к нему, встав рядом с его лошадью, и, беря его поводья, нацепила на лицо улыбку, источавшую секс.

Маленькая стерва.

Эмили снова наклонилась, и, прежде чем Трой успел покрепче ухватить её, выскользнула из его рук.

— Трой, она сейчас упадёт! — крикнула Кэм возле него, потянувшись за Эмили.

В течение тех миллисекунд, что потребовались ему, чтобы в панике размотать поводья с другой руки, Кэм наклонилась слишком далеко, притягивая Эмили к своей груди, и упала с лошади на спину.

Анна спешила прежде, чем это мог сделать Трой, и подняла плачущего ребёнка.

— Боже мой, с тобой всё в порядке? — Она опустилась на землю и пробежалась руками поперх головы Эмили. — Что-нибудь болит? — спросила она.

Пожалуйста, пожалуйста, детка. Только бы ты не поранилась.

Трой осмотрел Эмили, подняв её руки и пробежав ладонями по её спине, не видя ни царапин, ни порезов.

— Я ничего не вижу. Она выскользнула прямо из моих рук. Я так сожалею. — Он перевёл взгляд с Анны снова на Эмили. — Тебе больно?

Эмили покачала головой, переставая плакать.

Хизер положила ладонь на его руку.

— С ней всё в порядке, Трой.

Фишер присел рядом с ними.

— Думаю, она просто испугалась. Она же упала на Кэм.

Кэм. Всё ещё стоя на коленях, Трой повернулся и отпихнул Джастина в сторону. Она лежала на спине, руки раскинуты в стороны. *О нет. О боже, нет.*

— Кэм?

Джесси опустилась коленями на влажную землю и неподвижно удерживала голову Кэм.

— Джастин, скачи обратно и приведи помощь. Хизер, привяжи лошадей.

— А может, лучше воспользоваться сотовым и позвонить? — спросила Хизер.

— Здесь не ловит. Джастин знает, как скакать верхом. Он быстро приведёт помощь.

Поезжай!

Джастин сел на лошадь и поскакал по тропе, поднимая комья грязи по дороге, в то время как Хизер вскочила, чтобы выполнить просьбу. Трой мог слышать, как она плакала с другой стороны поляны, пока привязывала поводья лошади к соседней ветке.

Воздух со свистом покинул его лёгкие, оставляя его неспособным сделать вдох. Он не мог пошевелиться и просто смотрел на неё; тысяча «прости» проносились в его голове. Он подполз к ней на коленях.

— Кэм?

Она открыла глаза, поморщившись.

— Не так громко.

Когда она попыталась сесть, Джесси положила руку ей на грудь, опуская её вниз.

— Лежи спокойно, на всякий случай.

— На случай чего? — спросила Камрин.

Вернулась Хизер, закончив привязывать лошадей, с мокрым от слёз лицом.

— Ты в порядке?

— Да. Просто голова болит. — Кэм оглядела склонившиеся над ней лица и остановила взгляд на Фишере. — С Эмили всё хорошо? Я попыталась перехватить её...

— С ней всё хорошо, — заверила Анна.

Кэм снова попыталась сесть, но Джесси не дала ей этого сделать. Один из печально известных сердитых взглядов Кэм метнулся к женщине, удерживающей её, так что Трой оттеснил Джесси в сторону и взял голову Камрин в свои руки вместо неё.

— Держи её голову по бокам, — приказала Джесси. — Выше ушей. Если у неё повреждена шея, ты можешь нанести ещё больше вреда.

— Дайте мне встать! — рявкнула Камрин. И её лицо тут же побледнело.

— Не двигайся, милая. Джастин приведёт помощь.

Милая?

Эмили захотела быть возле Кэм, поэтому Анна начала ходить вокруг неё, покачивая девочку на своих бёдрах. Когда Трой вновь посмотрел на Камрин, та выглядела злющей как черт.

— Я отпущу тебя, если ты обещаешь лежать спокойно.

— Отлично. Но со мной нет ничего такого, чего бы не смог исправить аспирин.

Фишер встал на колени рядом с ней и взял её за руку, когда Трой отстранился и присел на корточки. Он посмотрел вниз и увидел кровь, покрывающую его левую руку. Кровь Кэм.

Такая красная.

— Фишер... у неё кровь, — произнёс он, и голос его дрожал вдвое сильнее его рук.

Это было чертовски близко к самой неловкой ситуации, которая когда-либо с ней случалась. А в том списке было много моментов. Все члены семьи, ссорясь и ругаясь, окружили её кровать в отделении службы экстренной медицинской помощи. Свободный больничный халат оставил её заднюю часть тела широко открытой для всеобщего обозрения, а её врач выглядел так, словно должен был танцевать, качая бёдрами, на барной стойке, а не заниматься медициной. Добавьте тот факт, что Трой отказался покинуть комнату, в том числе и тогда, когда они её раздевали, — и это стало вишенкой на вершине пломбирного мороженого из преисподней.

Все они ожидали результатов рентгеновского обследования перед выпиской. К счастью, ей не понадобились швы. Порез на затылке был небольшим. Доктор заверил их — Трой несколько раз чуть не свёл того с ума, — что голова сильно кровоточит даже из-за незначительных повреждений.

К тому времени, когда Трой начал раздражать её до крайности, он шлёпнулся в кресло в углу и заткнулся. В следующий раз она его столкнёт с лошади.

— Тебе повезло, что не понадобились швы, юная леди. — Это от мамы. Потому что она сделала всё это нарочно. — Как бы твои волосы выглядели на свадьбе?

— По крайней мере, хоть что-то хорошее из этого получилось, — провозгласила Нана. — Вы видели её врача?

О боже. Нана собиралась приударить за доктором неотложки. Отлично. Просто отлично.

Кума Виола открыла дверь шкафчика и закрыла её.

— Да что там доктор. Вы видели те носки-тапочки, которые они дают в больнице? Я в них просто влюбилась.

А теперь мы можем добавить ещё и кражу. Восхитительно.

В палату вошёл доктор, держа в руках её рентгеновский снимок. Он неловко проталкивался сквозь членов её семьи, чтобы добраться до койки.

— Ничего не сломано. Таз, шея и позвоночник целы. У вас есть незначительное сотрясение мозга, так что больше отдыхайте ближайшие двадцать четыре часа. Кто-то должен будить вас каждые пару часов этой ночью. Было бы неплохо, если бы завтра вы оставались в постели. Никакой изнурительной активности, как например, упражнения... — Нана фыркнула, —... или секс.

Йяка Гарольд рассмеялся.

— Слышишь, Трой? Тебе сегодня ничего не светит.

— Кэм не распознает изнурительный секс, даже если он укусит её за задницу, — сказала Нана. — Но, с другой стороны, её врач... — Нана ущипнула того за зад, от чего бедняга подпрыгнул.

Камрин закрыла глаза, когда персонал неотложки самопроизвольно пустился в пляс. Медсёстры взобрались на стол за дверью её палаты и хором замахали ногами. Врачи сорвали с себя белые халаты, вращая стетоскоп вокруг пальцев и гармонично подмигивая светом линз отоскопа. И как только они достигли пика крещендо, вмешался её врач.

— Ибупрофен хорошо снимает боль. Если у вас появится тошнота или потеря памяти, сразу же приезжайте. У вас есть какие-нибудь вопросы?

Вы уверены, что не сможете положить мою семью в психиатрическое отделение для наблюдения?

— Не-а. Теперь я могу идти?

Он кивнул.

— Я подготовлю ваши рекомендации после выписки. — Он окинул взглядом комнату, напоминая пятилетнего ребёнка, который только что обмочился. — Можете одеваться.

— Ну, по крайней мере, она не будет в гипсе на свадебных фотографиях, — проговорила тетака Миртл.

Трой медленно поднялся, и, прежде чем Камрин успела открыть рот, чтобы помешать ему, начал кричать:

— Она могла погибнуть! Могла быть парализована, а вы беспокоитесь о свадебных фотографиях? Если бы не она, Эмили бы тоже могла стать пациенткой.

Хизер захлопала в ладоши.

— Все на выход. Прежде чем Трой рассвирепеет. Для одного дня достаточно. Идёмте.

Над головой Хизер появился ореол. Вся семья молча вышла из палаты.

Трой сжал переносицу и выдохнул. Он пристально посмотрел на неё сверху вниз, и этот взгляд, промелькнувший на его лице, она никогда прежде не видела. Посмотрев на неё несколько мгновений, он повернулся и боком плюхнулся в ногах её постели.

— Думал, что убью их. Как тебе такие свадебные фотографии? Никого живого. Нам пришлось бы подпереть их как манекены.

Она улыбнулась.

— Они просто переживают. Ты же их знаешь. Они относятся ко всему как к апокалипсису.

Он повернул голову и посмотрел на неё.

— Мне никогда в жизни не было так страшно. Я так рад, что с тобой всё в порядке.

Её грудь настолько переполняли чувства, что трудно было дышать.

— Мне следует сделать футболку: «Я посетила неотложку Боулдера и получила только эту паршивую футболку».

Нахмурившись, он уселся прямо и уставился на неё.

— Ты выбрала этот момент, чтобы блеснуть чувством юмора?

Если бы он только знал. Она пожала плечами.

— По крайней мере, я спасла тебя от поездки верхом обратно в конюшню.

— Боже мой, ты пытаешь быть смешной. Ты ударила головой сильнее, чем я думал. — Он покачал головой. — Не приведи господь вновь увидеть тебя верхом на лошади.

— Позволь тебе напомнить, если бы ты не флиртовал с той хорошенькой блондинкой, этого бы никогда не случилось.

Его взгляд метнулся вниз к его рукам, и он сглотнул. Кэм зашла слишком далеко. В её животе все упало. Она потянулась к его ладони, но он поднялся и отступил назад.

— Я выйду, чтобы ты могла одеться. Буду ждать снаружи.

Блин.

— Трой, я всего лишь пошутила...

Но он уже ушёл.

Трой вышел во двор Хортонов и сделал глубокий вдох. Он скрестил на груди руки и посмотрел вверх, всё ещё потрясённый тем, насколько ночи здесь холоднее. Вдалеке слышались раскаты грома. Мгновение спустя на западе небо осветила молния. Влажность воздуха увеличилась — буря надвигалась позже, чем прогнозировалось. Свет в его с Кэм спальне моргнул над его головой.

Сегодня он едва не потерял самообладание. Увидев Кэм на земле, с распластанной

поверх неё Эмили...

Они стали его семьёй, его единственной настоящей семьёй, задолго до того, как он посчитал, что нуждается в ней. Он убеждал себя, что запаниковал именно по этой причине. Даже сейчас Трой всё ещё боялся, что Ковичи откажутся от него. Хотя, в тишине ночи, он знал, что это ложь.

Где-то в промежутке между правильным и неправильным, между другом и членом семьи — Камрин становилась кем-то большим. Предупреждающие колокольчики прозвенели ещё в его доме, ещё даже до того, как они отправились в Колорадо — когда она врезалась в его стол. Когда он к ней прикоснулся. Повернув голову, Трой посмотрел на то место во дворе, где они целовались.

Он покачал головой. Из-за его невнимательности Эмили или Камрин могли пострадать. На земле нет таких сил, которые позволили бы ему простить себя, если бы это произошло.

С тех пор, как его отца посадили, когда ему было восемнадцать, Трой заключил договор с самим собой: он никогда не станет монстром, каким был его отец. Никогда не поднимет руку, никогда не выпьет больше одной бутылки пива, никогда не причинит боль другому человеку. При любой возможности будет шутить, свободно улыбаться и показывать свои чувства тем, кого любит.

Честно говоря, вероятно, из-за его пакта он никогда не позволял себе влюбиться по-настоящему. Любовь приводит к браку, который, в свою очередь, приводит к детям... И, хотя это вызывало у него отвращение, в его крови струилась ДНК его отца. Понадобится всего секунда, чтобы потерять контроль и повторить цикл насилия.

За его спиной хлопнула дверь. Он обернулся и увидел Фишера.

— Почему ты до сих пор не спишь?

Фишер засунул руки в карманы и встал возле него.

— Могу спросить тебя о том же.

Трой посмотрел на горизонт.

— Я всё ещё вижу их перед глазами, лежащих на земле.

— Я тоже.

— Я так сильно сожалею, Фишер. Мне следовало быть более внимательным.

Фишер повернулся к нему лицом.

— Я не за этим сюда вышел. Это был несчастный случай, Трой. Ничего более. И, к счастью, не имеющий серьёзных последствий.

Фишер был более снисходительным, чем он.

— Тогда что ты хочешь сказать? Я знаю тебя. У тебя что-то на уме.

Фишер посмотрел на окно их спальни, а затем на свои ноги.

— Эмили и Камрин не единственные, кого я продолжаю видеть перед глазами. Тебя тоже. Взгляд на твоём лице, когда ты увидел, что она упала. И тот, что был у тебя в больнице. — Он заглянул ему в глаза. — Ты никогда не смотрел на женщину так, как смотрел сегодня на неё. Так что я не против того, что происходит между тобой и Кэм.

Трой захлопнул рот и внимательно изучал лицо Фишера. Вытянутое, идеально выбритое, с ямочкой на правой щеке. Широко открытые глаза, смотрящие на него, предлагали Трою предельное доверие. Если он становится таким очевидным для Фишера, то что должна думать Камрин? Трой не мог ничего сказать сквозь ком в горле, но его разум стремился выложить своему лучшему другу всю правду.

Никто ничего не сказал. Но, если честно, Трой бы предпочёл, чтобы Фишер на него

злился.

Фишер кивнул.

— Спокойной ночи.

Трой пристально смотрел на дверь, пока та не закрылась, а потом уставился в небо, когда пошёл дождь.

Глава восьмая

Уроки жизни согласно Камрин:

Большую часть времени жизнь не проходит мимо меня, она пытается меня переехать.

Камрин в одиночестве сидела на кровати, грызя ноготь, и ждала возвращения Троя. Она хотела стереть тот взгляд на его лице, который появился из-за неё в больнице. Кэм всегда считала, что Трой слишком непрошибаем, чтобы принимать что-либо всерьёз. Может быть, он скрывает свою вину так же, как она прячет своё недовольство.

За окном сверкнула молния, освещая комнату ярче, чем лампа. Она увидела его снаружи и включила свет, чтобы он понял, что она не спит. Их не оставляли наедине с приезда из больницы. А то, что она должна была сказать, было только для его ушей.

Он пришёл несколькими минутами позже, бросил на неё взгляд, а затем стянул с себя влажную рубашку. Каждый раз, когда он снимал рубашку, ей хотелось провести ладонями по его груди, чтобы узнать, какова она на ощупь. Все эти твёрдые мышцы и гладкая, загорелая кожа. Её собственная кожа разгорячилась, когда он встал возле кровати, уставившись на неё, словно не знал, что делать дальше.

— Я не имела в виду то, что сказала, Трой. — Он ничего не ответил и просто продолжал смотреть на свою сторону кровати. — Посмотри на меня. — Когда он взглянул на неё, она едва не разразилась слезами. — Это было не смешно, и я очень сожалею.

Проходили секунды, пока они продолжали смотреть друг на друга, и ей вспомнилось, как однажды ночью, будучи ребёнком, она лежала в постели и слушала плачь Троя через стенку. Она всю голову себе сломала, пытаясь придумать способ, как заставить его почувствовать себя лучше, глупый ребёнок. Она никогда не испытывала подобной печали. У неё странные родители, но они никогда её не обижали. Как ужасно, что единственный человек, который должен тебя любить, так сильно тебя ненавидит.

Она пробралась в спальню, которую он делил с Фишером, и увидела, что её брат спит. Трой быстро вытер лицо и сел на нижней койке. Не желая смущать его, она подошла к полке и вытащила синий пикап «Матчбокс»[18]. Потом вручила ему игрушку. «Возьми его, чтобы он напоминал тебе, что в один прекрасный день ты будешь достаточно взрослым, чтобы уехать, — прошептала она. — Ты ни в чём не виноват».

Она не думала, что тогда это помогло ему, и, вероятно, это не помогло бы и сейчас.

— Ты не виноват.

Вздвогнув, он моргнул, затем сплотнул. Его взгляд метнулся к большим стеклянным дверям балкона, а затем обратно к ней.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Со мной всё в порядке, Трой. — Ему необходимо было знать это, поэтому она повторила: — Я в порядке.

— Что-нибудь болит? Тебе нужны ещё лекарства?

— Нет и нет. Я в порядке.

Уголок его рта изогнулся. Он снова посмотрел на двери: наверное, вспоминал их поцелуй в прошлый вечер. Зная Троя, он, скорее всего, пытался соскрести это воспоминание из своей памяти.

— Ощущаешь головокружение или тошноту?

Она вздохнула.

— Трой...

Он подошёл к её стороне кровати и посмотрел на неё сверху вниз.

— Просто ответь на вопрос.

— Нет, я...

— Отлично, — проговорил он. — Хорошо.

Прежде чем она успела сообразить, какого чёрта происходит, он подхватил её и перебросил через плечо. Перед её глазами тут же замелькали образы того, как ему требуется операция на позвоночнике.

— Опусти меня вниз. Иначе ты тоже в конечном итоге окажешься в отделении экстренной медицинской помощи.

Он понёс её к большим стеклянным дверям, открыл их и уже на балконе опустил на пол, под струи дождя. Она метнулась мимо него, чтобы скрыться внутри, но его рука обхватила её талию и вернула обратно. Он поднял ладонь, заполняя дверной проём, а другой рукой нажимал кнопки на своём телефоне.

— Это совсем не смешно, Трой. Пусти меня внутрь.

На его телефоне заиграла мелодия «Поющие под дождём». Он прибавил громкость и положил телефон на ближайший столик.

— Танцуй, — приказал он.

К тому времени она уже была насквозь мокрая и походила на промокшего ленивца.

— Что, прости? — Он улыбнулся, и её сердце камнем провалилось в желудок. Эта его улыбка, будь она не ладна.

— Танцуй, Кэм. Это есть в списке. Я не впущу тебя, пока ты этого не сделаешь.

Её челюсть отвисла. Он же не серьёзно. Сначала заставил загадывать желания на звёздах. Потом напугал её до чёртиков этим фильмом. А теперь это?

— Нет. Это...

— Глупо, — закончил он. — Знаю. Но всё равно сделай это.

Она скрестила руки, чтобы скрыть груди. И как знак протеста. Он вышел к ней под дождь и взял её за руку, обхватывая рукой её талию. Кружась в головокружительном вальсе, он вёл их по всему крошечному балкону, ужасно напевая известную песню Джина Келли.

Изо всех сил стараясь повиснуть на нём, подобно безвольной лапше, она в конце концов сдалась и засмеялась. Кэм обнял его за талию и начала танцевать. Он действительно чокнутый. И она не далеко от него уйдёт, позволяя ему проделывать с ней такое.

Песня закончилась, и Трой остановился, но Кэм никак не могла перестать смеяться. Это было не только глупо, это было безумием.

И, боже, помоги ей, ощущения от этого были превосходные.

Он опустил на неё взгляд, когда над головой раздался раскат грома. Из-за дождя его волосы стали на несколько оттенков темнее, а глаза совсем почернели. По его лицу стекали капли дождя, падая на неё. Она прекратила смеяться и уставилась в ответ. Перестав дышать.

И в этот момент она осознала, что её руки оказались в ловушке между её промокшей насквозь рубашкой и его обнажённой грудью. Мокрой, голой, твёрдой грудью. Она взглянула на свои пальцы, расплывшиеся на его коже, и всего один раз, просто чтобы узнать, какова она на ощупь, провела ими по его груди, слегка касаясь кончиками. Его сердце тяжело билось под её ладонью. Несмотря на жар, исходящий от неё изнутри, он вздрогнул, будто ему стало холодно, но не предпринял никаких попыток отпустить её.

Его пульс под её ладонью ускорился, пока они продолжали пристально смотреть друг на друга. А мускул на челюсти подрагивал. О чём он думал?

Она думала о том, что они скоро подхватят пневмонию. И потом её семья сможет брюзжать по этому поводу. Всё, чего она хотела — чтобы его рот снова накрыл её губы. Она желала этого больше всего на свете. Непрактичная сторона, которой она никогда не позволяла вырываться наружу, нуждалась, чтобы он её поцеловал. Чтобы заставил её почувствовать себя желанной женщиной, достойной поцелуя на балконе под дождём. Она никогда раньше не испытывала такой первобытной потребности. В её прошлых отношениях было притяжение, но не такое. Хотя Трой ей не парень. Они не пара.

Она сделала попытку отстраниться, но он удержал её. Трой поднял руку, чтобы убрать прядь мокрых волос с её щеки, и она наблюдала, как дёрнулось его адамово яблоко.

Нагнувшись, он приподнял её, как раз достаточно, чтобы занести обратно в спальню и усадить. Её пульс ускорился, в надежде, что он...

Он отдёрнул руки, будто она ударила его током. Нет, она определённо не это имела в виду.

— Отметь в списке, — сказал он. — Ты танцевала под дождём.

Отвернувшись, он закрыл балконные двери и прошёл в ванную. Она не успела даже моргнуть, когда услышала, как он включил душ.

Жар покинул её тело, заменяя непривычное тепло и оптимизм уже знакомой ей пустотой.

Трой взглянул на прикроватные часы и хлопнул рукой по лицу. Осталось ещё четыре с половиной минуты, после которых ему снова нужно будет разбудить Кэм. В первый раз он заставил её посчитать от двадцати в обратном порядке. Ему следовало заставить её по памяти перечислить периодическую таблицу, вот только он сам бы не понял, правильно она ответила или нет. Может быть, на этот раз он смешает всё и попросит её перечислить столицы штатов.

Но и это она тоже знает.

И тогда он подольше сможет послушать её голос. Тихое, сонное убаюкивание, которое сводит его либидо с ума. Он начал придумывать способы рассердить её только ради того, чтобы слышать своё имя из её уст.

Он заставил её смеяться. Во время танца под дождём, к которому он её принудил, он заставил её смеяться. Его грудная клетка до сих пор вибрировала от тех чувств, что пробудил в нём этот звук. Как будто он Супермен. А она — Лоис.

Ещё тогда, в его доме, когда они впервые обсуждали этот план, он пошутил, что притворства вроде этого всегда заканчиваются, имея обратные последствия. Пара преодолевает трудности, не может жить друг без друга и заявляет о своей бессмертной любви с музыкальной интерлюдией.

Он повернулся и посмотрел на её затылок. Кэм не верила в подобную чепуху. Она называла это «бредом». А Трой верил. И он сам рыл себе могилу, допуская даже мысль, что они могут стать друг другу кем-то большим. Какой идиот позволит себе испытывать чувства к женщине, которая не верит в магию?

Он задавался вопросом: раскрепостит ли её выполнение этого, придуманного им, списка?

Он перекатился на бок и похлопал её по спине.

— Кэм, просыпайся. Проверка сотрясения. — Она застонала. И его член дёрнулся. —

Как тебя зовут и где ты находишься?

Она перевернулась на спину, уронив при этом простынь и обнажив пупок под краем футболки. Он схватил одеяло, чтобы сдержаться и не придвинуться, не опустить туда свой рот.

— Алиса, и мы в Стране чудес.

Он замер.

Кровать сотряслась, когда она засмеялась. Его глаза сузились. Она перекатилась на бок лицом к нему. Когда Кэм приоткрыла один глаз и увидела выражение его лица, она рассмеялась ещё сильнее.

Но резко остановилась, её рука взметнулась к голове.

— Ох.

— Так тебе и надо, — проговорил он. — Это было не смешно.

Вздохнув, она опустила руку и сунула её под щеку.

— Ты теряешь своё чувство юмора, Трой.

А ты своё развиваешь.

— Два пункта выполнены за одну ночь. Я впечатлён. — Она послала ему вопросительный взгляд, поэтому он уточнил: — Танцевать под дождём и смеяться до боли. Галочка и галочка.

Её взгляд блуждал по его лицу, после чего она спросила:

— Ты пытаешься изменить меня с помощью этого списка? Люди не меняются, Трой.

Меняются, ещё как. По крайней мере, некоторые. А ей не нужно меняться. Она нравится ему такой, какая есть, со всеми своими причудами. Когда-то в ней присутствовала совершенно другая сторона её личности, просто она потеряла её где-то по дороге. Если никто, кроме него, больше не видит этой её стороны, то он сможет с этим жить. До тех пор, пока она будет понимать, что может демонстрировать её время от времени. И поймёт наконец, что в этом нет ничего плохого.

— Ты меня меняешь, — сказал он и тут же пожалел о своей оговорке. Судя по выражению её лица, она подумала, что он её оскорбил. Что, вероятно, было к лучшему.

— Сегодня ты хорошо справился с Эмили.

— До или после того, как уронил её с лошади?

Она улыбнулась.

— То, как ты переборол её страх, было изумительно. Из тебя выйдет превосходный папа.

И разве это было не самое жуткое, что она когда-либо приносила? Больше всего на свете его пугала перспектива быть отцом, это было его самым большим страхом. Мысль о том, что он выйдет из себя и занесёт руку на незащитного ребёнка...

— Ты — не он, — прошептала она. Его взгляд метнулся к ней. — Ты — не твой отец.

Вот черт. Как сильно он боролся, чтобы скрыть эту часть себя? Глубоко похоронить её, где никто и никогда не сможет увидеть эту слабость? А она изложила всё это в одном предложении. Выказала все его страхи в трёх словах. В то время она была его спасительным кругом. Так же, как и Фишер, только по другим причинам. Она никому не рассказала о том, что видела, как он плакал. О тех злобных словах, которые он кричал ей, пока справлялся со своим гневом. И все это осталось между ними. До каждого последнего личного, унижительного момента.

— Перечисли мне столицы штатов.

Она скривила губы, и ему захотелось рассмеяться, но он сдержался.

— Мне не нужен контрольный опрос. Моя голова в порядке.

Без комментариев.

— Может и так, но я не могу заснуть. А перечисление столиц штатов должно быть достаточно усыпляющим.

Она улыбнулась и закрыла глаза.

— Столица штата Висконсин — Мэдисон. Столица штата Иллинойс — Спрингфилд. Столица штата Айова — Де-Мойн. Столица штата Вайоминг...

Она замолчала и уснула прежде, чем он смог узнать столицу штата Вайоминг. И очень жаль, потому что по какой-то причине он хотел это знать.

Почувствовав запах кофе, Камрин приоткрыла один глаз, надеясь увидеть кофеиновую фею, держащую кружку со свежим кофе. И ещё, возможно, пончик для полного счастья. Но вместо этого возле её кровати стоял Трой, глядя на неё сверху вниз, с подносом в руках. Ладно, он тоже сойдёт.

— Что ты делаешь? — спросила она, садясь в кровати. Она прижала ладонь к пульсирующей голове. И это называется чувствовать себя лучше.

— Завтрак в постель, — ответил он. — Доктор советовал сегодня относиться ко всему спокойнее.

Только вот она никогда и ни к чему не относилась спокойно. Это обычное сотрясение. У неё бывало и похуже.

— Есть аспирин, чтобы я могла запить его кофе?

Он поставил поднос на кровать перед ней и сел напротив.

— Да, и тосты. И если всё это удержится в твоём желудке, я могу принести ещё несколько яиц. Повар приготовила денверский омлет.

Она сможет попробовать свой завтрак сразу же, как только комната перестанет вращаться, а вместе с ней и её желудок. Проглотив аспирин, она стала изучать еду. Трой уставился на поднос, а затем оглядел комнату. Он чувствовал себя виноватым. До сих пор. Не помогло даже то, что она сказала ему, что во вчерашнем происшествии не было его вины.

— Мне, возможно, потребуется вернуться в больницу. Думаю, у меня внутримозговое кровоизлияние.

Его взгляд метнулся к ней.

— Что?

Она засмеялась, вызвав тем самым головную боль, раскалывающую её череп надвое.

— Расслабься, Трой. Это всего лишь головная боль. Со мной всё в порядке. — Она подавила порыв прижать руку к пульсирующей голове. Чёртовы маленькие эльфы, сверлящие дыры в её голове.

Он посмотрел на неё, нахмурившись.

— Думаешь, это смешно? Я ужасно волнуюсь, а ты считаешь это смешным?

Она успокоилась. Обычно люди не волнуются за неё.

— Я не привыкла ко всему этому вниманию, — сказала она, глядя на него. — Прости.

Черты его лица расслабились.

— Тогда привыкай, потому что ты застряла здесь со мной на весь день.

Ей не понравилось, как это прозвучало.

— Извини?

Его взгляд не допускал никаких противоречий.

— Ты сегодня не покинешь эту комнату.

— Я не подчиняюсь приказам.

Скрестив руки, он откинулся на спинку кровати.

— Этому подчинишься. — Он закинул ногу на ногу, как бы устраиваясь поудобнее.

— Трой...

— Камрин... — передразнил он.

Шумно выдохнув, она пристально посмотрела на него, стараясь напомнить себе, что он делает это из-за чувства вины.

— Я понимаю, ты расстроен из-за того, что скинул меня с лошади...

— Я не скидывал тебя с лошади.

Точно.

— И из-за того, что наградил меня пневмонией, заставив танцевать под дождём...

— У тебя нет пневмонии... — Он оборвал себя и закрыл рот, наконец-то поняв её мотивы. — Умная девочка. Неудивительно, что Эмили так сильно тебя любит. Ты свела психологию до формы искусства.

Она сделала глоток из своей кружки кофе.

— Теперь можешь перестать чувствовать себя плохо. Я не калека.

Его тон смягчился.

— Сегодня ты *моя* калека.

В том, как он произнёс «моя», слышались собственнические нотки. Против чего она не возражала. И вместо того, чтобы заставить её почувствовать себя зависимой, это слово заставило её почувствовать себя желанной. Раньше она никогда не чувствовала себя желанной. Однако она не собиралась провести весь день в этой комнате, ничего не делая. Что подумает семья?

— Я никогда не проводила весь день в постели и не собираюсь начинать сейчас.

— Ты никогда не проводила весь день в постели? Просто расслабляясь?

— Нет. Я живу в реальном мире. Люди работают и у них есть дела.

Его брови приподнялись.

— И что тебе нужно сделать сегодня?

Он невыносим. С ним невозможно спорить.

— Семья...

— Все ушли на длительную прогулку. Отправились час назад. Они намереваются перехватить где-нибудь ланч, а после направиться в пекарню — попробовать образцы тортов. Мы одни на весь день.

Она посмотрела на прикроватные часы. Десять часов утра?

— Я никогда не сплю так долго. — Она выглянула за большие стеклянные двери, увидев почти палящее солнце.

— Знаешь, в том, чтобы оставаться в постели, есть свои преимущества. — Он пошевелил бровями.

Не может быть, чтобы он намекал на это, даже если всего лишь шутил. После тех поцелуев ей было достаточно трудно не представлять себе, каково это — ощущать прикосновения Троя. Заниматься большим, чем целоваться.

— Пролежни? — сказала она, стараясь не выдать своих истинных мыслей.

— Ах, Кэм. Ты меня разочаровываешь. — Он кивнул на её поднос. — Ешь свой тост.

Она взглянула на стоящий перед ней поднос. С его стороны было очень мило всё это

принести, даже если это и было из-за чувства вины. Рядом с апельсиновым соком он положил дикорастущую маргаритку с того участка, который она видела на краю двора.

— И завтрак в постель мне никогда не приносили.

— Правда? Что не так с теми ребятами, с которыми ты встречалась?

Всё. Ничего.

Когда она не ответила, он наклонился вперёд.

— Что ж, я добавлю это к своему списку Камрин. Сегодня будет день первых. Спать дольше обычного, завтракать в постели и оставаться в упомянутой постели весь день.

Ей не понравился ни один пункт из вышеперечисленных. Весь день в постели с Троем. Ладно, может, не всё так плохо, за исключением того, что у Троя не было непристойных фантазий в голове. А она обманывала себя, даже думая об этом. Кэм взяла цветок и повертела стебелёк между пальцев, наблюдая за вращением лепестков и их расплывающимися очертаниями. Она должна чувствовать себя глупо из-за того, что ей понравился его жест. Это всего лишь цветок, и Трой ничего под этим не подразумевал.

— Тогда добавь к тому списку пункт — подарить мне цветы.

Он так долго молчал, что она оторвала взгляд от маргаритки и взглянула на него. Трой уставился на неё, открыв рот.

— Ты снова пытаешься быть смешной? Я не могу понять.

А вот сейчас она действительно почувствовала себя глупо. Она ощутила, как запылало её лицо. Трой единственный человек на этой планете, который может заставить её потерять невозмутимость. Она рассказала и призналась ему в том, в чём в других обстоятельствах никогда бы не созналась. По какой-то причине он не только безмерно раздражал её, но и сбивал с толку.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что ни один мужчина не дарил тебе цветы? Никогда?

Теперь из-за него она чувствовала себя жалкой. С чем и самостоятельно могла бы прекрасно справиться. И он, конечно же, для этого ей был не нужен.

— Нет. Какой в них смысл? Они быстро погибают и воняют по всей комнате, — оправдывалась она.

Он с явной жалостью покачал головой.

— Чего ещё ты не делала?

Больше всего она ненавидела жалость.

— Я также не крутилась, стоя на голове, но ты не увидишь, как я из-за этого расстраиваюсь.

Его взгляд метнулся к потолку, а затем обратно к ней.

— Поскольку у тебя сотрясение, возможно, будет уместнее что-то менее активное. — Она не ответила. — Ладно, Кэм. Расскажи мне. Что такого ты всегда хотела сделать, но никогда не делала?

Многое, по его стандартам. Но она могла подумать только об одном, и не было никакого вреда в том, чтобы рассказать ему, поскольку они в любом случае не смогли бы этого сделать.

— Я всегда хотела побывать в Париже.

— Ты? — спросил он, будто заявление было нелепо. — Камрин Кович в самом романтическом городе мира?

Романтика не имела с этим ничего общего.

— Париж считается одним из лучших городов в мире для инноваций. На старой работе я

сотрудничала с несколькими компаниями в Париже. Кроме того, предполагалось, что Эйфелеву башню установят, как временную конструкцию для Всемирной выставки 1889 года, но башня так и не была демонтирована. Я нахожу это чрезвычайно интересным.

— Угу, — проговорил он, глядя на неё, как если бы она была альтернативной формой жизни.

— Еда тоже стоила бы того. Блинчики, круассаны, суфле, эспрессо. Я набираю пять килограмм, просто думая об этом, но вес стоил бы этой поездки.

— Только ты можешь уничтожить романтику Парижа.

— Эспрессо — очень сексуально.

Он засмеялся и поднялся с кровати.

— Ладно, Кэм. Я уйду ненадолго. Я оставил кое-что для тебя в ванной комнате. Прими горячую ванну, пока меня не будет.

Горячая ванна — звучит прекрасно.

— А ты куда собрался?

— Ешь свой тост, — сказал он. Как будто это ответ. Он остановился в дверях. — И не покидай этой комнаты.

Просто чтобы бросить ему вызов, она скрестила руки на груди.

— А что если в доме будет пожар?

— Пospорь с пламенем, — сухо ответил он. — Ты, скорее всего, выиграешь. И он сам потухнет.

Какой комик.

После того как он ушёл, она допила остатки своего кофе и направилась в ванную. На краю ванны лежал пакет с ароматической солью и лосьон. Она никогда раньше не покупала такие вещи. Самыми легкомысленными женскими вещичками, которыми она пользовалась, был её шампунь с ароматом лемонграсса, да и то только потому, что ей нравился бренд. Он делал её волосы послушными.

Пожав плечами, она открыла кран и присела на бортик ванны, чтобы прочитать инструкции.

Глава девятая

Уроки жизни согласно Камрин:

Стресс — это когда просыпаешься от собственного крика ещё до того, как уснул.

Трой вернулся в дом и сложил пакеты с покупками на кухонном столе. В городе он смог найти почти всё, что ему было нужно.

Париж. Он покачал головой. Трой надеялся, что однажды она сможет отправиться туда по-настоящему, но сейчас его ненастоящий Париж тоже сгодится. А также удержит её в их комнате, где она будет отдыхать без лишних споров.

Он на это надеялся. Ведь, что Камрин делает лучше всего — так это спорит с ним. Упрямая женщина.

Ухмыляясь, Трой поднялся по лестнице, чтобы проверить, как она. Войдя в спальню, он обнаружил, что дверь в ванную закрыта. Он отсутствовал почти два часа. Забеспокоившись, Трой постучал в дверь.

— Кэм, ты там в порядке?

— Эм, да. — Всплеск. — Я, должно быть, заснула. Выйду через секунду.

Она отдыхала, это хорошо. По крайней мере, она прислушалась к нему по этому поводу. Он посмотрел на кровать. Апельсиновый сок и тосты всё ещё были на подносе. Она выпила только кофе. Что ж, будет хорошо, если она уже проголодалась.

— По правде говоря, — сказал он через дверь, — не торопись. Я позову тебя, когда всё будет готово.

Пауза.

— Что готово?

Он закатил глаза. Она не может оставить всё как есть или просто сидеть и наслаждаться жизнью. Ей обязательно нужно всё знать, всё контролировать. И это натолкнуло его на очередную идею для списка.

— У меня тут реквизиты для брачного ритуала амазонок.

— Прошу прощения? — Дверь со свистом распахнулась, выпуская клубы пара.

Она стояла в чёрном халате, вытаращив глаза. Её волосы были заколоты в высокий хвост, влажный и завивающийся на кончиках. От неё пахло розами — ароматизированной солью для ванн, которую он оставил для неё вместо её обычного лемонграсса. Жаль. Ему больше нравился лемонграсс. Больше ей подходил. Лёгкий и свободный от суеты, как и она.

— Я шучу, — сказал он. — Никакого брачного обряда, обещаю. Оставайся в ванной. На самом деле, оставайся в халате. Дай мне десять минут на то, чтобы всё подготовить, а потом я тебя позову.

Она сузила глаза, прежде чем согласиться, и закрыла дверь.

Схватив поднос с завтраком, он побежал вниз, чтобы принести всё остальное. Для этого ему понадобилось два захода. Быстро, насколько возможно, чтобы она не успела выйти и испортить сюрприз, он соорудил свою имитацию Парижа. Если не обращать внимания на всякие мелочи, получилось вполне неплохо. Кивнув, он выкрикнул её имя.

Камрин вышла из ванной и остановилась, уставившись на красный шарф на его шее и чёрный берет на голове. А затем рассмеялась настолько успокаивающим и богатым звуком, что ему захотелось плакать. Боже, он обожает её смех.

— Тебе ещё не хватает тех тоненьких усиков, — сказала она.

Кэм шагнула обратно в ванную и вышла, держа в руках что-то похожее на набор Эмили для рисования. Она начертила с каждой стороны по тонкой линии под его носом и сделала шаг назад, чтобы рассмотреть свою работу, а потом снова рассмеялась. Чёрт, он бы нарядился мимом и выделывал дешёвые трюки, если бы она и дальше продолжала так смеяться.

— Ваш столик ждёт, мадам, — изо всех сил стараясь подражать французскому прононсу, проговорил Трой. Поклонившись, он жестом руки указал на балкон, где установил телевизионную тумбу и два стула. Конечно, это не столик с видом на Сену, но и так сойдёт.

— О, это было ужасное подражание французскому, — смеясь, сказала она. И на этот раз всё её лицо озарилось. — Тебе не стоит больше это повторять.

В его груди что-то оборвалось от незнакомого давящего чувства, когда он выпрямился. Трой никогда не видел её такой. Счастливой. Не беспокоящейся о том, что она сказала, не следящей за своими действиями или реакциями. Просто Кэм. Свободная.

А ведь он ошибался. Тогда, в своём доме, он посчитал её милой. Даже привлекательной, в духе «девушка по соседству». Но нет, она намного больше, чем просто привлекательная. Она красивая. И как он не замечал этого раньше?

— Держи, — сказал Трой, протягивая ей другой берет. Она лишь уставилась на него, поэтому он сам водрузил ей его на голову.

— А что там? — спросила она, шагая в сторону балкона.

Он прочистил горло.

— Блины с вишнёво-кремовой начинкой, круассаны и сыр, и эспрессо. У них не было суфле. Извини.

Она оглядела стол.

— Выглядит просто замечательно. Где ты всё это достал?

— В городе есть пекарня. Мой уровень холестерина взлетел только от одного запаха выпечки. Похоже, сыр очень популярен во Франции.

— Так и есть. Существует более двухсот видов сыра. И все они защищены законом, чтобы никто не смог воспроизвести их рецептуру. У них имеются строгие квоты на то, сколько сыров ежегодно может быть произведено в целях предотвращения снижения их ценности.

Он мог поклясться, что подобные вещи она говорила лишь для того, чтобы заставить других почувствовать себя идиотами. Его же это возбуждало.

— Как ты запоминаешь всю эту ерунду?

Она пожала плечами.

— Я как губка, которая впитывает бесполезную информацию. Я помню большинство из того, что прочитала. Или услышала.

— Ну, это просто острый сыр чеддер. Будем считать его коллекционным, или что-то типа того.

Улыбнувшись, она присела. Он налил им обоим по чашке эспрессо из кофейника и зашёл внутрь. А обратно вышел с плакатом Эйфелевой башни, прислонив его к перилам, а другую руку держа за спиной.

Она посмотрела на него, приподняв брови.

— Мило.

— «Уол-март»[19], — сказал он. — У них превосходная коллекция постеров. Если

хочешь, могу вернуться и взять ещё один, с Джестином Бибером.

Она засмеялась, отхлебнув кофе.

— Я — пас.

Высунув другую руку из-за спины, он протянул ей букет цветов. Улыбка сошла с её лица, когда она увидела их. Блин. Они ей не понравились.

— Я не знал, какие ты любишь, поэтому смешал разные.

Она медленно поставила чашку на стол и потянулась к букету.

— Ты принёс мне цветы?

— Каждая женщина должна получать цветы. Даже если от них воняет по всему дому, как ты говоришь.

Один уголок её рта изогнулся.

— У меня нет предпочтений в цветах.

— У каждой женщины должен быть любимый цветок. Как любимый цвет или любимые конфеты. Это обязательное условие.

— Любимого цвета у меня тоже нет. Они прекрасны. Спасибо.

— Пожалуйста. И ещё кое-что. — Он забежал в комнату, а затем вернулся с DVD-дисками. — У тебя есть выбор между «Забывать Париж» с Билли Кристалом, «Полночь в Париже» Вуди Аллена или «Красавица и Чудовище».

Она посмотрела на диснеевский мультфильм.

— «Красавица и Чудовище»?

Он пожал плечами.

— Действие происходит во Франции. Эмили заставила меня посмотреть его три раза, когда я сидел с ней в последний раз.

Ах, снова эта улыбка.

— Я не поклонница Вуди Аллена. Полагаю, «Забывать Париж». — Она откусила блинчик и, издав стон, запрокинула голову назад. — Это превосходно.

Трой мгновенно стал твёрдым. Он сел так, чтобы она не заметила.

— Лучше секса?

— О, определённо.

Он усмехнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тогда ты занимаешься им неправильно. — Улыбка снова исчезла. Поняв, что сказал, и как она, вероятно, истолковала комментарий, он позвал её по имени, чтобы она взглянула на него. — Тогда *они* делали это неправильно, — поправился он.

Соглашаясь с ним кивком головы, она отломил кусочек от круассана и откусила.

— Я, бывало, сочувствовала твоим подружкам: тому, что их у тебя так много, или тому, как быстро ты их меняешь. Но теперь я готова передумать. Ты делаешь подобное для всех своих женщин?

Нет. Цветы — да. Хороший ужин — да. Планировать целый день, чтобы перенести их в европейский город просто ради собственного удовольствия — никогда.

— Во-первых, я встречаюсь только с одной женщиной за раз, и она получает всё моё внимание. А во-вторых, мы с тобой притворяемся, что встречаемся. Правила здесь не распространяются. — И хоть он и говорил правду, последняя часть ощущалась ложью. Он даже не был уверен, сказал ли он это ради неё или ради себя. Что-то между ними поменялось.

Она внимательно изучала его, по-прежнему держа в руке круассан. Его взгляд упал на её рот, вспоминая, как хорошо она использовала его для кое-чего другого, помимо тривиальных знаний. Если бы он сейчас поцеловал её, то почувствовал бы её вкус, смешанный с масляным круассаном.

После нескольких долгих минут она отвела взгляд.

— Ну, в любом случае, все было очень продуманно. Спасибо.

— Пожалуйста.

Кэм стянула с головы берет и положила его на стол, затем взяла салфетку. Она наклонилась и стёрла фальшивые усы, нарисованные над его губами. И вновь, находясь так близко к ней, ему захотелось схватить её за запястья и рывком притянуть к себе на колени. Он бы показал ей, чем на самом деле славится Париж.

И на этот раз поцелуем бы всё не закончилось.

Тут они ступали на опасную территорию. По крайней мере он. И, если всё это продолжится, он уже будет не в состоянии и дальше контролировать эту потребность. И тогда весь ад вырвется на свободу.

Он взял круассан и вгрызся в него, просто чтобы чем-то занять свой рот, вместо того, чтобы целовать её. И, черт побери, целовать её было бы гораздо предпочтительнее.

Она доела свой блинчик, на сей раз без стонов, и потягивала свой эспрессо.

— Мне вот интересно, как ты можешь ожидать, что я высижу весь фильм после того, как выпила эспрессо.

— Они делают кофе без кофеина. Что для меня кажется бессмысленным. По сути, это крепкий кофейный напиток без кофеина, к которому прищёпнули название «эспрессо».

Она уставилась в свою чашку.

— Я этого не знала. На вкус такой же.

— Ну вот, видишь. И ты всего не знаешь, всезнайка.

По крайней мере, Трой позволил ей спуститься к ужину после просмотра фильма, когда она сообщила, что головная боль её больше не беспокоит. Каким бы интересным и весёлым ни был день, она чуть не свихнулась в этой комнате. Во время ужина члены семьи непринуждённо болтали, абсолютно её не замечая. Хотя это и редкость, но всё было именно так, как она предпочитала.

Джеки, одна из прислуги Хортонов, подошла к ней сзади.

— Что-то не так, мисс?

Камрин взглянула на свою тарелку, а затем снова на неё.

— Нет, я просто не очень голодна. У меня был поздний обед. — В любом случае, после тех блинчиков ничто не могло быть так же вкусно.

Кивнув, женщина убрала тарелку с жареными креветками.

Трой улыбнулся со своего места рядом с ней, съев только половину своего ужина. Он прикончил круассаны и сыр во время фильма.

Устав за день, все извинились за ранний вечер. Камрин, однако, была на взводе. После целого дня безделья, что, как она признала, было приятно, ей было необходимо выплеснуть избыток энергии.

— Думаю сходить погулять, — сказала она Трою после того, как вся семья покинула комнату.

— Я пойду с тобой. Только дай мне секунду сбежать наверх.

Мужчина же должен оставлять её одну время от времени.

Она вышла на улицу, где могла подождать его и осмотреть окрестности. В паре сотен метров к востоку виднелся густой лес. Было ещё не очень темно, чтобы прогуляться туда. Сумерки только опускались, мерцали светлячки. Влажность постепенно уменьшалась, обещая приятную прогулку.

Трой вышел несколько мгновений спустя, держа уже знакомый красный шёлковый шарф.

— Всё ещё в Париже? — спросила она.

Никто и никогда не делал для неё того, что сделал сегодня он. Трой создал этот мнимый Париж просто ради того, чтобы она отдохнула. И она отдохнула. Кэм до сих пор могла чувствовать запах букета цветов, который он ей подарил. Этот жест не должен был сделать её такой счастливой. Неудивительно, что женщины падают к его ногам.

— Это для пункта в моём списке.

Опять он за своё. Список.

— Планируешь привязать меня к дереву и оставить волкам?

— Что-то вроде того.

Она скрестила руки на груди. Он двинулся вперёд.

Но после нескольких шагов обернулся.

— Идёшь?

Смирившись, она зашагала рядом с ним.

— Я подумала, мы могли бы отправиться в лес. Посмотреть, есть ли там тропа.

Кивнув, он повернул в том направлении. Когда они подошли к границе леса, то обнаружили походную тропу. Под сенью деревьев атмосфера изменилась. Хотя стало прохладнее, влажность повысилась. Сосновые ветки и мох свисали сверху, закрывая собой небо, в то время как среди них копошились маленькие существа. Несколько кроликов, белок и сова только проснулись. Она надеялась увидеть оленя.

Они молча шли несколько минут, их шаги поскрипывали из-за сухих, опавших сосновых иголок. Сразу же за поворотом Трой остановился.

— Здесь, кажется, неплохо.

— Для чего?

Он усмехнулся, придерживая шарф за концы.

— Для моего эксперимента. Подойди сюда.

Когда она отказалась, он шагнул ей за спину, произнося из-за её плеча:

— Тебе постоянно необходимо держать всё под контролем. Но иногда хорошо позволить всему идти своим чередом. Не всё должно иметь свой порядок или цель, Кэм.

И как же он планировал освободить её от предполагаемого контроля?

Она сглотнула, когда он вплотную прижался к её спине. От него пахло мылом и грехом. А ощущался он даже лучше, чем грех. Что в нём такого? Почему она так насторожена всякий раз, когда он оказывается в пределах двух шагов?

Красный шарф опустился на её глаза, а его рот завис над её ухом. Было в этом что-то такое личное, такое отчётливо его, когда он говорил с ней. Он не оставлял ей места даже вздохнуть. Обычно ей необходимы эти полметра личного пространства. Но рядом с Троем не существует никакого личного пространства.

— Я собираюсь завязать тебе глаза, а ты будешь использовать другие свои органы чувств. Тебе придётся довериться мне, чтобы пройти испытание.

Она будет выглядеть идиоткой. Что ещё хуже, чувствовать себя ею. А это ей было совершенно не нужно.

— Нет, Трой.

Он помолчал.

— Ты мне доверяешь?

Его дыхание обдувало её шею, вызывая волну потребности, пульсирующую внутри. Хотела ли она его? Боже, да. Хорошо ли знала его? Да, больше чем кого-либо. Но могла ли доверять ему?

— Да.

— Тогда стой спокойно. — Трой завязал шарф на затылке, скрывая тот небольшой свет, что ещё оставался. Он встал перед ней, скользя ладонями вверх и вниз по её рукам. — Я отойду на несколько шагов назад, а ты следуй за моим голосом.

— Трой, это глупо. В чём смысл всего этого?

Он выждал целых пятнадцать секунд, прежде чем ответить:

— В том, чтобы избавиться от контроля.

Её голова дёрнулась вправо, откуда она услышала его голос в нескольких шагах в стороне. Повернувшись, она пошла в том направлении. Инстинктивно её руки вскинулись вперёд, чтобы не врезаться во что-нибудь. Хотя Кэм и не могла ничего видеть, зато могла слышать: шелест листьев на ветру, свои шаги, ступающие по земле.

Её руки чего-то коснулись, поэтому она остановилась. Осознав, что это грудь Троя, она опустила руки.

Он схватил её за запястья, возвращая обратно их прикосновение.

— Что ты чувствуешь? — прошептал он.

Твёрдую, прекрасную, мускулистую грудь.

— Твою футболку.

— И?

Возбуждение?

— Не знаю. Хлопок?

Она могла поклясться, что слышала, как он улыбается.

— Стой здесь. Я снова отойду.

Она вздохнула.

— Трой...

— Сюда, — сказал он слева от неё. — На этот раз опусти руки. Я буду тебя направлять.

— Если я упаду лицом...

— Ты не упадёшь.

Почему, чёрт возьми, она согласилась на это? Кэм опустила руки по бокам и прошла десять шагов. Его голос звучал ближе, чем раньше. Но она знала лишь то, что Трой находится слева от неё.

— Стой, — подсказал он. — Впереди корень дерева. Перешагни через него.

Водя носком, она провела ногой по земле, пока не почувствовала торчащий корень. Переступив через него, она продолжила идти. Идти и идти. С дерева над ней проухала сова. К этому моменту она уже должна была дойти до него.

— Трой...

Она врезалась прямиком в его грудь.

— Что ты чувствуешь?

— Что у меня из носа вот-вот пойдёт кровь? Боже, ты позволил мне уткнуться прямо в тебя, Трой.

Его руки опустились ей на плечи, такие тёплые. Такие большие. О, она могла поспорить, что этими руками он мог проделывать такие замечательные вещи!

— Что ты чувствуешь?

— Почему ты продолжаешь спрашивать меня об этом? Я чувствую себя нелепо.

Он тяжело вздохнул, словно она его раздражала.

— Оставайся здесь. — Она слышала, как он отходит вперёд и останавливается. — Хорошо, Кэм. Иди сюда.

На сей раз она шла не останавливаясь, пытаясь представить, чего именно он добивается от неё своим повторяющимся вопросом. Быть может, он прекратит этот фарс, если она ответит правильно. Чёрт, ей просто следует сорвать эту повязку и направиться обратно к дому. Почему, чёрт возьми, она не может сказать ему «нет»?

На середине шага её левая нога сорвалась, не почувствовав под собой ничего, кроме воздуха. Потеряв равновесие, она полетела вперёд в свободном падении. Крик застрял у неё в горле. Его руки сомкнулись вокруг неё, рывком останавливая и прижимая к своей твёрдой груди.

— Что ты чувствуешь? Прямо сейчас. Отвечай не задумываясь.

— Страх. Беспомощность. — Она ждала, когда её сердце вновь начнёт биться.

— Хорошо.

— Хорошо? — повторила она, скрипя зубами, готовая ударить кулаками по его груди.

— Ты придурок! Я упала.

Она потянулась вверх, чтобы сорвать с глаз повязку. Но его ладони пригвоздили её руки к низу.

— Да, хорошо. Ведь я поймал тебя, не так ли? Испуганные и беспомощные — именно такие большинство из нас — те, кто, спотыкаясь, идут по жизни, Кэм. Не так, как ты — под неусыпным контролем. Ты не можешь всё контролировать.

Самообладание покинуло её. Если бы он только знал, как ей страшно. Всё время. У неё и близко не было того контроля, она лишь притворялась, что обладает им.

— Ты изложил свою точку зрения. Теперь мне можно это снять?

— Через секунду, — пробормотал он. Его голос вновь звучал странно. Низко.

Он отпустил её запястья и скользнул вверх по её рукам, коснулся плеч и обхватил щёки. И тут её сердце забилося. Оно по-прежнему функционировало. В сверхэнергичном ритме. Она слышала, как он сглотнул. Чувствовала тепло от его кожи.

Воздух вокруг них изменился, или, быть может, это изменилось что-то в ней самой. Но секунды шли в ожидании того, что он предпримет. Интересно, о чём он думает?

— Кэм, — произнёс он всего лишь в нескольких сантиметрах от её рта. — Мне действительно трудно удержаться от того, чтобы не поцеловать тебя прямо сейчас.

Означает ли это, что он тоже ощутил этот сдвиг? И что дело не только в ней?

Его пальцы скользнули под шарф на её виске, поднимая его вверх и стягивая с головы. Она моргнула, чтобы привыкнуть к обстановке, но обнаружила, что они окружены лишь темнотой. Перед ней стоял только он.

В его взгляде мелькнули боль и вина. Он открыл было рот, словно готовился что-то сказать, но вместо этого опустил руки и попятился.

Она вздрогнула, внезапно почувствовав холод.

Его взгляд заметался вокруг них, а потом опустился к её ногам.

— Достаточно для одной ночи, — проговорил он хрипловатым голосом. — Давай вернёмся назад.

Она молча последовала за ним обратно к дому, пытаясь логически классифицировать эти странные чувства. Кэм встречалась с Максвеллом в течение почти двух лет и ни разу не чувствовала себя так, как только что с Троем. Словно если он её не поцелует, она умрёт.

Он единственный, кто заставляет её терять контроль. К чёрту его список и всё остальное. Она сама не своя рядом с ним. Даже в собственной голове.

Они вошли в дом, обнаружив за кухонным столом Эмили и Фишера.

Трой скрестил руки и прислонился к стойке.

— Я думал, вы, ребята, пошли спать.

Фишер взглянул на Эмили, сидевшую у него на коленях.

— Эмили хотела увидеть Камрин.

— Можно мне спать с тобой? — спросила её племянница, умоляя своими огромными, стеклянными глазами.

Фишер вздохнул.

— Думаю, падение её напугало. И то, что она не видела тебя сегодня весь день, сделало ситуацию только хуже. Ты не против?

Камрин покачала головой.

— Я согласна, если Трой не возражает.

Трой кивнул в знак согласия.

— Буду ждать тебя наверху. Я пока приму быстрый душ.

Фишер наблюдал за тем, как Трой покидает комнату, после чего повернулся к ней, изучая её, словно математическое уравнение, с которым она когда-то помогала ему в школе.

— Я чему-то помешал? Между вами всё в порядке?

Нет. Да.

— Не о чем беспокоиться. — Она протянула руки к Эмили. — Пойдём, милая. Мы можем посмотреть мультфильм и лечь спать.

Пока они поднимались по лестнице, Эмили зарылась носом в шею Камрин. Возможно, Фишер был прав.

— Ты сегодня беспокоилась обо мне? Падение с лошади напугало тебя? — Эмили кивнула. Если бы она знала, то показала бы сегодня в гостиной, и к чёрту Троя.

— Я сожалею об этом. Но со мной всё в порядке. Доктор сказал мне отдыхать, что я и сделала. Я бы сказала тебе, если бы что-нибудь было не так. Я всегда говорю тебе правду, верно?

Эмили подняла голову и кивнула.

— Потому что я уже не ребёнок.

— Правильно.

Она отнесла Эмили в свою комнату и посадила её на кровать. Камрин как раз натянула на неё пижаму, когда Трой выключил душ. После того, как она вставила в DVD-плеер диск с «Красавицей и Чудовищем», он появился из ванной, подошёл к кровати и плюхнулся на спину на своей стороне. Камрин нажала кнопку воспроизведения и села на своей стороне, усадив Эмили посередине.

Эмили посмотрела сначала на неё, потом на Троя.

— А почему ты теперь спишь в постели с дядей Троем?

Трой усмехнулся.

— Да, тётушка Кэм. Почему?

Камрин сузила глаза. Открыла рот, но вновь закрыла, задаваясь вопросом, как объяснить трёхлетнему ребёнку то, в чём сама сомневается.

— Э-э, ну, потому что мы с дядей Троем теперь встречаемся.

— А что значит «встречаться»?

— Когда два человека увлечены друг другом, они начинают встречаться. Они гуляют вместе и проводят вместе время.

Эмили, казалось, обдумывала информацию, в то время как Белль в мультфильме начала петь, проходя по маленькой французской деревушке.

— Итак, вы с дядей Троем теперь увечите друг друга?

Трой рассмеялся.

— Мы с тётушкой Кэм увечим друг друга уже в течение многих лет.

Эмили бросила на него раздражённый взгляд. Трой закрыл рот и вместо этого сосредоточился на мультфильме.

— Мы *увлечены* друг другом, да, — сказала Камрин, и это заявление содержало больше правды, чем ей хотелось бы.

Трой что-то сдавленно пробормотал.

Эмили впиалась в него испепеляющим взглядом.

— Тихо, — приказала она, а затем посмотрела на Камрин. — Так вы целуетесь и прочее?

Вот это «и прочее» Камрин никак не могла выкинуть из головы. Ей очень хотелось «и прочее».

— Конечно. А теперь давай смотреть мультфильм. Тебе уже давно пора спать.

— А что происходит после свиданий? — спросила она, несколько не смущённая.

— Ну, если дела идут хорошо, и ты достаточно удачлив, то вы поженитесь.

— Как тётя Хизер и дядя Джастин.

— Да, — ответила она, указывая на телевизор, надеясь, что шквал вопросов прекратится и она будет смотреть мультфильм. Камрин никогда прежде не возражала отвечать на бесконечные вопросы Эмили, поскольку её племянница всегда была любознательной. Но сейчас это становилось ужасно неловко.

Эмили села поудобнее и начала смотреть мультфильм, так что Камрин прилегла и расслабилась.

Через несколько минут Эмили повернулась к Трою.

— А ты удачлив?

Трой поглядел на неё.

— Удачлив?

— Достаточно удачлив, чтобы жениться?

Лицо Троя стало пустым, когда он снова посмотрел на телевизор.

— Удача никогда не была на моей стороне, — пробормотал он.

Глава десятая

Уроки жизни согласно Камрин:

Требуется много усилий, чтобы выглядеть расслабленной.

Камрин оглядела небольшой спа-салон и подавила в себе ещё один подступающий чих. Здесь были расставлены корзины с ароматизированной смесью на основе корицы и несколько зажжённых ароматизированных свечей. Якобы для атмосферы. Стены имели безобразный мятно-зелёный цвет: вероятно, для успокаивающего эффекта, который лишь напомнил Камрин о «Шемрок шейк»[20].

Это была идея Хизер: устроить для них расслабляющий девичник. Камрин, сидя между мамой и Бернис, ёрзала в своём белом халате, который персонал заставил её надеть, в то время как Анна и Хизер листали журнал. Не такие у неё были представления о расслаблении. В настоящее время они ожидали своей очереди на массаж.

— Вот эта, — сказала Хизер.

— О, согласна, — произнесла Анна.

Камрин вздохнула.

— Я уже говорила вам, что не собираюсь стричь волосы.

Хизер развернула журнал, чтобы она могла взглянуть, словно это заставит её передумать.

— Вот так, только на пару сантиметров короче и с небольшим каскадом. Несколько осветлённых прядей...

— Нет.

Они старались быть милыми и действительно пытались сделать её симпатичнее. Более привлекательной. Но стрижка и осветление прядей здесь не помогут.

— Камрин Кович, — произнесла её мама в своём печально известном предупреждающем тоне, — в переменах нет ничего плохого.

Камрин закатила глаза. Какого чёрта? Хуже ведь уже не будет, верно?

В комнату вошла группа людей: двое молодых мужчин, две женщины и существо, которое Камрин могла бы описать только как третья женщина и которая выглядела так, словно лично брала уроки по средневековым пыткам.

Один из мужчин посмотрел на свой планшет с бумагами.

— Хизер, вы со мной.

Ну конечно. Они в Колорадо что, занимаются разведением только горячих экземпляров? Другой мужчина забрал Анну, две женщины — маму и Бернис, оставив Камрин с Брунгильдой-мучительницей.

Расслабься, задница моя.

Брунгильда повела её по длинному коридору в небольшую затемнённую комнатку, где из CD-плеера негромко раздавались звуки океанских волн. Для ещё большей атмосферности.

— Можете повесить халат с обратной стороны двери, и ложитесь на стол, лицом вниз.

— Голой? — спросила она в ужасе. Камрин огляделась в поисках приспособлений для пыток.

— Вы будете под простыней.

Брунгильда вышла из комнаты, так что Камрин быстренько разделась и плюхнулась на

стол прежде, чем та успела вернуться. Кэм как раз натянула простыню, когда женщина снова появилась. Брунгильда — она так и не спросила её настоящего имени — вытянула руки над головой. Сцепила их и потянула свои «древесные стволы». Эта женщина состояла из сплошной груды мышц.

— Как вас зовут? — спросила Камрин, когда с CD-диска со звуками океанских волн прокричала чайка. Что дальше, баржа?

— Кларисса, — ответила она, похрустывая костяшками пальцев. — А теперь расслабьтесь.

Здорово, ей досталась массажистка из «Молчания ягнят». Которая всего лишь на одну ступень лучше Брунгильды-мучительницы. Интересно, когда объявится Энтони Хопкинс?

Час спустя Камрин прошла обратно в зал ожидания, чувствуя себя так, словно по ней прошли катком, соскребли с тротуара, а затем снова им проехали, на всякий пожарный. Зато пока она одевалась, все остальные наперебой рассказывали, какой замечательный был у них массаж.

А несколько мгновений спустя вошёл Джеффри-парикмахер и назвал её имя. Горя желанием указать на Хизер, она всё же подняла руку. Джеффри постучал пальцем по губам, обходя её по кругу.

Он глянул на Хизер, завершив свой третий круг.

— Понимаю, что вы имеете в виду. — И снова посмотрел на Камрин. — Пойдёмте со мной.

А мне это точно необходимо?

Он усадил её в кресло перед зеркалом и набросил на неё пеньюар. Сделал ещё три круга.

— Думаю, карамельные прядки. Они будут хорошо сочетаться с этим естественным имбирным цветом. — Звучало как еда. Ещё два круга. Парень, должно быть, готовился к Олимпиаде парикмахеров. — На сантиметр укоротить снизу, и на пять сантиметров каскад. Как вам?

Она пожала плечами, не имея ни малейшего представления о том, что он только что сказал или что это означало.

— Потрясающе, — заявил он и ушёл.

Камрин уставилась на Хизер, сидевшую в кресле рядом с ней, буравящим взглядом, рассчитанным заставить её бежать, крича от страха. В ответ Хизер сверкнула нервной улыбкой и быстро отвела глаза. *Трусиха.*

В то время как Джеффри смазывал и заворачивал её волосы в фольгу, остальные ждали в соседних креслах. И пока она сидела в ожидании окончания процесса окрашивания (хотя она применила бы здесь слово «выпекания»), Камрин задавалась вопросом, как далеко мог бы пройти радиосигнал от её головы. Быть может, если она наклонит голову в нужную сторону, то прилетят инопланетные существа и похитят её?

Вскоре ей велели пересесть на стул, чтобы помыть голову. Вымыв и ополоснув волосы, её посадили обратно в кресло. Руки Джеффри летали вокруг её головы — состригая и обрезая. К этому моменту она просто надеялась, что у неё останется хоть немного волос. Затем он достал обдувающий сушильный аппарат, за возможность обладания которым армия бы убила, и принялся сушить волосы.

В конце концов он сложил свой арсенал и хлопнул в ладоши.

— Та-дам. — Парикмахер развернул её кресло, чтобы она могла взглянуть на

нанесённый ущерб.

Её волосы, сейчас едва касавшиеся плеч, выглядели даже гуще, чем раньше. Осветлённые пряди гармонировали с её натуральным цветом, но, казалось, заставляя выглядеть всю шевелюру светлее. Да-а. Смотрелось совсем неплохо. И на публике ей не понадобится бумажный мешок.

— Ох, вы только взгляните на это, — сказала её мама. — Ты выглядишь просто очаровательно, Камрин.

Камрин так резко повернула голову, что заработала травму шеи. Никогда мама не называла её очаровательной. Если комплименты и произносились в её адрес, что случалось крайне редко и количество их было ничтожно малым, они говорили что-то вроде «милая» или, в редких случаях, «симпатичная». Но «очаровательная» — никогда.

— Спасибо, мам, — неловко проговорила она, ожидая неизбежного продолжения. «Теперь остаётся только похудеть». Или: «Ты не Хизер, но и так сойдёт».

Хизер улыбнулась.

— Послушай, мы заберём Эмили и отправимся по магазинам. Купим тебе новую одежду к твоей новой причёске.

— О нет. — Она завязала с походами с Хизер по магазинам. К тому времени, когда они закончат, она будет выглядеть так, будто её заблевала Радужная Королева[21].

— О да, — сказала её мать. — Представь, что подумает Трой.

Трой. *Понравится ли ему?* — подумала она. И почему это должно иметь значение? До свадьбы осталось всего три дня, а затем он наконец будет от неё свободен. Он сможет вернуться к своим настоящим женщинам и не беспокоиться о том, что другие считают его сумасшедшим из-за того, что он встречается с ней.

Камрин встала и схватила свою сумочку. Спорить с семьёй не было никакого смысла. Она будет им потакать. Никто ведь не говорил, что ей на самом деле придётся *носить* эту одежду.

Но час спустя после того, как Хизер выбрала пять платьев и восемь рубашек, Камрин взглянула на себя в зеркало раздевалки.

— Я похожа на арбуз.

Хизер покачала головой.

— Нет. Он мило на тебе смотрится.

Мило. Они снова вернулись к определению «мило».

Чудовищный лаймово-зелёный сарафан слишком сильно обтягивал её талию и грудь и имел разрез на два сантиметра выше колена, переходящий в спадающую хлопчатобумажную юбку свободного кроя. Да ещё на тонких ляпочках.

— Что происходит между тобой и Троем?

Камрин взглянула на неё.

— Не понимаю, о чём ты говоришь.

Хизер скрестила на груди руки, вскинув брови.

— Ну-ну. Что-то происходит. Вы двое и в самом деле ведёте себя как настоящая пара.

— Разве не в этом был смысл?

Хизер пристально посмотрела на неё, заглянув прямо в глаза. Камрин тут же захотелось сжаться.

— Он тебе нравится. Очень нравится, не так ли?

— Я позвоню в кабельную компанию, чтобы они заблокировали тебе трансляцию

«Целой жизни».

— Ты влюбляешься в Троя, — ответила она, будто совсем её не слыша.

— И в «Холмарк» на всякий случай.

Хизер покачала головой, смягчая взгляд.

— Кэм, будь осторожна. Ты же не хочешь...

— Разбить себе сердце? — закончила она. Камрин достаточно хорошо понимала, куда вёл этот разговор. — Потому что Трой не ответит взаимностью. Я не та женщина, которой удастся его заинтересовать. Не беспокойся, Хизер. Я в курсе.

— Я не это собиралась сказать, — прошептала она, но взгляд её доказывал, что это ложь.

— Мне не нужна лекция или твои предупреждения. Между мной и Троем ничего не происходит.

Хизер вглядывалась в неё ещё секунду, затем сгребла всю одежду в охапку и вышла.

Камрин зажмурила глаза, глубоко вдохнула и пробормотала себе под нос:

— Новая причёска и одежда не смогут преобразить уродину.

Хизер была права, сказала она это вслух или нет. Камрин нуждалась в психологической пощёчине реальности. Независимо от того, что она думает о происходящем, Трой никогда не ответит на её чувства. Она потянулась, чтобы схватить со скамейки свою старую одежду, но там ничего не было.

Хизер забрала её одежду.

Камрин открыла дверь раздевалки, чтобы потребовать её обратно, но обнаружила лишь одну Эмили. Камрин взяла племянницу за руку и оглядела магазин в поисках Хизер, найдя её у кассы. И прежде чем Кэм успела что-нибудь сказать, Хизер наклонилась и срезала ярлык с платья, которое было на Кэм, а затем передала ножницы обратно кассиру.

— Всё оплачено. Можешь ехать домой в нём.

— Я не хочу ехать домой в нём. Я хочу обратно свою одежду.

Хизер подняла Эмили на руки и пожалала плечами.

— Слишком поздно. Она в машине. — Хизер посмотрела на Эмили. — Готова ехать?

Камрин выглянула в окно, где ждали остальные. Ни у кого в руках пакетов не наблюдалось, что означало лишь одно — они уже находились в багажнике. Это была засада. Прекрасно. Она поедет домой в этом сарафане, незаметно проберётся внутрь и переоденется прежде, чем кто-нибудь её увидит.

— Ну наконец-то, — произнёс Фишер. — Они дома. Я умираю с голоду.

Сидя на стуле во внутреннем дворике, Трой взглянул на подъездную дорожку и на приближающийся автомобиль. Они отсутствовали весь день, занимаясь своими женскими делами. Кэм будет раздражена. Он как раз разглядывал дворик, когда хлопнули дверцы машины.

— О боже, — сказал Джастин. — Посмотрите на все эти пакеты. Кто подпустил Хизер к магазину?

— Что они сделали с Камрин? — произнёс папа, ставя стакан лимонада на стол перед собой.

Трой оглянулся. Моргнул. Она была одета в зелёное. Не белое, не бежевое, не чёрное. Зелёное. И её волосы стали другими. Светлее. Короче. Дамы подошли к ним и поставили сумки.

Джастин уставился на обновки.

— Вы скупили весь торговый центр?

Хизер усмехнулась.

— Это всё для Кэм. Мы купили ей новую одежду.

Трой посмотрел на неё: руки на боках, глаза опущены вниз. О, Кэм отнюдь не была похожа на счастливую отдыхающую. Но, чёрт побери, она действительно хорошо выглядела. Что бы они ни сделали с её волосами, это заставило её глаза выделяться. Они и раньше были прекрасны, но теперь это всё, что он мог видеть. Его желудок сделал медленный кульбит, руки подогнулись.

Должен был быть способ остановить эту реакцию на неё. Остановить этот поезд, сходящий с рельсов прямо перед ним. Она постепенно пробиралась ему под кожу.

— Какой красивый оттенок арбузного цвета, — сказал йяка Митч, ухмыляясь как кот над своим замечанием, которое он посчитал остроумным поддразниванием.

Кэм бросила взгляд на Хизер — что-то близкое к обвинительному.

Эмили запрыгнула к нему на колени и дёрнула его за рукав.

— Тётя Кэм больше не уродина, верно, дядя Трой?

Челюсть его отвисла. Он глянул на Кэм. Глаза её были закрыты, голова опущена.

— Она никогда и не была уродиной. Кто это сказал?

Камрин вмешалась прежде, чем кто-либо смог ответить.

— Бернис, я помогу вам приготовить ужин.

Не только язык её тела заставил Троя волноваться: сторбленные плечи и скрещенные руки, но и голос, ставший безжизненным.

Мама Джастина кивнула, и они зашли в дом.

К ним подошёл Фишер.

— Кто тебе сказал, что тётя Кэм была уродиной? Мы не произносим гадких слов, подобных этому. Ты должна сказать ей, что сожалеешь, когда она вернётся.

— Но я не говорила этого! — настаивала Эмили с дрожащими губами. — Это тётя Кэм сказала, что она исправляет своё уродство. Я и не думала, что она была уродиной, честно.

Грудь Троя сдавило. Если она сделала всё это с собой — волосы, одежда — потому что считала себя некрасивой, то почему тогда она выглядела такой разозлённой на Хизер? Кэм не принадлежит к тем женщинам, которые часами проводят в ванной, прихорашиваясь. И это одно из её качеств, которое он находит в ней настолько чертовски очаровательным. Она освежающая перемена после зацикленных на своей внешности женщин, которыми он себя окружал.

Во двор вышла Нана, чтобы присоединиться к ним, сев в кресло рядом с Троем. Она осмотрела лица присутствующих.

— В чём дело со всеми вами?

Эмили разразилась слезами.

— Я задела чувства тёти Кэм. — Анна подбежала и подхватила девочку на руки.

Нана фыркнула.

— У Кэм нет чувств. Так что всё это значит?

Кума Виола поправила свои волосы.

— Видимо, кто-то назвал Кэм уродиной, и Эмили услышала.

Это привело Нану в ярость.

— Кто назвал мою внучку уродиной? — Её трость взметнулась вверх, словно световой меч, готовый пронзить тёмные силы.

— Думаю, Эмили неправильно поняла, — заявил Фишер, садясь.

— Она, должно быть, ослышалась, — сказала тетка Миртл, отрывая. — Я имею в виду, что убила бы за её скулы.

— А я убила бы за её грудь, — добавила Хизер.

Трой ущипнул переносицу.

— Наверное, вам всем следует сказать это всё ей? Может, она не знает.

— Чуть, — ответила Нана. — Эта женщина уверенно чувствует себя в своей собственной шкуре.

Трой так не думал. И начал задаваться вопросом: а что если он неправильно понял её характер? А что если они все тоже её не понимают?

— Эмили извинится, когда они вернутся, — сказал Фишер. — Не так ли, солнышко? Даже если ты не хотела, чтобы это так прозвучало. — Эмили со слезами на глазах кивнула в знак согласия.

— Что ж, — проговорила Хизер, — Если ты считаешь, что мне следует, я скажу Кэм, что хочу такую же грудь, как у неё.

Джастин рассмеялся.

— Присоединяюсь.

— Нет, — воскликнула Анна, протягивая Эмили Фишеру. — Вы поставите её в неловкое положение. Просто оставьте всё как есть.

Повисло неловкое молчание, пока Бернис с Камрин не вышли во двор. Трой наблюдал за ней, пока она ставила миску с куриным салатом и тарелку круассанов. Она выглядела спокойной, нисколько не задетой тем, что кто-то назвал её уродиной.

Камрин далеко не была уродиной, и он размышлял, знает ли она об этом.

Бернис подала тарелку фруктов и пакетик чипсов. Все тут же накинулись на еду.

Трой не мог смотреть на пищу, так что он откинулся на спинку стула и стал наблюдать за Кэм. Она, казалось, не замечала, пока спустя несколько минут не взглянула в его сторону. Её брови вопросительно сдвинулись. Он слегка покачал головой — достаточно, чтобы она заметила, и проговорил одними губами: «Замечательно выглядишь». Её губы приоткрылись, а затем поджались.

Ну, блин. Вот и ответ. Она ему не поверила. Не то чтобы она не могла принять комплимент, скорее, не могла в него *поверить*.

Между ними промелькнул взгляд: его был сплетен с чувством вины, её же — с грустью. Но в течение нескольких секунд он преобразовался в жар. Желание. Были только она и он, наконец признавшие то, что не должно быть произнесено. Всё произошедшее между ними вело к этой точке. Хоть он и пытался бороться с этим.

— Я это не хочу! — прокричала Эмили. — Я хочу куриные наггетсы!

Бернис приложила руку к груди.

— Мне так жаль, дорогая. Но у меня их нет.

Фишер отложил свой бутерброд.

— Мы не поставляем еду. Она ест то, что дали.

— Она просто устала, — сказала Анна. — Эмили, ты ведёшь себя невоспитанно.

— Мне всё равно! Я хочу куриные наггетсы.

— Миссис Хортон, — произнесла Кэм спокойно, как летний ветерок. Она положила свой бутерброд на стол и соединила руки. — У вас есть детское питание?

Трой не мог удержаться от улыбки. У его крестницы всегда был здоровый аппетит.

Даже когда она была младенцем. По крайней мере, теперь она перешла на еду с общего стола. Он вспомнил, как был впечатлён, когда она впервые ела горох. У любого ребёнка, который смог бы удержаться от рвоты из-за того, что выплюнул бы даже малыш-экзорцист, был талант.

Бернис, казалось, поняла тактику Камрин.

— Что ж, а это у меня может и есть.

Эмили перестала плакать и уставилась на них.

— Я не младенец. Я не ем детское питание.

Кэм пожала плечами.

— Но ты так же не ешь пищу больших девочек. Думаю, нам следует принести детскую еду.

Бернис встала.

— Без проблем. Я скоро вернусь...

— Нет! — закричала Эмили и взяла сэндвич. Откусив огромный кусок, она произнесла с набитым ртом: — Видите?

Бернис снова села. Трой ухмыльнулся, подобно ослу. Он не считал, что из него вышел бы хороший отец, как Кэм однажды заметила. Камрин же свела психологию до уровня искусства. Ни у одного ребёнка не было бы и шанса. Теперь из неё вышел бы замечательный родитель. Возможно, её малыши даже станут маленькими гениями, исполняющими произведения Моцарта в возрасте двух лет.

— Я сожалею, что ты уродина.

И тут атмосфера в корне изменилась.

Все уставились на Эмили: все, кроме Кэм, которая изучала еду на своей тарелке.

Анна вытерла рот салфеткой.

— Ты хотела сказать: «Я сожалею, что назвала тебя уродиной».

— Верно, — сказала Эмили, отправляя в рот виноградину.

— Ох, Кэм, мне так жаль. Она что-то неправильно поняла и просто повторяет всё, что слышит...

Кэм подняла руку, прерывая Анну.

— Всё прекрасно. Ей всего лишь три года.

— Ты не уродина, — проговорила её мама, заставляя Кэм уронить голову на руки в явной досаде.

— Да, я знаю, что не тварь болотная. Теперь мы можем сменить тему?

Трой наблюдал за ней, испытывая желание забрать её наверх и продемонстрировать ей, насколько она не уродина.

— Ты на несколько планок выше твари болотной.

— Кроме как по утрам, — сказал Фишер, пытаясь поднять настроение.

Грандиозный провал.

Никто не произнёс ни слова до тех пор, пока Эмили снова не заполнила тишину:

— А что такое «тварь болотная»?

Глава одиннадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Весь день строить из себя приятного человека утомительно.

Трой включил прикроватную лампу и выудил из своей сумки пижамные штаны. Камрин, не произнеся ни слова, прошла к своему чемодану, достала вещи и отправилась в ванную. Он переоделся и сел на кровать. Через несколько мгновений Кэм подошла к гардеробной и потянулась к вешалке.

— Ты сегодня выглядела мило. — Кэм стояла к нему спиной, и он не мог видеть её лица, но заметил, как она замерла, прежде чем повесить платье на вешалку. — Что-то не так?

— Ничего. Я просто... начинаю ненавидеть это слово.

— Мило? Ладно, я применю другое слово. Ты сегодня выглядела прелестно.

Тяжело вздохнув, она прошла к своей стороне кровати и схватила чемодан, прежде чем вернуться к гардеробу. Полагаю, «прелестно» тоже отпадает.

— Так что же подтолкнуло тебя на все эти перемены? Твои волосы, твоя одежда?

Она исчезла в гардеробной.

— Меня Хизер заставила. — Сначала он услышал какое-то шуршание... — И, чёрт возьми, она забрала всю мою одежду.

Он поднялся и подошёл к гардеробной. В ней царило большее разнообразие расцветок, чем в деревне Смурфов. Она протопала к нему, мимо него и напрямик из спальни.

— Ты куда пошла?

— Убивать свою сестру.

Он метнулся за ней.

— Эй, не так быстро. — Обхватив Кэм за талию, он приподнял её и поставил обратно на ноги возле гардероба. — Всё не так уж и плохо.

— Не так уж и плохо? — повторила она, снова входя в гардероб. Она вытащила розовую кофточку. — Фуксия. Эта рубашка цвета фуксии, Трой. — Она вытащила другую. — Бирюзовая, оранжевая, жёлтая... Это пустая трата денег.

— Ну, она купила их для тебя. Почему бы тебе не носить их во время поездки? А дома снова сможешь вернуться к привычной для тебя одежде. В любом случае, что плохого в том, чтобы добавить немного цвета? Тот зелёный смотрелся на тебе... красиво.

— Трой...

И тут его осенило. Одевайся в нейтральные цвета — и никто не заметит. Надень это и...

— Тебе не нравится, когда на тебя обращают внимание. Всё дело в этом, так? Что плохого в капельке внимания время от времени?

Она посмотрела на одежду в своих руках.

— Потому что случается то, что случилось внизу во время ужина, вот почему.

Он сглотнул и смягчил тон.

— Ты о чём? Об этих разговорах об уродстве?

Она аккуратно повесила рубашки на вешалки и поместила те на рейку. Закрыв глаза, сделала несколько глубоких вдохов. Это было так мило. А ещё он понял, что она не собирается отвечать на его вопрос.

— Я никогда не видел тебя такой разозлённой.

— Конечно же, я злюсь.

Э-э, нет. Не совсем.

— Не так. Секунду назад ты повысила голос. — Её глаза сузились, уставившись на него.

— И ты ещё не закончила. Подожди. — Он подошёл к кровати, схватил подушку и вошёл к ней в гардеробную. Закрыл дверь и протянул подушку ей. — Покричи в неё.

— Извини?

Он улыбнулся. Большинство людей просто сказали бы «что?». Камрин, даже рассерженная и сбита с толку, сказала «извини?».

— Если ты начнёшь кричать, не прижав к лицу подушку, родные подумают, что я тебя убиваю.

— Я вообще не собираюсь кричать.

Его улыбка стала ещё шире.

— Это есть в списке, Камрин. Ты загадывала желание на звезду, сделала что-то, чего боялась, танцевала под дождём, теряла контроль и смеялась до боли. Теперь разозлилась.

Она стиснула зубы и проговорила сквозь них:

— Почему все считают необходимым меня изменить? Я так долго просуществовала и без посторонней помощи. Жила, будучи ни смешной, или красивой, или...

— Вот об этом позже, — сказал он, обрывая её. Позже он ещё *вернётся* к этой лжи. А прямо сейчас её гнев начал утихать. — Кричи, Кэм.

Ох, опять.

— Нет.

— Сделай это, тряпка.

Её ноздри раздулись.

— Нет.

Он прижал её к стенке и поднёс подушку к её лицу.

— Кричи, Кэм.

Без дальнейших колебаний она выхватила подушку, прижала к лицу и закричала в неё. Громко, долго и достаточно сильно, чтобы заставить ту трястись. Закончив, она опустила подушку и уставилась на неё. Её лицо стало очаровательно красного оттенка, как у Чака Берри[22].

— Ещё разок?

В качестве ответа она передала подушку обратно.

— Чувствуешь себя лучше?

Камрин посмотрела на него, один уголок её рта изогнулся, прежде чем она кивнула.

— Не думаю, что ты забудешь о тех словах, которые я тебе наговорила.

Этому не бывать, чёрт возьми. Это тоже было в списке. Излить свою душу.

— Нет, но этот разговор для другой ночи.

Он положил руки ей на плечи и сжал. Она же вздрогнула и отшатнулась.

— Прости. Я сделал тебе больно? Я думал, тебе стало лучше.

— Это не от падения. Это из-за массажа.

— Что? — Он окинул её взглядом. — Массаж не должен причинять боль.

Она обошла его и открыла дверцу. Плюхнулась на кровать, разминая плечи.

— Скажи это Брунгильде-мучительнице.

Он не был уверен, должен ли рассмеяться или нет.

— Повтори?

— Неважно.

Он пинком закрыл дверь гардеробной и подошёл к ней, сев рядом на кровать. Осторожно Трой поднял палец и коснулся её плеча. Она вся съёжилась.

— О, чёрт возьми, нет. Тебе так больно?

Вместо ответа она уставилась прямо перед собой.

Он посмотрел в сторону ванной комнаты, потом снова на неё. Поднявшись, схватил из ванной её халат и бутылку лосьона. Трой ещё будет жалеть об этом. До конца своих дней.

Последние несколько дней держать свои руки — и губы — подальше от неё было необходимой и непосильной задачей. Даже напоминания самому себе о том, что это же Камрин Кович, больше не срабатывали.

— Надень халат, — сказал он. — Я разотру узлы.

Она метнула ему один из своих притягательно-раздражённых взглядов.

— Нет. У меня будут синяки поверх уже имеющихся.

— Я помогу.

— Нет.

— Камрин, надень халат.

— Я не останусь... голой перед тобой.

О, вот теперь в голову пришли разные озорные, приятные мысли. Он закрыл глаза.

— Тебе не нужно раздеваться до конца. Оставь шорты, сними футболку и надень халат задом наперёд.

Когда он открыл глаза, у неё был такой вид, словно она обдумывала эту мысль.

— Я подожду в ванной, — вставая, произнёс он. Трой захлопнул дверь в ванную и схватил две таблетки тайленола[23]. Подождав несколько минут, он вновь открыл дверь. — Готова?

— Да.

Он встал рядом с кроватью, держа тайленол. Она взяла таблетки и проглотила. А затем, прежде чем успел передумать, Трой сел позади неё и выдавил в руку немного лосьона.

Она напряглась, когда его рука коснулась её обнажённого плеча. Так же, как и он.

— Расслабься, — сказал он ради блага их обоих.

Проведя руками по её плечам, вниз по спине, он нашёл проблемные места и разработал их. У неё была небольшая россыпь веснушек на шее, чуть ниже границы роста волос. И он не отводил от них взгляда, продолжая массажировать. Её кожа была такой бледной, такой гладкой. Его же руки были в мозолях от работы на стройке, а кожа загорелой от солнца.

Какие же они разные, во всех смыслах этого слова. Тем не менее, прикосновения к ней возбуждали его, воспаляя желание положить её на спину и освободить от напряжения другими способами. Если занятие с ней любовью будет хоть сколько-нибудь похожим на её поцелуй, то он, возможно, никогда не сможет покинуть эту постель.

Если он поцелует её в шею — прямо туда, в эти веснушки, откинет ли она голову и издаст стон? Если он сомкнёт губы над её ухом, произнесёт ли она его имя? Если его руки скользнут по её бокам, к груди, как хорошо они поместятся в его ладони? Было что-то совершенно иное в том, как она возбуждала его, по сравнению с другими женщинами. Что-то, из-за чего он не мог удержаться от изучения её тела.

— Что-то не так? — спросила она.

Он моргнул, осознавая, что его руки перестали двигаться.

— Ничего. Я просто устал. Тебе лучше?

— Да, — ответила она, оглядываясь через плечо. — Спасибо.

Он прочистил горло.

— Тогда иди и переоденься.

Она встала и исчезла в ванной комнате. Втянув воздух, он посмотрел на свои колени и болезненную эрекцию. Затем натянул простынь поверх коленей и перекатился на бок.

Чёрт, он ни за что не продержится до конца недели.

После попадания в Нану бейсбольным мячом и поездки Камрин в больницу, семья решила, что будет лучше осмотреть некоторые городские достопримечательности, а потом пойти пообедать. Так Камрин не смогла бы никому причинить вреда.

Как если бы это она была виновата в случившемся.

Они зашли в несколько сувенирных магазинов, посетили индийский музей культурного наследия и прогулялись по территории «Indian Peak Wilderness»[24], где Камрин узнала, что же такое школа дельтапланеризма «Майл-Хай».

По всей видимости, люди — будучи в здравом уме — прикрепляли себя к тросу и бросались с горы, имеющей вполне приличную высоту. Камрин была рада, что вместо этого свалила Нану бейсбольным мячом. Нана, вероятно, не согласилась бы, но её шишка постепенно исчезала, оставляя на этом месте лишь маленький синяк.

Нет вреда — нет фолла. Хотя, технически, она полагала, что это был фол.

Утомившись, они сели за столик в гриль-баре и заказали напитки. Местечко будто бы прямоком вышло из истории о Поле Баньяне[25]. Включая головы лося и оленя, висящие над баром. Стены были обшиты тёмным деревом, вызывая ощущения, словно находишься в бревенчатой хижине посреди горы.

Камрин заглянула в меню, поморщившись при виде их особого блюда — стейка из карibu[26]. И тут ожил её мобильный телефон, наконец-то оказавшийся в зоне доступа. С момента прибытия в Колорадо ей звонили лишь единожды. Она полезла в сумку, чтобы проверить. Одно голосовое сообщение и одно текстовое. В первую очередь она прочитала текстовое.

Я по тебе скучаю.

Она ахнула. Все за столом обернулись на неё. Она мгновенно сделала безучастное лицо. Максвелл по ней скучает? Почему? Она ведь была холодной рыбой без вкуса и цвета.

— Давай сбегает в ванную, — вставая, сказала Хизер.

Камрин инстинктивно поднялась, всё ещё глядя на слова Максвелла по дороге в уборную.

— Ладно, колись, — произнесла Хизер.

Камрин закрыла сообщение и убрала телефон.

— Меня предупредили, чтобы я никого сегодня не калечила. Предполагаю, что на одежду это тоже распространяется, так что никаких прокалываний.

Челюсть Хизер отвисла.

— Это шутка?

Не совсем.

— Максвелл прислал мне сообщение, написав, что скучает по мне.

Хизер включила кран, чтобы помыть руки.

— Что это значит?

— Не знаю, — ответила она. — Но у меня также есть сообщение на автоответчике. Подожди. — Она снова достала свой сотовый и набрала номер, чтобы прослушать послание.

Здравствуйте, мисс Кович. Это Эрин Бронсон из «Грейшоу Индастрис». Мы получили ваше резюме и хотели бы назначить собеседование. Если можете, свяжитесь с нами, пожалуйста, как можно скорее, и мы всё обсудим. Спасибо.

— Собеседование на работу, — проинформировала она Хизер. — Слава богу. Это первый отклик, который я получила с момента отправки резюме на прошлой неделе. Я уж было начала волноваться.

— Отличная новость. А что насчёт Максвелла? — Хизер потянулась за полотенцем, чтобы вытереть руки. Над дозатором было смонтировано чучело белки. Видимо, в Колорадо обожают таксидермию.

— Не знаю. Ты же говоришь на языке мужчин. Что это значит, когда твой парень за твоей спиной спит с Барби, бросает тебя ради неё, по ходу оскорбляет, а затем отправляет сообщение, написав, что скучает по тебе? Существует ли термин для такого?

— Мудакит? — Хизер выбросила бумажное полотенце. — Может, он отправил тебе сообщение по ошибке, или сожалеет о разрыве.

Первое казалось более логичным.

— Что ты собираешься сказать Троя?

Камрин снова посмотрела на телефон.

— Ничего. Мы же не настоящая пара.

— Тебе следует сказать ему.

Не ответив, Кэм помыла и высушила руки.

— Кэм, он заслуживает знать об этом.

— Хизер, ему будет наплевать. Это ненастоящие отношения. Моя личная жизнь — не его дело. — Она попридержала дверь для сестры.

— Не знаю, Кэм. Думаю, он будет расстроен, если ты ничего не скажешь, а он потом узнает.

Троя никогда не волновало, с кем она встречалась до сих пор, и он не будет волноваться об этом сейчас. Они покинули уборную и вернулись к столу.

Когда она присела, Трой наклонился к ней поближе.

— Всё хорошо?

Она кивнула.

— Только что получила отклик на своё резюме.

— Ай, — взревел её папа рядом с ней, подскочив на тридцать сантиметров со своего места. Затем нагнулся, потирая голень.

— Прости, пап, — сказала Хизер, глядя на Камрин. — Нога соскользнула.

Трой оглядел их обеих, а затем, похоже, решил оставить всё как есть.

— Я сделал заказ для тебя.

Здорово. Она надеялась, что заказали ей не особое блюдо.

Трой повернулся к Бернис.

— Можем мы с Кэм сегодня вечером одолжить вашу машину?

— Да, конечно, — ответила она, махнув рукой. — Воспользуйтесь GPS, чтобы не заблудиться.

Камрин посмотрела на Троя, и его улыбка ей совершенно не понравилась.

— Зачем нам машина? Куда мы едем?

— Это сюрприз.

— Оу, — восторженно произнесла мама. — Это так мило.

Чушь. Она прищурилась. В этом абсолютно не было ничего милого. Трой опять что-то замыслил из своего списка. Что-то совершенно противоположное милому. Как что-то... нехорошее.

Глава двенадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

То, что происходит в Вегасе, никогда не происходит со мной.

Трой ехал по двухполосной дороге вдоль тянувшихся линий деревьев, обращая особое внимание на резкие повороты, чтобы не сбить оленя или медведя, или ещё кого, кто мог бы выскочить перед машиной в это время ночи. Интересно, а лоси в Колорадо водятся? К тому же на одном участке, примерно в трёх километрах позади, был крутой обрыв, прямо вниз к дамбе. Там не было даже ограждения.

Трою необязательно было смотреть на Кэм, чтобы знать, что она нервничает на своём пассажирском сидении. Согласно GPS, поворот, который он искал, был в полукilометре вверх по дороге.

— Куда мы едем?

Он усмехнулся, не отводя взгляда от дороги.

— Рассказать тебе — значит свести цель к нулю.

— И что за цель?

Умная девочка.

— Мы совершаем что-то спонтанное.

— Я не...

— Действуешь спонтанно, — ответил он. — Знаю. В этом и цель.

— Это вряд ли можно назвать спонтанным, Трой. Ты знаешь, куда мы едем и зачем.

— Но *ты* — нет.

Он чуть не пропустил поворот, обмениваясь с ней остроумными замечаниями. Сбросив скорость, Трой повернул налево и поехал через лесопарковую зону. Если инструкции Джастина верны, то они почти приехали. Через несколько минут дорога закончилась и вывела их на неосвещённую стоянку.

— Вот мы и на месте, — сказал он, заглушая двигатель. — Выпрыгивай.

Она всмотрелась через лобовое стекло.

— Что? Ты привёз меня в лагерь «Кристал Лейк»? И сейчас нас зарежет серийный убийца в хоккейной маске? Вот *это* было бы спонтанно.

Он вздохнул.

— Ты во всём убиваешь веселье. — Она отвернулась, посмотрев в боковое окно. — Извини. Я не то имел в виду.

— Нет, именно то. И ты прав, но я никогда и не утверждала, что буду весёлой.

Но она *была* весёлой, просто забыла.

— Формально, в первой версии «Пятницы 13-е» убийцей была мать Джейсона. И она не носила маску. — Камрин метнула на него невесёлый взгляд. — Ну же. Пойдём.

— Пойдём куда?

Он вышел из машины и скрестил на руки груди, поджидая её. Через несколько секунд она нерешительно выбралась наружу. Взяв её за руку, он повёл её через стоянку, затем по короткой тропе, пока не возникла поляна. Где перед ними раскинулся водопад с небольшим естественным бассейном-лягушатником, над которым клубился пар, рассеиваясь в холодной ночи.

— Главные индийские горячие источники, — произнёс он.

Он наблюдал, как она оглядывает воду, деревья, окружавшие их, а затем Кэм взглянула на него, вскинув брови.

— Залезай, — сказал он.

— Извини?

— Ты так предсказуема. Тебе стоит менять свои ответы, хотя бы иногда.

— Я не буду купаться без купальника, в темноте, посреди леса.

О да, ещё как будет.

— Где твоя страсть к приключениям?

Она одарила его недоверчивым взглядом.

— А где твой здравый смысл? Это вообще законно?

Он пожал плечами.

— Наверно, нет. Но всё равно давай это сделаем.

Она скрестила руки на груди, как всегда непокорная. Он уже начинал обожать это в ней.

— Ты не оставляешь мне никакого выбора, Камрин Кович.

Трой подхватил её на руки, подошёл к кромке источника и плюхнулся в воду, все ещё удерживая её. И испытал потрясение — вода оказалась тёплой, на несколько градусов выше температуры воздуха. Это было похоже на прыжок в сауну. Он отпустил её и вынырнул на поверхность. Когда Трой открыл глаза, она сердито уставилась на него, пар в буквально смысле исходил от её лица из-за того, что, побывав вначале на холодном воздухе, оно соприкоснулось с горячей водой.

— Ты прелестна, когда злишься.

Она моргнула, вода сбегала с её волос, стекала на лицо. Белое платье прилипло к груди, и когда он взглянул вниз, то сквозь воду мог разглядеть все, вплоть до пальчиков её ног. Эти её огромные глаза уставились на него в ответ, в воде отражался свет звёзд, и внезапно уже ему захотелось сделать кое-что спонтанное.

Подняв ладонь, он проследил за каплей воды по её горлу, к ключице, затем по округлости груди. Её кожа была такая мягкая под его грубыми пальцами. Тёплая, манящая. Словно крем. В ответ она судорожно втянула воздух.

И пока они смотрели друг на друга, стоя по грудь в воде источника, выражение её лица сменилось с гневного на удивлённое, затем на разгорячённое. Её губы приоткрылись. Взгляд упал на его рот. И он понял, что не единственный, кто почувствовал этот удар под дых. Это сумасшедшее, непрактичное, которое «могло только плохо кончиться» влечение.

Но опять же, когда он вообще делал что-то практичное?

Положив руку ей на затылок, он привлёк её к себе. Она мгновенно обмякла от прикосновения его губ, прижимаясь своими изгибами к твёрдым контурам его тела. Ни одна женщина никогда не реагировала так, как Кэм. Ни одна из них не ощущалась так прекрасно, как она. Он сгрёб в кулак её волосы, сдерживаясь и останавливая себя до тех пор, пока стон не вырвался из её горла, и тогда он сдался.

Его руки схватили её за талию, нырнули под платье, ухватив её за зад, чтобы привлечь ещё ближе. Она обернула ногу вокруг его бёдер, вызвав приток крови к пульсации, которая, как он думал, никогда не прекратится. Её пальцы вцепились в его рубашку, голова отклонилась для более глубокого поцелуя, и... между ними было слишком много чертовой одежды.

Вдруг позади них раздался шорох. Трой отстранился и обернулся посмотреть, но так

ничего и не увидел. Всё ещё тяжело дыша от их умопомрачительного поцелуя, он пытался прислушаться к тому, что показалось в первый раз, но вместо этого услышал отдалённое рычание.

Вот чёрт.

— Кэм, нам надо сейчас же уходить.

Не дожидаясь ответа, Трой перебросил её через плечо, пересёк воду и ринулся к машине. Он еле переставлял ногами из-за дополнительного веса промокшей одежды. Кэм подпрыгивала на его плече при каждом шаге. А в его голове прокручивались всевозможные сценарии, как, например, они окажутся разорванными на куски.

Вперёд. Вперёд. Вперёд.

Наконец добравшись до машины, он набросил принесённые полотенца на сиденья, и опустил её. Захлопнув дверцу, подошёл к водительской стороне и запрыгнул внутрь. Затем заблокировал двери автомобиля, на случай, если медведи и волки эволюционировали и отрастили пальцы.

Наклонившись вперёд, Трой посмотрел через лобовое стекло, заглянул в боковое окно, а затем и в заднее.

— Я ничего не вижу, — проговорил он запыхавшись.

Когда он взглянул на неё, она крепко сжала губы. Затем быстро прикрыла их рукой. Её плечи затряслись, и она... рассмеялась. Глубоким, раскатистым смехом, затем посерьёзнула и показала на него пальцем, и снова разразилась смехом. Её голова запрокинулась назад, обнажая горло.

У него было очень сильное желание сдавить это горло, а затем как следует поцеловать.

— Знаешь, «Пятница 13-е» — это всего лишь фильм, — сказала Кэм, вытирая слёзы и вздыхая. — Джейсон не реален.

— Я услышал рычание.

— Угу. Это был йети? Потому что нам нужны его фотографии.

Она опять рассмеялась, а он просто покачал головой в восхищении. Его кожа горела, штаны стянулись, а сердце остановилось на середине удара. Он никогда не видел её такой. Но что ещё более важно — никогда не чувствовал себя подобным образом.

— Боже, Камрин. Тебе действительно нужно чаще смеяться. Твой смех прекрасен.

Её смех резко оборвался, и она посмотрела на него. Что-то в её взгляде утратило всё веселье, и горькая печаль сменила радость.

И это разорвало ему сердце.

Одно дело лгать семье и притворяться, что они встречаются. А понимание того, что этому скоро придёт конец, придавало ему некое чувство безопасности. Грядёт разрыв. Но он никому не причинит вреда. И совсем другое — начать вести себя согласно той лжи, когда рядом нет никого, кроме их совести. Если они сделают это, поддадутся тому странному влечению друг к другу, то он в конечном итоге останется в проигрыше.

Когда-то давно у него была лишь неполная семья и пара безделушек в качестве напоминаний о хороших воспоминаниях. Которых было так мало, что он мог сосчитать их по пальцам одной руки. И все они были связаны с ней. С женщиной, сидящей перед ним, в которой скрывалось больше, чем она даже осознавала. Спустя годы он обрёл семью. Её семью.

А поцелуи предыдущим вечером были ничем по сравнению с тем, что чуть не произошло там, в источнике. Он чуть... Они почти...

Слотнув, он устремил взгляд к рулю. Она другая. В ней скрыто большее. Он завёл машину и выехал со стоянки.

Трой перевернулся на спину, затем на бок, и снова на спину большее количество раз, чем Камрин смогла бы сосчитать, но она не смела даже шевельнуться со своего места в кровати. Её ноги скоро онемеют, но ей было всё равно. По какой-то причине, какой-то идиотской и раздражающей причине, она не могла держать язык за зубами или здраво мыслить, находясь рядом с ним. Всякий раз, когда они были наедине, её защитный механизм отказывался нормально функционировать. И ничего не помогало.

Она чувствовала запах его мыла. Он принял душ, после её последнего унижения, которое на самом деле обернулось весьма забавным эпизодом. И горячим. Очень горячим. Трой и его список. Она задавалась вопросом, называл ли он его «Сто один способ заставить Камрин выглядеть дурочкой». А что ещё хуже, ей было интересно, а был ли в списке сто и один пункт.

Запах мыла не должен быть сексуальным. На самом деле, это должно быть признано незаконным...

— Камрин, — прошептал он.

Не. Отвечай.

— Камрин, ты не спишь?

Ни при каких обстоятельствах.

Она вздохнула. То, как он прошептал её имя, превращало её внутренности в горячий двигатель.

— Нет, я не сплю.

Идиотка!

Она повернулась и взглянула на него, заметив в выражении его лица нечто, что заставило её нервничать. Она надеялась, что это было не ради его мнимого списка, потому что по какой-то причине она всё равно не могла сказать ему «нет». Ну, конечно, она могла отказать. Вот только его настойчивость превышала её решимость.

— Я не собираюсь взбираться по скалам посреди ночи, — сказала она. — Или проходить на цыпочках через тюльпаны. Просто для справки. И мне всё равно, есть ли это в твоём списке или нет.

Выражение лица Троя не изменилось, но мышцы его челюсти напряглись, а затем расслабились.

— Почему?

Тётушка Эм, снова громко издавалось из её живота.

— Что значит «почему»? Почему что?

— Почему ты всё ещё не спишь? — спросил он низким, угрожающе соблазнительным голосом.

Ей не нравилось, к чему это шло. Или, может быть, нравилось.

— Не знаю, Трой.

Когда она произнесла его имя, его глаза закрылись, словно от боли.

— Нет, ты знаешь.

Когда он вновь открыл их, она смотрела в его тёмные глаза, всматривалась в его лицо. Во рту у неё всё пересохло.

— Нет, я не знаю. — Но она знала. Её выдавала дрожь в голосе. И зачем он её дразнит?

Одним быстрым, резким движением он опрокинул её на спину, оседлал и пригвоздил её руки над головой. Она со свистом втянула воздух. Её живот слегка касался его. Кожа к коже. Жар к жару.

— Нет, ты знаешь, Камрин. Ты не спишь по той же причине, что и я. Мне нужно, чтобы ты это признала. Я зашёл так далеко, встретить же меня на полпути. Сделай следующий шаг.

О боже, это на самом деле происходит? Он действительно это делает? Всё, что ниже её пупка запульсировало, желая, чтобы он оказался внутри неё. Его эрекция прижалась к её животу, и эта пульсация превратилась в мучительную боль.

Пожалуйста, пожалуйста, пусть это не будет ещё одним пунктом из его дурацкого списка. Поступком, чтобы доказать свою точку зрения.

— Сделай шаг, Кэм.

Его голос — чуть громче шёпота, умоляющий. Его глаза — настолько тёмные, требующие.

Не раздумывай. Хоть раз в своей жалкой жизни, не думай.

Она сократила расстояние между ними и страстно прижалась своим ртом к его губам.

Её голова коснулась подушки, когда он опустил вниз, наваливаясь на неё всем телом. Она выгнулась и углубила поцелуй, открываясь ему. Его язык скользнул по её языку, и это свело её с ума. Её запястья вырывались из его хватки. Ноги обхватили его талию.

Трой освободил её запястья и потянулся к её футболке, поспешно стягивая ту через голову. Футболка зацепилась за волосы Кэм, прежде чем он отбросил её в сторону. Он опустил взгляд на её грудь, живот, рассматривая всё, что перед ним открылось, глазами полными решимости.

Нет. Нет, не смотри. Просто касайся.

Когда она скрестила руки на груди, чтобы прикрыться, он снова взял её за запястья и развёл их в стороны.

Её тут же пронзила неуверенность. У него до неё было так много женщин. Она ему не пара. Если уж Максвелл посчитал её сексуально подавленной, то Трой и подавно решит так же. А после, каждый раз, когда они будут видеть друг друга, он будет смотреть на неё с досадой. Вспоминая о ней как о той, что не оправдала надежд. Как о величайшем разочаровании.

— Никогда не прикрывайся, Камрин.

Грудь раздирали рыдания, и у неё даже не хватило чувства приличия, чтобы скрыть их. Добавьте к списку унижений полоумную, которая плачет во время секса.

Но прежде чем успела упасть хотя бы одна слезинка, Трой отпустил её запястья и заключил её лицо в ладони. Он пристально посмотрел на неё.

— Здесь только ты и я, Кэм. Никого больше. Выбрось его из своей головы.

Она прерывисто кивнула, переставая рыдать.

— Извини.

— Не смей. Не смей извиняться передо мной. — Он взял её руку и прижал к своей груди. Его сердце неистово билось под её ладонью. — Это из-за тебя. Вот что ты со мной делаешь.

Он смотрел на неё ещё секунду, затем опустил голову, целуя её с той же силой, что и прежде, но с большей страстью. С большим... всем.

Паника прошла, в груди отпустило. Она выбросила всё из головы, обхватывая руками его спину, спускаясь по ней ладонями ниже, до самой резинки пижамы. Когда она потянула

их вниз, то прервала поцелуй, чтобы прикоснуться губами к пульсу на его горле. Подняв ногу, она ступней спустила его штаны вниз.

Трой перекатил их на свою сторону кровати и нырнул в свою сумку на полу, выуживая презерватив, а затем перевернул их обратно, снова оказываясь сверху. Его лоб опустился к её лбу. Они смотрели друг на друга не отрываясь, когда он слегка провёл костяшками пальцев по её животу, спускаясь к бёдрам и внутрь её боксёров.

Каждый волосок на её теле поднялся в ожидании большего. Страшась большего.

Её боксёры и трусики скользнули вниз по бёдрам, а затем были отброшены через всю комнату. Трой устроился между её бёдер, вес его был желанным, а ощущать его — настолько ново. Сейчас между ними не было ничего. Когда их стало разделять не больше сантиметра, он натянул презерватив. И в процессе этого его предплечья надавили на её бедра, вызывая распространяющееся воздействие на каждый чувствительный нерв.

Они делали это.

Глядя на неё настолько пламенным взглядом, что она затаила дыхание, он протолкнул палец сквозь её набухшую влагу.

Она ахнула, закрыла глаза и выгнулась на кровати, чтобы встретить его. Одна его рука скользнула ей под голову, бережно держа, в то время как его губы сомкнулись над её горлом. Его другая рука заползла ей под спину, притягивая ближе. Кэм не думала, что они могут стать ещё ближе, и всё же это было недостаточно близко. Ещё никогда в жизни она не чувствовала такой нужды.

Когда он вошёл в неё, растягивая и полностью заполняя, внутри её не осталось и следа пустоты. Он застонал, прижавшись к её коже, почти заскулил, но так по-мужски. Её боль переросла в дрожь, дрожь превратилась в содрогание, пока её тело не напряглось, а затем разлетелось.

Голова её запрокинулась назад, в горле зародился крик. Но он рукой накрыл ей рот, сдерживая вопль, и возносясь на вершину вместе с ней.

Когда её содрогания прекратились, он убрал руку и заменил её своим ртом. От возбуждающих, неистовых поцелуев у неё снова всё внутри перевернулось. *Снова.* Она чувствовала его длинную, твёрдую длину, по-прежнему пульсирующую, по-прежнему желающую.

— Трой...

— Не кончил, — пробормотал он у её рта.

Точно. Он не кончил.

Он отстранился и посмотрел на неё.

— Ты не кончила. Я с тобой не закончил.

— О, — произнесла она, сердце её колотилось, в горле перехватило. *О.*

Глядя ей в глаза, он накрыл её груди, слегка касаясь соска подушечкой большого пальца. Сдавленный стон вырвался из её горла, и он шевельнулся внутри неё. Его рука скользнула вниз, по её боку и сомкнулась на бедре. Другая его рука сделала то же самое, и её таз приподнялся с кровати, погружая его глубже.

Гораздо, гораздо глубже.

Её кожа пылала, словно огонь, кости плавилась. Его рот припал к её груди, покусывая, посасывая до тех пор, пока единственное, что она могла делать — это держаться. Схватив волосы Троя в кулак, она вонзила свои пятки в его ягодицы.

Он вскрикнул, звук вышел приглушённым её грудью, и пока он двигался внутри неё, она

кончила во второй раз. Его руки скользнули между матрасом и её спиной, обнимая и привлекая её ещё ближе к нему. Ритм, который он установил, был мучительным. Сводящим с ума. Без предупреждения она кончила в третий раз и к тому времени она могла лишь всхлипывать.

Он напрягся, замер и ещё пару раз толкнулся, прежде чем содрогнуться, прижавшись к ней.

Кэм лежала потрясённая, обессиленная и звенящая от удовлетворения, задаваясь вопросом, как, чёрт возьми, она прожила так долго, не чувствуя себя подобным образом. Трой не ослабил свою хватку, не сдвинулся ни на йоту. Она опустила взгляд на его макушку, его щека покоилась между её грудей.

— Тебе придётся дать мне минутку, Кэм.

— Э-э, хорошо. — Что с ним такое? Сама она испытывала полнейшее изумление. Он разочарован? Неужели она была *настолько* плоха?

Выйдя из неё, он выбросил презерватив в мусорную корзину рядом с кроватью и перевернул их так, что она оказалась сверху.

— Ты удивила меня. А меня не так-то легко удивить.

Она положила голову ему на грудь, не в состоянии дать разумное объяснение тому, что произошло. Всё просто изменилось. Абсолютно всё. Он схватил горсть её волос и приподнял её голову, чтобы посмотреть ей в глаза. Чувствуя себя уязвимой, она сглотнула и опустила глаза.

— Не делай этого, Кэм. Не закрывайся от меня.

Она покачала головой, и комната начала смыкаться. Он, может, и делает это каждый день, но не она. Кэм не привыкла, чтобы кто-то обнимал её, доставляя множественные оргазмы. Был милым. Она попыталась слезть с него, но он резко сел, обхватывая рукой её спину, и прижался ртом к её губам.

О, его рот. Столько таланта в его поцелуе.

Она растаяла, ненавидя себя за слабость. Это он сделал её слабой. Никто и никогда не мог её так сломить, заставив почувствовать себя обнажённой и хрупкой. Она не хрупкая, чёрт возьми.

Отвечая на его поцелуй, она держалась за твёрдую массу мышц его плеч. Эти руки держали её так, словно она для него что-то значит. Будто она значит для него больше, чем просто секс. Этот поцелуй не был страстным, неистовым. Он был медленным, нежным. Трой был нежным.

Но как долго? Пока не появится очередная блондинка? До тех пор, пока он не устанет от тестирований обыкновенной воды?

Она медленно отодвинулась и сжала губы, чтобы он не смог поцеловать её снова.

— Я пойду ополоснусь. Я... сейчас вернусь.

Он выглядел оскорблённым, потрясённым. Но, к его чести, опустил руки на матрас и кивнул.

Трой наблюдал за удаляющейся спиной Кэм, а затем как закрылась дверь в ванную, размышляя, что, чёрт возьми, только что произошло. Он понял ту часть с великолепным сексом, но сразу же после него Камрин закрылась. У неё чуть не случился приступ паники.

Он услышал, как включился душ, и внутри у него всё поникло. Она пыталась смыть его с себя.

Он оглядел комнату, заметив её футболку у балконных дверей, её шорты возле гардероба, обёртку презерватива на её ночном столике. Он встал и выбросил обёртку, поднял её одежду, сжав в руках.

Трой посмотрел на дверь ванной перед собой, на её одежду и снова на дверь.

Он оперся руками о дверной косяк и облокотился на них. Если он позволит себе придать случившемуся большое значение, то вся эта поездка сведётся к этому моменту. К тому, что он сделает, как справится с этим.

И он наконец встретил достойного противника в лице Кэм, потому что Трой не знал, что, чёрт возьми, делать с ней, с собой или чувствами, растущими между ними.

Он закрыл глаза и легонько постучал в дверь.

— Кэм? — Она не ответила, так что он снова постучался.

— Я буду через секунду, — сказала она. Снова став спокойной, обычной Камрин.

К чёрту все. Его обуревали различные эмоции — всё, кроме спокойствия. Точно так же, как и должно быть с ней. Трой открыл дверь, шагнул внутрь и бросил её одежду на туалетный столик. Затем рывком отодвинул шторку и уставился на неё, в то время как она неловко пыталась как-то прикрыться.

Он демонстративно оглядел её с головы до пят, прежде чем заговорить:

— Я видел тебя голой. А ещё говорил тебе никогда не прикрываться.

— Я сказала, что буду через секунду. Что ты делаешь?

Поскольку он и сам не знал, то вместо этого задал ей вопрос:

— Что это было там? — Он указал в сторону спальни, как если бы та была врагом. И складывалось такое впечатление, что так оно и есть.

У неё хватило наглости выглядеть растерянной.

— Секс?

Его зубы закрипели.

— После секса.

— Я...

Он сделал глубокий вдох.

— Я что, Кэм?

Она отвела глаза, сглотнула и уставилась на воду, стекающую в канализацию. И до него вдруг дошло, прямо здесь и сейчас, насколько она уязвима. Кэм вовсе не была спокойной. Мокрой — да. Обнажённой — да. И... напуганной. Из-за него?

Трой шагнул в душ и задёрнул за собой шторку. Её глаза округлились. Он взял её руки в свои, переплёл их пальцы и посмотрел ей в глаза. Затем склонился, чтобы поцеловать её, но она попятилась.

— Прекрати, Трой.

— Прекратить что?

Камрин выпустила его руки и вновь прикрылась, исполнившись гневом.

— Прекрати быть со мной настолько чертовски милым. Ты выполнил ещё один пункт из своего списка, так что мне не нужны разговоры по душам и...

— Ты только что сказала...? — Его зубы закрипели во второй раз, когда он снова схватил её за руки. — Я не могу поверить. То, что произошло, не было в моём списке. Я занимался с тобой сексом не потому, что в списке...

— Тогда почему? — спросила она, её тон — чистейший гнев, но в глазах одна печаль.

Она говорила серьёзно. Совершенно серьёзно.

— Потому что хотел. Так же, как и ты. — Она скрестила руки на груди в очередной попытке прикрыться. Он взял её за запястья, сцепил их за её спиной и прижал к плитке.

— Прекрати прикрываться. Ты... чёрт, ты прекрасна, Кэм.

Страдальческий звук вырвался из неё, когда она покачала головой.

— Отпусти меня, — прошептала она. — Пожалуйста, Трой, просто отпусти меня.

Чёрт возьми, нет. У него было такое ощущение, что люди позволяли ей уходить всю её жизнь. Но он не станет одним из них.

— Что с тобой сделал этот парень, Максвелл, что ты стала такой?

Она смотрела остекленевшим взглядом поверх его плеча.

— Ничего.

— Тогда кто? Кто сделал тебя такой? Что ты не можешь доверять даже мне?

Её глаза медленно закрылись, по щекам заструились слёзы. Видеть её в таком состоянии было унижительно. И болезненно. Этого не было в списке, не было в его планах, но её слёзы должны были стать хорошим знаком того, что она впускает его. Впускает хоть кого-то. Наконец-то.

— Никто не делал этого со мной. Я такая, какая есть. Теперь, пожалуйста, отпусти меня.

Трой смотрел на неё ещё секунду, а затем покачал головой, признавая поражение. Он отпустил её и отступил назад, желая помочь ей, так же как она помогла ему много лет назад. Тогда он не хотел помощи, как и она не хочет сейчас. К счастью, Кэм не послушала его, будучи ребёнком. Она была рядом, когда он нуждался в ней, даже если в то время и не понимал этого. И он вернёт долг.

Но, в каком-то смысле, Камрин должна была ему это позволить. Ей придётся уступить. А она к этому ещё не готова. Поэтому Трой вышел из душа, вытерся и оставил её одну.

Как поступили и все остальные жалкие мерзавцы.

Кэм на цыпочках спустилась вниз, надеясь не разбудить никого в доме. Она собиралась разыскать пинту мороженого, даже если бы ей самой пришлось его приготовить. Ей было наплевать, влезет ли она в платье подружки невесты или нет. Камрин было всё равно, наберёт ли она сто килограммов и придётся ли ей воспользоваться дополнительным местом во время полёта домой, а потом ковылять по жизни как утка.

Она ест мороженое. Мороженое посреди ночи. Прискорбно.

Кэм обогнула угол, шагнула в кухню и обнаружила Хизер, сидящую за стойкой и поглощающую мороженое.

— Лучше бы тебе оставить немного и мне. Я за него убить готова.

Хизер протянула коробку.

— Я поделюсь. Почему ты не спишь? — В конце вопроса она страшно поперхнулась, что продлилось десять долгих секунд. Её глаза вылезли из орбит, в то время как она указала обвиняющим пальцем. — Ты с ним спала!

Чёрт побери её сестру.

— С Троем? Конечно. Мы живём в одной комнате. Спать вместе — обязательное условие.

Глаза Хизер сузились, нисколько не развеселившись её сарказмом.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Камрин!

— У тебя есть сексорадар или что-то похожее?

— Так и есть. Ты с ним спала!

Камрин метнула взгляд в коридор и обратно.

— Не могла бы ты говорить потише? Ты разбудишь весь дом. — Она выхватила у сестры мороженое с печеньем и села напротив неё, засунув в рот полную ложку.

Мм, мороженое.

— Что это значит? Вы встречаетесь по-настоящему?

— Хизер, не говори глупости.

— Почему это глупости?

В ответ Камрин приподняла брови, пытаясь изобразить мамин взгляд «я ещё не так стара, чтобы тебя не отшлёпать».

— Как это произошло?

— Когда мужчина и женщина любят друг друга... — Она резко замолчала, понимая, что только что сказала. Между ней и Троем и в помине не было никакой любви. Не в романтическом смысле. И никогда не будет.

Хизер, казалось, не заметила.

— Прекрати. Он был хорош? Готова поспорить, что хорош. У него тело как у Тора.

Камрин передала ей мороженое, не решаясь сказать, что тело Троя превзошло Тора. Да и всех Зелёных фонарей[27].

— Да, он был хорош. — Не совсем верное описание того, что только что произошло наверху, но и оно сгодится для такого ночного часа.

— Тогда что ты здесь делаешь, поедая мороженое? В полночь ты ешь мороженое, только если что-то не так. — Когда она не ответила, Хизер снова закидала её вопросами, как ярый репортёр. — Ты испугалась, так ведь?

— Я не испугалась.

Хизер передала ей коробку обратно.

— Но и это тоже. Ты испугалась. Или вы двое поссорились. Примирительный секс — самый лучший. Ты должна пойти наверх и...

С Камрин достаточно. Она запустила ложкой мороженого в Хизер. Оно попало ей прямо в лоб, а затем шлёпнулось на гранитную столешницу.

У Хизер отвисла челюсть.

— Ты только что бросила в меня мороженым?

— Да. И нисколько об этом не жалею. Тебе иногда следует держать язык за зубами.

— Я собираюсь это проигнорировать, — сказала её сестра, принимая горделивый вид, хотя на самом деле всё обстояло иначе.

Конечно, она будет её игнорировать. Все так делают. Хизер вытерла мороженое с лица ближайшей салфеткой и очень долго пристально вглядывалась в неё, так что Камрин догадалась — близилось ещё одно гениальное озарение.

— Ты другая, — проговорила Хизер в благоговении, как будто разговаривала с экстрасенсом, читающим по её ладони.

— Нет.

— Да, так и есть. Ты больше улыбаешься. Отпускаешь шуточки.

Камрин закинула ложку в коробку и передала её обратно, потеряв всякий аппетит.

— Сарказм — это не шутки. Сарказм — это ответ на глупость.

— Думаю, Трой хорошо на тебя влияет.

— Так же, как и морковь, но ты не замечала, чтобы я её ела. — Ей нужно сменить тему, хотя вряд ли Хизер это позволит. — А что *ты* здесь делаешь? Ты же не нервничаешь по

поводу свадьбы, правда?

Хизер покачала головой.

— Не нервничаю, просто взволнована. И не меняй тему.

Камрин уронила лоб на стойку. *Ещё головой побейся.* Подняв голову, она встала.

— Я возвращаюсь в кровать.

— Кэм, он выявляет лучшее в тебе. Почему бы с ним не попробовать?

Она вздохнула.

— Хизер, у Троя со мной нет совершенно ничего общего. Мы полные противоположности.

— И куда встречи с теми, с кем есть что-то общее, тебя привели? — Неожиданно её сестра стала магистром Йодой. Хизер поднялась и выбросила коробку. — К тому же, противоположности притягиваются.

— Так же, как и магниты, пока их не перевернёшь.

Глава тринадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Репутация — это не более чем история в виде слухов.

Камрин натёрла Эмили солнцезащитным кремом и закрыла тубик колпачком.

— Запомни: одной не плавать. Кто-то должен быть в бассейне, прежде чем ты в него полезешь.

Эмили кивнула и умчалась. Камрин же откинулась в шезлонге и закрыла глаза, подняв лицо к солнцу. Сегодня было решено передохнуть. Оставшиеся члены семьи и друзья Хизер должны прилететь завтра. Хортоны забронировали целый этаж в гостинице на все выходные.

Ещё два дня, и всё это закончится. Ей всего лишь нужно пережить обед после репетиции церемонии бракосочетания, девичник и саму свадьбу.

— Камрин Кович, — прокричала её мать с другого конца бассейна. — Ты намазалась солнцезащитным кремом?

Как будто она не прожила в этой коже тридцать лет, чтобы знать, как легко та обгорает.

— Да, мама. Мне его Эмили нанесла. Я подумала, что белые отпечатки крошечных ладошек на загаре будут хорошо гармонировать с лавандовым платьем подружки невесты.

Трой рассмеялся со своего места в шезлонге рядом с ней.

— Она пытается быть смешной? — спросила её мать, ни к кому в частности не обращаясь, голосом пронзительным, словно сирена воздушной тревоги.

— Ключевое слово «пытается», — вставил Фишер.

— Тебе лучше нанести ещё, — настаивала мама.

Кэм было интересно: если бы создали солнцезащитный крем SPF 3000, то смогла бы она отправиться в путешествие к солнцу, подальше отсюда? Ей следует отправить электронное письмо «Коппертоун»[28] с этим предложением.

Но прежде чем она успела бы объяснить матери, что нанесла SPF 50 всего лишь десять минут назад, Трой пробормотал:

— Давай я тебя намажу. И она замолчит.

Это было первое, что он сказал ей после случившегося прошлой ночью в душе. Взяв тубик, он сел на шезлонг позади неё, широко расставив ноги, и начал втирать лосьон в её плечи и спину. Она закрыла глаза за своими солнцезащитными очками и приказала себе не реагировать на его прикосновения. Она и так уже достаточно отреагировала прошлой ночью.

Закончив, он подался вперёд.

— Сегодня вечером у нас состоится разговор, Кэм. Нравится тебе это или нет. — Резко встав, он сделал несколько шагов к бассейну и нырнул в воду.

Камрин сглотнула, ей не нравилось, как это прозвучало. Загадывать желания на звёздах, танцевать под дождём и до чёртиков пугать её этими клоунами — это одно, но разговаривать — совсем другое. Но она не сможет от него спрятаться, поэтому, чтобы он ни хотел обсудить, этот разговор, несомненно, оставит её уязвимой и истекающей кровью. Она не ведёт разговоры. По крайней мере, не слишком хорошо.

Эмили подошла к краю бассейна и протянула руки к Трою. Усмехаясь, он велел ей прыгать. Эмили испуганно покачала головой. Трой заверил племянницу, что поймает её, напомнив Камрин о его эксперименте ночью в лесу. В ответ Эмили села на край бассейна и

соскользнула в воду. Трой поймал её, как и обещал. Камрин наблюдала за ними с улыбкой, пока Трой плавно катал Эмили по воде.

На стуле рядом с ней зазвонил его мобильный.

— Трой, тебе пришло сообщение.

Он оставил Эмили у края, где было мелко, и подплыл к её стороне бассейна, скрестив руки над бортиком.

— Возьми телефон и прочти.

Она потянулась за мобильным и коснулась экрана.

Линдси: Скучаю по тебе в своей постели. Мы можем встретиться позже?

Желудок скрутило, когда она уставилась на вопиющее напоминание о том, почему они никогда не смогут стать парой. Одна из многих причин. Она даже никогда не слышала, чтобы он упоминал имени Линдси. Скорее всего, он её даже не помнит.

— Кто это? — спросил он.

Кэм коснулась экрана, чтобы сохранить для него сообщение. Оно ему ещё понадобится, когда они вернуться в Милуоки. И это не должно так сильно причинять ей боль.

— Спам.

Трой кивнул и направился обратно, чтобы снова подхватить Эмили и рассекать с ней по воде.

— Знаешь, Камрин, — проговорила тетяка Миртл, — у тебя останутся полоски на загаре от лямок купальника.

И они не закончили обсуждать солнечные ожоги. Ура. Она посмотрела на свой простой белый слитный купальник. Ради бога, она на солнце всего пятнадцать минут.

— Ты могла бы позаимствовать один из моих, — предложила Хизер, просто чтобы заключить перемирие.

Кэм уже порядком устала от этого. Почему её сестра всегда должна быть миротворцем? Почему вообще должен быть миротворец? Они должны быть семьёй. А семьи не должны так нервировать.

— У меня есть другой купальник, без бретелек, — продолжила она.

Если предложенное Хизер бикини без бретелек выглядит так же, как эта верёвка от воздушного змея на ней самой, то Камрин оно точно не подойдёт.

— Мне и так хорошо, спасибо.

— Неплохая идея. Может, всё-таки стоит, — сказала кума Виола.

Трой поднял Эмили из бассейна и вылез сам, став рядом с Камрин, вытираясь полотенцем.

— Ты становишься раздражительной, — произнёс он так, чтобы слышала только она.

Кэм прикрыла глаза рукой.

— Я окружена людьми, сбжавшими из психушки. И я всегда раздражительная. Ты просто никогда не замечал.

— Камрин, послушай их, — прокричала мама.

— Постой за себя, — прошептал он.

— О чём ты говоришь? Я не начну ссору...

— Я не говорил про ссору. Я сказал: «постой за себя». — Он скрестил руки на груди, вода капала с его мужественного, привлекательного тела.

Какое это имеет значение, постоит она за себя или нет? Они никогда не слушают, так что она лишь заработает ларингит.

Ещё один пункт из его списка, надо полагать. Почему его заботит, закричит ли она в ответ? Сделает ли что-то спонтанное? Загадает ли желание на дурацких звёздах? И вообще, для чего этот его идиотский список?

— Ты меня игнорируешь? — спросила мама своим по обыкновению пронзительным голосом.

Трой приподнял брови, ожидая её ответа. Камрин выглянула из-за него, чтобы обратиться к матери.

— Я пытаюсь тебя игнорировать, но ты делаешь это затруднительным.

Трой наклонился и оперся руками на её подлокотники.

— Постой. За. Себя, — прошептал он. — И пока будешь это делать, матерись.

Она пристально посмотрела на него.

— Я уже сыта по горло тобой и твоим списком, Трой.

— Докажи, — бросил он вызов. — За все годы, что я тебя знаю, никогда не слышал, чтобы ты материлась. Ты, наверное, даже мысли в своей хорошенькой маленькой головке подвергаешь цензуре.

Хорошенькой маленькой... Она стиснула зубы.

— Заткнись, Трой.

— Или что?

Но тут к ней на колени забралась Эмили, намочив её сухой купальник.

— Папочка собирается промыть тебе рот с мылом за пререкания. Он всё время мне это говорит, но никогда не делает. — После этого заявления она встала и помчалась обратно к Анне.

А её мать ещё не закончила.

— Камрин Кович, не дерзи матери. Мы пытаемся помочь...

Трой заговорил одновременно с её мамой:

— Матерись, Кэм. Постой за себя и...

Камрин вскочила со своего шезлонга.

— Хватит! — прокричала она, заставляя затихнуть даже галёрку из ада. — Я вам не хренов ребёнок. Вам не нужно беспокоиться, что я угроблю свадьбу Хизер. Всё равно никто не будет смотреть на меня. Не имеет значения, есть ли у меня солнечные ожоги или полосы от загара, или мои волосы сбриты из-за швов. Никто и никогда не заметит меня в одной комнате с ней. — Она пристально посмотрела на Троя, сжав руки в кулаки. — Теперь ты, *блядь*, счастлив?

В этот момент из больших стеклянных дверей вышел папа Джастина.

— Я готов поставить стейки. Кто как желает, чтобы их приготовили?

Камрин посмотрела на него: бедняга, бедняга.

— Лучше приготовь мне куриную грудку, Тим. Я и так уже слишком жирная для своего платья. Нельзя, чтобы швы лопнули во время великого события Хизер.

Затем, наклонившись, она резко сорвала со своего шезлонга пляжное полотенце и прошагала в дом.

Трой бросил своё полотенце на бетонный пол, качая головой и испытывая желание рассмеяться. Кэм ругалась матом. И дала отпор на постоянные придирки своей семьи. Галочка и галочка. Ну, они определённо продвинулись вперёд.

Он взглянул на Тима, стоящего возле гриля в мужском фартуке с кастрюлей сырых

стейков в руках и в шоке смотрящего на всех. Трой поднял свой телефон и сел в шезлонг.

— Я люблю бифштекс средней прожарки с кровью, Тим. А Камрин — хорошо прожаренный.

— Трой Лански, — произнесла её мать. — Чему ты ухмыляешься?

— Эй, только потому, что Кэм разозлилась и ушла, не означает, что вы можете изводить меня вместо неё.

Хизер посмотрела на потрясённые лица остальных.

— Я думала, она счастлива за нас. Считала, что она хочет быть моей главной подружкой невесты. Из-за чего она так вышла из себя?

Трой вздохнул. Родные всё ещё не поняли.

— Кэм рада за вас, просто она не понимает, почему твоя свадьба стала затрагивать её.

— Никогда раньше не слышала, чтобы она материлась, — произнесла Анна. — Это было похоже на «Сумеречную зону». Мне будут сниться кошмары.

Трой усмехнулся, но мама ещё не закончила.

— Не понимаю, почему просьба намазаться солнцезащитным кремом так её расстроила. Она же могла заработать рак кожи.

Бернис, молчавшая до сих пор, опустила руку с груди.

— Возможно, просьба вместо приказа была бы воспринята лучше. Если бы Камрин знала, что вы волнуетесь из-за рака кожи, а не из-за того, как она будет выглядеть в своём платье, быть может, она бы не разозлилась.

Хорошо сказано, Бернис. За это она заслужила одобрительного похлопывания по спине. К тому же заставила замолчать мать Кэм. А это было задачей не из лёгких.

Трой бросил отцу тюбик с солнцезащитным кремом, поскольку его лысая голова уже порозовела. Папа уставился на тюбик, прежде чем произнести:

— А что это за разговоры о полноте?

Трою тоже хотелось бы знать ответ на этот вопрос. У Камрин красивое тело. После прошлой ночи он мог это подтвердить, убедившись своими глазами. Чёрт, пока жив, он не забудет это тело. Все эти изгибы и мышцы. Она не анорексичная модель, но также далеко и не толстая. Она нормальная, здоровая...

Трой тут же припомнил все их трапезы, и не мог вспомнить, чтобы она хоть раз съела всё, что было на тарелке. Она ела, но не столько, сколько обычно. Или для неё это норма? Он никогда не обращал внимания. Даже во время их Парижского дня она съела только один блинчик и один круассан.

При звуке голосов Трой поднял глаза. По-видимому, после вспышки Кэм вся семья переключилась на Тима: на то, кто какой предпочитает стейк, и спорили, сможет ли Нана съесть бифштекс со своими протезами.

Трой прикоснулся к экрану своего телефона, чтобы поставить музыку и отключиться от всех, когда заметил, что у него сохранённое сообщение. Удивившись, почему Кэм сохранила спам, он открыл его.

Блин. Линдси. Он встречался с ней два года назад в течение всего лишь одной недели. И она от случая к случаю отправляла ему сообщения с предложением встречи ради секса, когда ей было одиноко или когда была в отчаянии. Как и прежде, он отправил ей текст с вежливым отказом.

В отъезде. И счастлив с кое-кем ещё. Всего наилучшего.

Кэм видела сообщение. И его интересовало, что она чувствовала по поводу другой

женщины, имело ли для неё это значение или нет. После прошлой ночи он не мог сказать, чего она хочет. Он думал, что она хочет его так же, как и он хочет её, как бы катастрофически это ни было.

Кэм никак не отреагировала, насколько он мог судить, когда открыла сообщение.

Но, как бы то ни было, он её предупредил. У них состоится разговор. Сегодня вечером он получит ответы на некоторые из своих вопросов.

Все они трусы, большинство из них. Они отправили Эмили к ней в спальню, чтобы позвать её на ужин. Только её семья может использовать невинного трёхлетнего ребёнка в качестве буфера.

Итак, они сидели за столиками на улице и ужинали в молчании. Это было самое сумасшедшее, самое удивительное, что Кэм когда-либо испытывала. Молчание её семьи. Кто ж знал? Трой довёл её до крайности, так что она потеряла самообладание, защищая себя, как он это назвал, и материлась. Она не планировала делать это часто, если вообще когда-нибудь повторит подобное, но, возможно, всё же есть нечто полезное в этом его списке. Всё, что может заткнуть Ковичей, не может быть таким уж плохим.

Но что она действительно хотела знать — каковы мотивы Троя.

Камрин отрезала ещё один кусочек своего идеально приготовленного, хорошо прожаренного бифштекса и отправила его в рот.

— Что значит «хренов»? — спросила Эмили.

Нана выплюнула печёный картофель, который жевала в этот момент. Хизер похлопала её по спине, когда та закашлялась. Мама с папой обменялись шокированными взглядами. Челюсть Бернис упала на стол для пикника. А Трой... рассмеялся.

— Эмили Кович, — сурово пригрозил Фишер, положив на стол свой кукурузный початок. — Мы так не выражаемся!

Эмили оглядела стол.

— Но тётя Кэм выражается! И я хочу знать, что это означает!

— Ну, — спокойно произнесла Анна, — когда ты станешь постарше, я тебе объясню.

— Но я старше, чем была в это утро!

— Но всё ещё недостаточно, — промямлила себе под нос тетя Миртл.

— Достаточно. Мне три года, — начала спорить Эмили, что, впрочем, ей никак не помогало. — Я не малышка.

— Ты всегда будешь нашей малышкой, — сказала мама, что нисколько не помогло ситуации.

Эмили скрестила руки на груди, пыхтя, словно Пафф, волшебный дракон на стероидах.

— Это несправедливо.

Фишер кивнул.

— Жизнь вообще несправедлива. И хватит об этом. Ешь свой ужин.

— Я не хочу. Я хочу знать, что...

— Кхм, — прервала Кэм, заставляя всех дружно повернуться к ней. Если чему она и научилась у своей племянницы, так это тому, что дети никогда ничего не забывают. Их сознание одержимо одной идеей. Эмили не отстанет, пока не получит ответ, и неважно, каким он будет.

Закончив жевать, Кэм произнесла:

— «Хренов» — это прилагательное, образованное от существительного путём

прибавления суффиксов «ов» в конце. Окончания прилагательных, образованных от существительных, выражают принадлежность одному определённом существо, единичному обладателю или индивидуализирующее выделение предмета. И твой папа прав, это плохое слово. Поэтому я уверена, что ты его больше никогда не произнесёшь. Так же как и «дерьмо», «чёрт» и «блядь».

Серебряные столовые приборы Наны с грохотом опустились на тарелку. А остальные члены семьи уставились на неё в молчаливом изумлении с застывшими в воздухе вилками. Они в некоем роде напоминали ей кадр из фильма, поставленный на паузу. И в целом это выглядело довольно забавно.

Камрин откусила ещё один кусочек стейка и прожевала.

— Бифштекс очень вкусный, Тим.

— Эм, спасибо.

Эмили посмотрела на Фишера.

— Почему ты просто не сказал этого?

Джастин рассмеялся.

— Я не совсем уверен, что твой папа даже знает то, что тётя Кэм только что произнесла. Я вот не знаю.

Кэм глянула на Троя уголком глаза. Тот поднёс руку к груди.

— Камрин, это было самое сексуальное, что я когда-либо слышал.

Она подумала, что он шутит, но затем хорошенько присмотрелась. Его тёмные глаза были раза в три больше их нормального размера, а рот был широко разинут. М-да. Он такой же чокнутый, как и все остальные.

Йяка Митч поморщился.

— Трой, да ладно...

— Нет, серьёзно, — настаивал он. — *Самое* сексуальное.

— Это было *весьма* сексуально, — пробормотал Джастин, за что получил шлепок от Хизер. — Что? Так и есть.

— А что значит «сексистское»?

Фишер потёр лоб.

— Здорово, Трой. Большое спасибо.

— Не сексистское, — поправила Хизер, — а сексуальное.

— Хизер! — прикрикнул Фишер.

Эмили хлопнула руками по столу.

— Ну, что это значит?

Все повернули головы к Камрин.

— Кэм, пожалуйста, скажи ей, — умолял Трой. — Я не могу дождаться, чтобы услышать объяснение этого слова.

— И я, — согласился Джастин, получив очередной шлепок от Хизер.

— Мы не бьём людей, тётя Хизер! Используй слова. — Эмили снова посмотрела на Камрин. — Скажи мне.

В прошлом они всегда высмеивали Кэм за рациональный ум. За то, что она как губка для бесполезных знаний. Теперь же они заинтересовались?

— Э-э, — пробормотала она. — «Сексуальный» — определяется, как правило, значениями привлекательный и соблазнительный. Со словом «самый» оно подразумевает наиболее привлекательный или соблазнительный из всех.

Трой кивнул.

— Точно.

— Это плохое слово? — спросила Эмили.

Фишер указал на Камрин, изогнув брови.

— Будь осторожна с ответом, дорогая сестрица.

Камрин закатила глаза.

— Нет, Эмили. Это не плохое слово, но очень взрослое, так что ты должна использовать его только тогда, когда станешь намного старше и в правильном контексте.

Анна покачала головой.

— Значит, я звоню тебе, когда придёт время обсуждать пестики и тычинки.

— Зачем ты хочешь позвонить тётке Кэм по поводу пестиков и тычинок?

— Она имеет в виду половое созревание, лапочка, — добавила кума Виола.

— Чёрт побери! — взревел Фишер, из-за чего Трой с Джастином загоготали, словно пьяные гиены. — Не могли бы вы все заткнуться? Из-за вас её выгонят из детского сада, если она это повторит.

Эмили в упор посмотрела на своего отца, выглядя намного старше своих лет.

— Тётя Кэм сказала, что «чёрт» — это плохое слово. Так что не говори больше «чёрт».

Правильно, тётя Кэм?

Кэм улыбнулась.

— Правильно, зайка. «Чёрт» — это чертовски плохое слово. И никаких более чертыханий. А теперь тебе следует съесть свой чёртов ужин, на который Тим потратил чёртов час, готовя его на гриле, прежде чем он чертовски остынет.

Фишер запрокинул голову и уставился в тёмное небо, как будто молясь высшим силам. Трой с Джастинком чуть не свалились со своих стульев, покатываясь со смеху. И Джастин залился тем же уродливым оттенком фуксии, что и рубашка, которую купила ей Хизер. Даже Бернис смеялась, прикрывшись салфеткой.

Эмили с Камрин приступили к еде, в то время как все, кроме Фишера, хохотали до истерики. В конце концов они успокоились и закончили свою трапезу, когда догорающий свет уже скрылся за горами.

— А что значит «половое созревание»?

Глава четырнадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Хороший разговор как эспрессо — хорошенько бодрит, но после него может быть тяжело заснуть.

Трой проследовал за Камрин в спальню и пинком захлопнул дверь. И прежде чем она успела сделать ещё один шаг вглубь комнаты, он схватил её за руку, развернул и прижал спиной к стене. Заключив в ладони её лицо, Трой заглянул в её широко распахнутые глаза.

— Видела, что произошло за ужином? — спросил он. — Ты заставила всех смеяться. Ты была очень забавной.

— Да, я видела, — ответила она, положив ладони поверх его рук. Он подумал, что Камрин намеревается их убрать, но вместо этого она переплела их пальцы и опустила вниз.

— Всех, кроме Фишера, который убьёт меня позже. — Кэм замолчала. — Спасибо, — прошептала она.

Сердце гулко билось в груди, когда он посмотрел на неё. Кэм благодарила его, это было огромным скачком и не самым лёгким для неё поступком.

— Пожалуйста. Но я также подразумевал и другое — и я это уже говорил. То, как ты заболтала Эмили, расплывчато ответив на её вопросы, было чертовски сексуально.

На её лице промелькнуло сомнение.

— Ага. Цитирование определений и основ грамматики делает меня невероятно сексуальной, а также занудной.

Он наклонился к ней и схватил за бёдра.

— Шути сколько хочешь, но я серьёзно. Никто другой не смог бы этого сделать. Все эти знания, хранящиеся в твоей голове, — это очаровательно. Ты никогда ничего не забываешь.

Она слегка склонила голову набок, глядя на него.

— Твоё растущее безумие начинает вызывать опасения.

Вот опять. Даже то, как она говорит, делает его твёрдым.

— Дай определение безумию.

— Извини?

Его взгляд упал на её губы, и он застонал. От неё по-прежнему пахло лемонграссом. Трой всё гадал, это её шампунь или какое-то средство для тела. Запах был не фруктовым и не девичьим, просто чистым. Свежим.

— Каково определение безумия?

Она пристально смотрела на него ещё секунду, прежде чем ответить:

— По определению, безумие — это расстройство психики. Но Эйнштейн говорил: «Безумие — это многократное повторение одного и того же, каждый раз ожидая другого результата».

Воздух покинул его лёгкие. Он так сильно хотел её, что было больно физически.

— Тогда я безумен, Кэм, потому что я хочу тебя. Сейчас. Снова и снова. Но только без отстранённости, что была прошлой ночью.

Без той неизбежности, что скоро всё это должно закончиться.

Её губы раскрылись, когда она вдохнула. Её взгляд блуждал по его лицу, прежде чем она посмотрела ему в глаза.

— Я взяла за правило не спать с чокнутыми мужчинами.

Его губы изогнулись в полуулыбке.

— Сделай исключение, только в этот раз.

Он высвободил руки и подошёл к своей сумке у кровати, достал презерватив, а затем вернулся к ней.

Она посмотрела на презерватив, потом на него.

— Здесь?

О боже, да. У стены. Вверх тормашками. На дереве. Ему плевать, до тех самых пор, пока она с ним.

— Да, здесь.

— Прямо вон там есть идеально подходящая для этого кровать.

Опершись обеими ладонями о стену, он улыбнулся и прижался к ней своим телом.

— А прямо здесь есть идеально подходящая для этого стена.

Он наклонился для поцелуя и остановился, прежде чем прикоснуться к её губам, чтобы иметь возможность понаблюдать, как её глаза затуманятся страстью. До прошлой ночи он даже не подозревал, что Камрин настолько страстная. Ох, как он ошибался. Это только укрепило его желание показать ей всё, что она заперла в себе. Всё, чем, как она думала, не являлась.

— Я обожаю этот твой взгляд. Знаешь об этом? — Её глаза прояснились, когда она уставилась на него в замешательстве, обескураженная. — Взгляд, который появляется у тебя, когда ты забываешь дышать.

И чтобы снова вернуть этот взгляд, он скользнул пальцами вверх по её бедру под платье и нырнул под резинку её трусиков. Почти... там. Потянув трусики вниз, он наблюдал, как её глаза расширяются. Такие большие, чертовски прекрасные глаза. Трой расстегнул и приспустил свои джинсы. Он оставил их болтаться на лодыжках, пока помогал ей снять её нижнее бельё, а затем отбросил джинсы в сторону. Трой делал всё нарочито медленно и усмехнулся тому, что Камрин наблюдала за ним. В кои-то веки она не выглядела смущённой.

Он натянул презерватив, не сводя с неё глаз. Почти... там. Она прижала ладони к стене позади себя, как будто собираясь с духом, пытаясь удержаться в вертикальном положении. Он стянул с себя футболку и швырнул её в сторону. Камрин уставилась на его грудь сквозь полуопущенные веки, в то время как он наблюдал за её пульсом, сильно колотившимся на её горле.

Трой шагнул ближе, слегка касаясь своей кожей ткани её платья. Её соски затвердели в ответ. Кэм втянула воздух и задержала дыхание, выгибаясь ему навстречу. Он коснулся пряди её волос, плавно пропуская их сквозь пальцы и вдыхая запах лемонграсса, прежде чем позволить волосам упасть к её щеке.

Это шампунь. Он никогда снова не ощутит запах, похожий на этот, не подумав о ней, как сейчас, в эту самую минуту.

Это трепетное чувство к ней родилось в момент того первого поцелуя во дворе и никуда не делось после прошлой ночи. По неизвестным причинам, погружаясь глубоко внутрь неё, наблюдая, как она кончает снова и снова, он не насытил это желание к женщине, которую не должен желать. После сегодняшнего это чувство тоже не прекратится, однако он всё равно не прекращал делать то, что делал.

И она его не останавливала.

Почти там. Его руки нырнули под её платье, обхватили попку и развели бедра. Она

ахнула, обхватив ногами его талию. Её руки держались за его плечи, массируя мышцы напряжёнными пальцами. Она делала это каждый раз, когда он её целовал, и тогда, во время секса прошлой ночью. Ещё одна из многих её особенностей, которая сводила его с ума.

Он помедлил возле её входа, глядя ей в глаза, испытывая нужду. Губы неподвижно зависли над её ртом в ожидании...

Там.

— Вот этот взгляд, Кэм. Просто прекрасен, — прошептал он, накрывая её рот своим и вторгаясь внутрь.

Она вскрикнула, но звук был заглушен его поцелуем. *Такая горячая.* Её пальцы сжали его плечи, прежде чем схватить в кулак его волосы. *О, такая горячая.* А затем её пятки впились в его спину, привлекая его ещё глубже внутрь её настолько, насколько это было в человеческих возможностях, и, блин...

Он полностью потерялся в ощущениях. Растворился.

Больше не было никакой размеренности, только неукротимые животные инстинкты. Он оперся рукой о стену и вонзался в неё со всей силы, пока её тело не напряглось, и он не почувствовал, как она сжалась и уплотнилась вокруг него.

Трой был со многими женщинами, но ни одна из них не кончала так, как Камрин. Быстро, лихорадочно, и со всеми этими эмоциями, которые она пыталась сдерживать. Кэм заставила его *захотеть* ждать, балансируя на грани между мукой и облегчением. Доставлять ей удовольствие снова и снова, чтобы просто наблюдать за её таинством.

Трой разорвал поцелуй, чтобы глотнуть воздуха, и спрятал своё лицо в мягкой коже за её ухом. Ухватив Кэм сзади за шею, он услышал её надрывный стон и почувствовал, как она вздрагивает, сотрясаясь напротив него, прежде чем сам полностью освободился.

Сглотнув, Трой обнял её, совершенно потрясённый. Он стоял, держа её на руках дольше, чем им потребовалось времени, чтобы сделать дело.

— Святые угодники, Кэм, — произнёс Трой, не в силах сказать большего. Кэм издала непонятный звук в знак согласия.

И прежде чем у него могли отказать ноги, он отнёс её к кровати и посадил себе на колени. Трой избавился от презерватива и расстегнул её платье, желая почувствовать её кожу своим телом. Её руки без колебаний поднялись, позволяя ему стянуть платье через голову.

Она задрожала, поэтому он потянулся ей за спину и обернул их одеялом. И, удерживая её на своих коленях, он откинулся на спинку кровати, а она припала щекой к его груди. Это было намного лучше, чем гоняться за ней в душевую. Хотя, может быть, позже...

— Начинаю привыкать к этому, — сказала она.

Он посмотрел вниз на её макушку.

— К чему?

— К этим объятиям.

— Ты обычно не обнимаешься после секса? — Она не ответила. — Я говорил тебе, Кэм, что сегодня вечером мы поговорим.

Она подняла голову.

— И именно поэтому мы занимались сексом? Чтобы ты мог развязать мне язык и отметить пунктик в своём списке?

Он сжал челюсти, пока его коренные зубы не заскрипели.

— Я говорил это прежде и повторю ещё раз. Секс с тобой не входил в мой план,

Камрин. Я занимаюсь им просто потому, что хочу этого.

Или потому, что какой-то моей внутренней части это необходимо.

Она посмотрела на него, вероятно, обдумывая, стоит ли сохранить эту информацию в своей голове. А он задавался вопросом, сколько ещё раз у них должен быть секс, чтобы она ему поверила.

Он вздохнул.

— Мы сыграем в «двадцать вопросов». По моим правилам. Двадцать вопросов, и на все из них ты должна ответить честно.

Она уронила подбородок на его грудь.

— И какое отношение всё это имеет к твоему списку?

Он ответил просто:

— Чтобы ты излила свою душу.

— Излила свою душу, — механически повторила она. — Отлично. Я сыграю в твою игру, если я тоже смогу задать тебе вопросы. Без ограничений.

Ему это не понравилось. Без сомнений, она его перехитрит, но честно так честно. К тому же, в зависимости от того, что она спросит, быть может, его открытость повлияет на неё и приободрит.

Он кивнул.

— Я начну первым. Ответь на мой предыдущий вопрос. Ты никогда не обнимаешься после секса?

Её взгляд потух.

— Нет.

Он ждал, что Кэм разовьёт тему, но она не стала. Трой понял, что это не она не хотела близости, а мужчины, с которыми она была. На протяжении многих лет Камрин привыкла к сексу больше как к акту, чем наслаждению.

— Тебя никогда не держали в объятиях после секса? — Она покачала головой. — И поэтому ты закрылась от меня прошлой ночью?

Она пожала плечами, но кивнула. Трой знал, что это не вся история, но пока не стал заострять на этом внимание.

— Не делай этого, — прошептала она. — Пожалуйста, не надо меня жалеть, ладно? Не все такие эмоционально открытые, как ты.

— Поверь мне, то, что я испытываю, — не жалость.

— Ты задал уже три вопроса. Моя очередь.

Отличная попытка.

— Уточнение ответа не является дополнительным вопросом.

Она прищурила глаза.

— Это не было оговорено в правилах.

Он улыбнулся.

— Теперь оговорено. Задавай свой вопрос.

— Кто такая Линдси? — Даже не задумываясь.

Интересный, однако, первый вопрос, и тот факт, что она задумалась о другой женщине. Она, что, ревнует? Он не думал, что Кэм способна на такие необузданные эмоции.

— Женщина, с которой я недолго встречался год назад.

Её брови приподнялись.

— И ты до сих пор с ней спишь?

— Нет. Почему Эмили назвала тебя уродливой?

Её взгляд метнулся вниз, а затем обратно к нему. На её лице отразилась борьба, а затем она наконец неохотно ответила:

— Она услышала, как я это произносила.

Трой так и подозревал, хотя и надеялся на иной ответ. Он принял её незащищённость за самоуверенность.

— Объясни.

Она уставилась на его грудь.

— Я примеряла отвратительную одежду, которую Хизер купила для меня в бутике. Это было после того, как они заставили меня осветлить пряди и подстричь волосы. Я пробормотала самой себе: «Нельзя исправить уродство». Эмили услышала.

— Ты же не считаешь...

— Моя очередь, — произнесла она, прерывая его. — Сколько женщин у тебя было?

Что такое со всеми этими вопросами о его интимной жизни?

— Много. Однако не так много, как ты думаешь.

— И ты никогда не хотел жениться на ком-нибудь из них? Ты хотя бы помнишь их имена?

Это прозвучало как оскорбление, завуалированное в вопрос.

— Нет, я никогда не хотел жениться ни на одной из них. И да, я помню всех по именам. Карен была первой — на заднем сидении её автомобиля после выпускного. Нет смысла перечислять их всех, но я помню каждую из них. Они все были особенные, но не для меня, в долгосрочной перспективе.

Она посмотрела на него с искренним удивлением.

— Они были тебе небезразличны, верно?

— Да. Ты же не считаешь всерьёз себя уродиной, не так ли?

Она вздохнула.

— Уродина — это сильное слово...

Он оттолкнулся от спинки кровати, садясь прямо, и заглянул ей в глаза.

— Ответь на вопрос, Кэм. Ты считаешь себя уродиной?

Она схватила простыню, лежащую рядом с ними, и слезла с его колен. С особой тщательностью она завернулась в неё и легла на спину. Её действия являлись таким же ответом, как если бы она сказала прямо...

— Да. Ну, нет. Не уродиной, но также и не красавицей. Я обычная. Одна из тех, мимо которых другие проходят и едва ли замечают. И мне это нравилось.

Его взгляд метнулся к её глазам, изучая её, но она не посмотрела в ответ. Он бы заметил её в комнате полной женщин, даже если бы они никогда не встречались. Настолько она выделялась. Но со временем она привыкла прятаться. И это подкинуло ему несколько идей для его списка.

— Нет, Кэм. Ты не уродина. Кто вообще сказал тебе...?

— Что произошло в тот день? — спросила она, снова перебивая его, чтобы отвлечь внимание от себя. Её тон смягчился, когда она пояснила: — В тот день, когда они забрали твоего отца насовсем?

Челюсть Троя отвисла, но он подобрал её, прежде чем она подняла на него свои огромные глаза. Его рука взметнулась к животу, не ожидая, что она поднимет эту тему. Её взгляд упал на его руку, а затем снова поднялся к глазам.

— Боже, Кэм...

Она резко села.

— Извини. Мне... мне всегда хотелось знать. Соцработница лишь сказала, что его надолго посадят. Тебе уже исполнилось восемнадцать, но она всё равно пришла к нам домой и спросила, примем ли мы тебя к себе, пока ты не окончишь старшую школу.

Он провёл ладонью по лицу, но образы того времени не исчезли. Трой ожидал от неё честности, и она заслуживала того же в ответ. Может быть, разговор о своём прошлом утихомирит его боль. Или, что гораздо-гораздо хуже, покажет ей, как сильно это всё ещё причиняет ему боль.

Он сглотнул, молясь, чтобы не заплакать и не выставить себя глупцом.

— Помнишь мой день рождения в том году? Вы с Хизер пришли ко мне домой с подарком. Новая рубашка и торт. — Она не ответила, и он посмотрел на неё, увидев перед собой единственного человека, кому он бы осмелился об этом рассказать. — Я даже не помню, какой именно торт...

— Песочный торт с клубникой, — сказала она. — Помню, он был твоим любимым, поэтому мы с Хизер его и приготовили.

— Он был моим первым и единственным тортом ко дню рождения.

Её глаза полезли из орбит.

— Извини?

— Отец не был любителем семейной жизни. — Трой махнул на это рукой, как и на всё остальное. — Как и не обладал выдающейся памятью, особенно в отношении Рождества и дней рождений.

— Но у нас дома мы каждый год отмечаем твой день рождения.

— Без торта. По моей просьбе к твоей матери.

Камрин огляделась, не видя ничего вокруг и пытаясь вспомнить. И он мог сказать, просто наблюдая за ней, что шестерёнки закрутились. А затем, пока она была отвлечена, он выпалил остальное:

— Он выстрелил в торт из охотничьего ружья и пробил дыру в новой голубой рубашке, прежде чем поднять оружие на меня. Сосед услышал выстрелы и вызвал полицию.

Её ладони стиснулись на простыне.

— Из-за меня тебя чуть не убили?

Вот и оставь ей делать вывод из этого разговора.

— Нет, это *он* чуть меня не убил. Ты не сыграла никакой роли в его пьяных тирадах. Весь год шёл к этому моменту. Он пил больше, чем когда-либо. Мне хватило ума убежать в свою комнату, но он последовал за мной. Это было самое глупое, что я мог тогда сделать. Он увидел то, что твоя семья подарила мне за столько лет. И я попытался спасти всё это вместо того, чтобы спастись самому.

Она прижала простыню к груди, слезы катились по её бледным щекам.

— Что ты попытался спасти? Что было важнее, чем убежать, Трой?

Ей никогда не понять, никому не понять, но он всё равно ей расскажет.

— Старые снасти Фишера, оставшиеся с того раза, когда мы впервые ходили на рыбалку. Рождественские украшения от Хизер. Книгу, подаренную Наной. — *Маленький синенький грузовичок «Матчбокс» от тебя, который я до сих пор и по сей день возжу в бардачке своей машины.*

Она медленно помотала головой.

— Ты же не считаешь, что мы разозлились бы, ведь так? Ты важнее каких-то дурацких вещичек.

— Они не дурацкие. Не для меня.

Когда слезы иссякли, пришло понимание. Ему следовало знать, что Кэм поймёт. Никогда не стоит недооценивать её, никогда. Возможно, именно поэтому он никогда не говорил об этом, чтобы она тоже не почувствовала того же ужаса и пустоты. Она так долго на него смотрела, что он снова почувствовал себя десятилетним ребёнком, старающимся оставаться перед ней сильным. Когда он посмотрел вниз, её руки дрожали.

— Потому что они были единственными приятными мелочами, которые кто-либо для тебя делал, и поэтому ты попытался их спасти, — произнесла она безжизненным голосом. — Было настолько плохо, верно? Хуже, чем я когда-либо думала. Что он сделал, Трой? Я хочу знать.

Эта игра начала выходить из-под контроля.

— Нет, не хочешь.

Её красивое ангельское личико приобрело напряжённое грустное выражение, которое ему хотелось стереть. Чтобы больше никогда вновь не видеть на её лице.

— Расскажи мне.

Он потёр шею, пытаясь найти способ рассказать ей, заново не переживая этого.

— Всё началось с еды. Он использовал её для контроля надо мной. Не кормил в качестве наказания. За глупости типа не ношения шапки в школу или оставленную в раковине зубную пасту. А когда я стал достаточно взрослым, то вместо этого он отвечивал мне тумаки или бил, зачастую тем, что попадалось под руку. Как правило, для этих вспышек не было никаких причин. Иногда бывало всего-то несколько ударов, а иногда после я не мог стоять. Если я кричал, то было только хуже. Он был достаточно умён, чтобы не оставлять синяков там, где любой мог их увидеть, вот как это сходило ему с рук так долго. Но однажды он зашёл слишком далеко и сломал мне руку. Вмешались социальные службы и меня оставили на вашем пороге.

Когда тишина заполнила комнату, он наконец посмотрел на неё, ожидая жалости или презрения. Но вместо этого он опять обнаружил слёзы. Её и... свои. Трой провёл ладонью по своему лицу.

— Мне следовало сделать больше, — прошептала она.

Дрожь в её голосе остановила его слёзы.

— Нет.

Камрин посмотрела ему прямо в глаза и, должно быть, увидела что-то в выражении его лица. Она попыталась подавить рыдания, но не смогла. У него разрывалось в груди при виде, как у неё наворачиваются и скатываются слезы.

— Я должна была сделать больше, Трой.

— Ты сделала всё, — сказал он, хватая её за руки и встряхивая. — Разве ты не понимаешь? Мне чертовски повезло по сравнению с большинством. Это редкость — быть отданным в ту же приёмную семью. В конце концов, думаю, я провёл больше времени у вас, чем у себя. Твои родители приняли меня, дали мне дом. Твой брат стал первым моим другом. Хизер сводила меня с ума: наконец у меня появилась младшая сестрёнка, чтобы надоедать мне и помочь всё забыть. Она заставила меня почувствовать себя нормальным. И ты...

Ох, Камрин. Она даже не подозревала, как много для него значила. Не существовало

таких слов.

— Я?

Да, она.

— Ты выдёргивала меня из постели и заставляла ходить в школу. Ты помогала мне с домашним заданием. Ты делала мне бутерброды и... и никогда никому не рассказывала о том, что видела или слышала. Ты говорила мне, что я способен на многое, заставляя меня считать себя кем-то.

Это была самая ужасная часть. Камрин заставила его чувствовать себя кем-то, когда внутри он был просто никем. Единственные моменты в жизни, когда он ощущал себя достойным чего-то, были тогда, когда она была рядом. И большую часть своей жизни Трой провёл в погоне за этим чувством, только теперь осознав, что это она была его причиной. Он отпустил её руки и откинулся на спину.

Ему вообще не следовало к ней прикасаться.

— Так вот из-за чего весь этот список, Трой, не правда ли? Отплатить за то, что была добра к тебе? Некая извращённая форма благодарности?

Да. Нет. Частично. Возможно, так всё и начиналось, но теперь причина не в этом.

— Нет. И не жалею меня сейчас.

— Трой...

Сглотнув, она потянулась и обхватила его щеки, её руки были такими тёплыми по сравнению с тем, каким холодным он стал. Подушечки её пальцев вытерли остатки слёз, напоминая ему, насколько его отец всё ещё мог заставить его ощутить себя слабым. Наклонившись, она поцеловала его в каждую щеку, и в тот момент, когда ресницы Кэм трепетали у его лица, у него появилась отвратительная мысль, что это, в сущности, всё, что ему достанется. Некто временная вроде Кэм, которая может свободно плакать по нему, но которой стыдно за себя. Которая будет думать только о нём, а не о себе.

Некто, кто прогонит холод.

Никто и никогда раньше не плакал из-за него.

— Кэм, перестань плакать. Пожалуйста.

Её пальцы вцепились в его бицепсы, когда она поцеловала его грудь, прямо над сердцем. Он закрыл глаза и запустил пальцы в её волосы.

— Я тебя не жалею, — произнесла она. — Я воображаю, как убиваю твоего ублюдка-отца.

Болезненный узел в его животе начал ослабевать, горло перестало сжиматься.

— Что?

Она посмотрела на него, снова став столпом равновесия, который он привык видеть в ней до этой поездки.

— Это то, что я делаю.

— Ты убиваешь людей в своём воображении?

Она улыбнулась, и узел исчез.

— Нет. Когда ситуация становится невыносимой, я начинаю представлять в своей голове всякое разное, чтобы не слишком остро реагировать.

Теперь это многое объясняет.

— Приведи пример.

Она уставилась на его грудь.

— Когда Максвелл порвал со мной, мне хотелось плакать, но вместо этого я

представила его с рогами и копытами. Это всегда помогает. — Она глянула на него. — Но не с тобой.

Хм.

— Почему не со мной?

Она пожала плечами.

— Из-за твоего дурацкого списка, полагаю. Или ты...

Ему было интересно, помогало ли это до списка, но даже он не был уверен, что готов к ответу.

— Или что?

— Или ты просто удосужился заглянуть глубже. Разглядеть за моими щитами, — сказала она.

— Так, для сведения, Максвелл ошибался по поводу того, что он тебе сказал.

Она покачала головой, закрыв глаза.

— Чья очередь?

— Моя, — ответил он, желая снова перевести разговор к ней. — Откуда у тебя взялись такие представления о себе? Зачем было возводить стены и притворяться?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Может быть, наблюдая, как Хизер добивалась всего слезами, пока была ребёнком. Или из-за отвращения к тем женщинам, которые отказываются быть самостоятельными, тратя больше времени на беспокойство о тенях или цвете шиньона, чем о шестичасовых новостях.

— Я понимаю твою независимость и интеллект, Кэм. На самом деле, я это уважаю. Но зачем стены?

Глядя вниз, она опять пожала плечами.

— Я росла, только и слыша, как Хизер прекрасна. Как красив Фишер. Когда твои подруги приходят к тебе домой, просто чтобы попускать слюни на твоего брата, а твой кавалер с выпускного бала всю ночь приударяет за твоей сестрой, а затем уезжает с кем-то ещё, это оказывает определённое влияние на мысли девушки.

Как же он этого не знал? Всё прямо перед его носом, и всё же он не догадывался.

— Где твоя мама? — спросила она.

Он едва не получил травму позвоночника.

— Эм, она села в тюрьму, когда мне было два. За проституцию. Там она умерла от передозировки.

— Ты её помнишь?

— Нет. — И, возможно, именно поэтому у него не было чувств по этому поводу. — Сколько у тебя было мужчин?

Трой понятия не имел, откуда взялся этот вопрос, или почему он спросил, но неожиданно ему стало необходимо знать, относились ли к ней все парни так же, как Максвелл. Удосужился ли кто-либо из них показать свою любовь, или же они просто ушли, как и её чёртов кавалер с выпускного бала в средней школе.

— Два.

— Два, — повторил он чужеродное понятие. — Два, включая меня? — О боже, может ли такое быть, что он лишь второй мужчина, с которым она была?

— Три, включая тебя.

Обернувшись простынёй, она встала и прошлась по комнате, подбирая с пола трусики.

Натянув их, Кэм отправилась на поиски пижамы. Она потрудилась взять только футболку, оставив боксёры на сумке. И пока он наблюдал, она повесила платье в гардероб, забралась обратно в кровать и легла на бок, лицом к нему.

— И ты обоих любила? — спросил он, ложась и глядя на неё. Он подпёр голову рукой.

— Обоих. Я не занимаюсь сексом, если... — Она резко замолчала и прикрыла рот рукой. — Что ж, полагаю, я всё же занимаюсь сексом без любви. Или только в этот раз. Я имею в виду, я не люблю тебя. Знаешь, не так.

Если бы его так не забавлял её лепет, он мог бы оскорбиться. И обидеться.

— Как «не так»?

— Не тем видом любви, подразумевающим покупку автомобиля и совместное пользование банковским счётом.

Он уставился на неё. Либо этот список ничему её не научил, либо она лжёт.

— Разве ты не имеешь в виду «долго и счастливо» и два с половиной ребёнка?

— Каким образом у тебя получилась половина ребёнка?

— Это твой следующий вопрос? — спросил он, улыбаясь. Ему нравилась эта сторона в ней — как раз перед самым сном, когда её голос становился сонливым, глаза тяжёлыми, и она улыбалась беззаботно. Она была такой до боли красивой.

— Нет. Ты любил кого-нибудь из тех женщин, с которыми спал?

Но прежде чем Трой успел ответить, её глаза сомкнулись. Она уснула в считанные секунды. Он смотрел на неё, тысячи мыслей проплывали в его голове, и ни одна из них не была уместной или здоровой, когда дело касалось его и Кэм.

Факты оставались фактами, а чувства — чувствами. Он влюбился в неё. И, наверное, влюблён в неё уже давно.

Он не был как большинство мужчин. Эта мысль не напугала его до слепой паники. Но она заставила его желать, чтобы этот список возымел результат. Тройю это было нужно. Потому что иначе Кэм продолжит идти по своему разумному жизненному пути, которым всегда шла прежде, и выйдет замуж за того, кто не любит её даже на восьмую часть так сильно, как он. Она не узнает, как драгоценен дар истинной любви.

А он вернётся к тому, что снова начнёт встречаться с чередой женщин в надежде, что одна из них сможет заставить его почувствовать себя так, как заставляет его чувствовать себя только она. Закончится тем, что она будет той, кто ушёл, той, кого он никогда не забудет.словно в стихотворении Хемингуэйя.

Он ждал почти тридцать лет, чтобы наконец-то пережить это чувство, зная, что оно существует, и ни о чём так сильно не мечтая, как влюбиться. И он влюбился в Камрин.

Вот он — никто, притворяющийся кем-то, и она — кто-то, делающая вид, что никто. Он жил сегодняшним днём, поскольку это всё, с чем он мог справиться, тогда как она планировала всё до мелочей, вплоть до цвета нижнего белья, которое наденет в четверг.

Взглянув вниз, он улыбнулся. Сегодня на ней было фиолетовое нижнее белье. Очень мило.

Медленно, чтобы не разбудить её, он приподнял простыню и набросил её поверх Кэм, затем сделал то же самое и с одеялом, подоткнув его под подбородком. Он убрал прядь волос с её щеки, позволяя пальцам задержаться, когда это её не потревожило.

Закрыв глаза, Трой покачал головой.

— Я любил только одну из них.

Глава пятнадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Мнения других людей должны иметь значение, но только не для вас.

Камрин вынула из духовки партию черничных маффинов и поставила выпекаться ещё одну. После нескольких часов прерывистого сна, она бросила попытки заснуть и в три утра спустилась вниз.

Разговор с Троем прошлой ночью всё ещё заставлял её руки трястись, а сердце болеть. Детство Троя оказалось гораздо хуже, чем она себе представляла. На протяжении многих лет она старалась не думать о том, через что ему, должно быть, пришлось пройти. Сейчас казалось, что с ним всё в порядке. Но, наблюдая за ним прошлой ночью, когда он пытался скрыть очевидные слёзы, она поняла: для него ещё не всё закончилось. Далеко нет. Неудивительно, что он не относился к жизни серьёзно, и почему переходил от одной женщины к другой.

Кэм задавалась вопросом, а какой по счёту сама она была в чередё его очень длинного списка любовниц. Интересно, какой у неё рейтинг по сравнению с ними.

У неё никогда не было подобного секса, не то чтобы ей было с чем сравнивать. Трой заставлял её позабыть обо всём, кроме него и себя. У неё никогда не получалась отгородиться от действительности так, как с ним. Только чувствовать. Мир исчезал, и существовало только два человека, наслаждающихся друг другом. Трой заставил её поверить, всего лишь на какое-то время, что он подразумевал именно то, о чём говорил. Как будто она и в самом деле красивая и забавная, а не посредственная. Камрин закрыла глаза. Он даже её заставил поверить в эту иллюзию.

В этот ранний утренний час, когда даже солнце ещё не взошло, она позволила себе помечтать о них. Как будто они всё ещё вместе, когда вернутся домой, в Милуоки, возможно, вместе живут, занимаются повседневными делами, как например, спорят о том, чья очередь мыть посуду. Делятся рассказами о проведённом дне за ужином, а затем полночи занимаются любовью. Медленно танцуют обнажёнными в тихой комнате, делая вид, что слышат музыку, проникающую из открытого окна. Он скажет какую-нибудь глупость, и она будет смеяться до тех пор, пока весь воздух не исчезнет из её лёгких.

Камрин открыла глаза, возвращаясь к действительности. Трой и его список были жестоки. В том, что заставляли её поверить, словно всё это по-настоящему, словно такое возможно. Но жизнь совсем не такая.

Реальностью были её отношения с Максвеллом. Занятие сексом в одной и той же позе, что можно было бы отнести к последовательности в его поступках. Его уход сразу после этого, когда он оставлял разве что поцелуй в макушку или говорил просто «пока». Разговоры за ужином о том, будет ли квартира более разумным приобретением, чем ранчо с двумя спальнями и без дворика. О стратегии для их следующей встречи. Никаких ласковых слов шёпотом поздней ночью. Никакого смеха под звёздами. Никаких добрых слов.

— Чё делаешь?

Камрин подскочила и прижала руку к колотящемуся сердцу, оглянувшись на Эмили.

— Шшш, все ещё спят. Я готовлю маффины. Хочешь помочь?

Маффины, конечно, не праздничный торт, и прошлое Троя с их помощью не исправить,

но, может быть, они хотя бы заставят его улыбнуться.

— Ага, — отозвалась Эмили, взбираясь на стул возле столешницы.

Камрин поставила перед Эмили миску и вручила ей венчик. Добавив сухих и жидких ингредиентов для новой партии, она произнесла:

— Хорошо, а теперь всё это перемешай.

Эмили воткнула венчик в миску и попыталась перемешать. И тут же на стойку полетела яблочно-коричная смесь для маффинов.

— Упс.

По крайней мере, в этой партии не было черники. Камрин улыбнулась, опустив руку поверх руки Эмили, и показала, как перемешивать.

— Вот так, милая.

Она перешла к кофеварке, чтобы приготовить кофе, продолжая поглядывать на племянницу. Заварив напиток, она проверила, справляется ли Эмили.

— У тебя хорошо получается. Я ненадолго сбегаю наверх. Держись подальше от духовки, ладно?

И хотя Эмили кивнула в знак согласия, Камрин установила самоочищающуюся задвижку для блокировки духовки на случай, если у племянницы возникнут какие-нибудь дикие идеи. Она написала записку на клочке бумаги, а затем понесла маффин с запиской наверх.

Камрин повернула ручку двери своей спальни и на цыпочках прошла к тумбочке. Положив записку и маффин, украдкой взглянула на спящего Троя. Тот лежал на животе, руки и ноги раскинуты на кровати, словно он во сне тренировался прыгать с парашютом. Покачав головой и улыбнувшись, она тихо закрыла за собой дверь на выходе.

Эмили всё ещё усердно работала, помешивая, когда Кэм вернулась на кухню.

— Выглядит хорошо. Хотя в нём кое-чего не хватает.

Эмили поразмыслила.

— Шоколада?

Заманчиво.

— Хм. Нет, не шоколада. Знаю! Это не в тесте чего-то не хватает, а в тебе.

Эмили посмотрела на себя, как если бы она забыла одеться.

— Чего?

— Этого, — произнесла Кэм, поднимая венчик и брызнув чуть-чуть теста на её голову.

Эмили прикрыла голову руками, размазывая тесто по кудрям. Затем она принялась вытирать руки о перед пижамы.

— *О-о-ох*. Папочка будет сильно рассержен. Я свалю на тебя.

Камрин наклонилась и поцеловала её в щеку.

— Давай. Я старше его и могу всё выдержать.

Эмили с любопытством разглядывала её. Осторожно она обмакнула палец в миску, а затем слегка прикоснулась им к кончику носа Камрин. И остановилась, ожидая, что на неё накричат.

— Ты делаешь всё неправильно. — Камрин засунула руку в миску и размазала смесь по её щекам. По крайней мере, сегодня она будет хорошо пахнуть. И вытерла оставшееся тесто с руки о свои волосы. — Видишь, вот так.

Эмили хихикнула и указала на неё пальцем.

— Ты выглядишь нело... нела...

— Нелепо, — поправила она. — И ты тоже.

Её племянница перестала смеяться и склонила голову набок, уставившись на Камрин.

После долгого осмотра, Эмили спросила:

— А ты помнишь, где потеряла свою улыбку?

— Не понимаю о чём ты, милая.

— Дядя Трой сказал, ты не улыбаешься из-за того, что потеряла её на какое-то время.

Ты её нашла? Он сказал, что ты найдёшь.

Трой так сказал?

— Ага, полагаю, нашла. — Она улыбнулась для пушного эффекта, и в кои-то веки выражение на её собственном лице не ощущалось чужеродным.

— Ах, боже мой, — воскликнула Анна, входя в кухню. — Только посмотрите на себя!

— Это сделала тётушка Кэм, честно!

Анна посмотрела с сомнением, поэтому Кэм поспешила спасти племянницу.

— Это правда. Всё я. Извини.

Анна принялась разглядывать её тем же любопытным взглядом, что и её дочь, поэтому Камрин отвернулась и заполнила последний лоток с маффинами, чтобы поставить их в духовку, а затем начала складывать готовые кексы в тарелку. Поставив их на стол, она налила себе чашку кофе и повернулась к Анне, которая вытирала тесто с лица Эмили, улыбаясь при этом.

— Анна, ты не будешь против вытащить последнюю партию, когда выключится таймер? Хочу немного посидеть на террасе.

— Конечно, — ответила та, глядя на неё, словно на незнакомку. — Ты в порядке, Кэм? Может быть, хочешь принять душ или... поспать?

Камрин пожала плечами.

— Возможно, позже.

Джеки, одна из прислуги Хортонов, вошла в заднюю дверь и положила свои ключи на столешницу. Оглядев кухню, она особо пристальное внимание уделила Камрин.

— Вы приготовили завтрак?

— Мы с Эмили приготовили, да. Вы не возражаете? Я не могла уснуть.

Джеки улыбнулась, махнув рукой.

— Конечно нет. Я просто... тогда всё приберу. — Она оглядела кухню, словно ожидая, как мимо вот-вот провальсирует клан тараканов.

Камрин любила готовить и, как правило, не оставляла кухню в таком беспорядке. И хотя та и выглядела, словно взрыв на «Данкен Хайнс»[29], кухня была довольно чистой.

— Нужно лишь вымыть кастрюли из-под маффинов и миску для смешивания. — Камрин улыбнулась Эмили. — Всё остальное на нас. — Она снова посмотрела на Джеки. — Вам нужна будет помощь?

— О, нет. Спасибо. — Взгляд на её лице умолял: «пожалуйста, не надо».

Анна бросила полотенце в раковину.

— Я заберу Эмили наверх искупать.

Джеки приступила к мытью сковородок, так что Камрин раздвинула дверь террасы и вышла наружу с чашкой кофе. Наблюдая за розовым восходом солнца над горизонтом, она села и сделала глубокий вдох. Ещё один первый раз для неё.

Спокойствие в душе.

Дом находился очень далеко от главной дороги, поэтому не было слышно автомобилей.

Вдалеке стучал дятел. Крикнул козодой[30]; звук, как ни странно, расслабляющий. Она привыкла к шуму. Гудящим машинам. Раздражённым утром пассажирам. И как минимум, церковным колоколам вниз по улице, когда была в Милуоки. Она не знала, находить ли тишину умиротворяющей или тревожной.

Спустя двадцать минут из дома вышел отец. Он остановился, прежде чем потянуться к ближайшему стулу, уставившись на засохшее тесто в её волосах и на лице.

Она пожала плечами.

— У меня закончилось мыло.

У него отвисла челюсть. Затем он рассмеялся и сел рядом с ней. Осторожно отпил кофе и взглянул на горы.

— Что ты здесь делаешь без книги или ноутбука?

— Просто сижу.

— Ты поругалась с Троем?

— Нет.

— С Наной? Что она сказала на этот раз?

Камрин улыбнулась, глядя на его лысую голову и узкое лицо.

— Ничего, пап. Я просто сижу.

— Не доводилось слышать, чтобы ты просто сидела.

Она допила остатки своего кофе, делая вид, что не заметила, как он на неё таращится.

— Знаешь, Камрин, в одно пасхальное воскресенье, тебе, должно быть, было девять или десять, твоя мама нарядила тебя в одно из тех воздушных розовых платьев для церкви. Все говорили о том, как красиво ты выглядишь. Они тебя нахваливали. А ты топнула ножкой и закричала. Ты утверждала, что не хочешь быть красивой, а хочешь быть умной.

Она совершенно не помнила этого. Кроме того, она удивилась, какое это имеет отношение к простому сидению на улице.

— И?

Когда отец посмотрел на неё, у Кэм перехватило дыхание. Он выглядел растерянным. Пристыженным.

— И я не понимал, как сказать тебе, что ты можешь быть и той, и другой. Умной и красивой. Ты была так непреклонна, так обижена, что мы никогда не осмеливались поднимать эту тему снова. Время от времени мы говорили тебе, как мило ты выглядишь, но у тебя появлялось такое выражение на лице, будто мы тебя обидели. Вскоре мы просто перестали тебе об этом говорить.

Её пальцы онемели, пульс стал медленнее холодной патоки.

— Пап, к чему ты клонишь?

Его взгляд встретился с её глазами.

— Мне никогда не следовало прекращать говорить тебе об этом. Думаю, что ты неправильно поняла наши намерения. Ты *была* прекрасной. И умной. Ты всё ещё такая, всегда была. Но теперь ты больше этого не знаешь, не так ли? — Он покачал головой. — Мне очень жаль.

Её рот, задрожав, раскрылся, лицо отца расплывалось перед её глазами от подступивших слёз.

— Пап?

Поднявшись, он огляделся, похлопал по своим карманам, а затем снова обратил свой взгляд на неё.

— Это всё, что я хотел сказать. Хотел, чтобы ты знала. — Он взглянул на часы. — Не знаешь, выиграли ли «Бруэрс»?

Она рассмеялась, вытирая слёзы.

— Не знаю.

Кивнув, он пошёл к дому. Не дойдя до двери, он остановился, но не обернулся.

— Я никогда не видел тебя более красивой, чем сейчас, покрытой выпечкой... кроме всего прочего, и в пижаме. Улыбка тебе идёт. — Он развернулся к ней лицом. — Следует ли нам благодарить за это Троя?

Она не нашлась, что сказать, и просто уставилась на него, когда он отсалютовал ей чашкой кофе и зашёл внутрь.

Выдохнув, Камрин села обратно в своё кресло. Она сказала Трою, что люди не меняются. Это то, во что она твёрдо верила. Тогда почему она вела длинные полуночные беседы и разукрасила себя тестом для маффинов? Почему её семья поднимала столько шума из-за её поведения? Оно же не настолько отличалось от её обычного, так ведь?

Трой заставлял её делать, говорить, чувствовать то, что обычно она бы не сделала. Ни один мужчина не вызывал у неё улыбки с самого утра, не заставлял с нетерпением ожидать ночи, чтобы узнать, какие ещё порочные и забавные идеи он припас. Она обнаружила, что думала о нём, когда его не было поблизости, желая узнать его мнение на происходящее.

Сколько она себя помнила, Трой всегда был ей небезразличен. Но теперь ей хотелось держать его за руку и прогнать поцелуем боль. Заниматься любовью каждую свободную секунду. Пройшей ночью она рассказала ему то, что даже сама не с полной уверенностью осознавала. Она была уверена: он никогда никому не рассказывал о своём отце. Что же изменилось? Откуда это взялось?

Трой до сих пор не рассказал ей, к чему был весь этот список, но из-за него всё менялось, и не только между ними, но и внутри неё. Он делал её... счастливой.

Она поспешно встала и направилась в дом, прежде чем позволить себе размечтаться. Мечты и желания опасны. Они рожают личностные иллюзии, искореняя факты и подменяя их пустыми, нереальными желаниями. Мечты не более реальны, чем та идея, что они с Троем могут стать друг для друга кем-то большими.

Когда она открыла дверь, все члены семьи застыли, уставившись на неё, стоило ей войти в кухню. Ладно, она была в полном беспорядке. Более чем в одном смысле слова.

— Я в душ, — пробормотала она.

— Постой, — произнёс Фишер, закрывая холодильник. Он поставил свой стакан с апельсиновым соком на стойку. — Что происходит между тобой и Троем?

Она оглянулась на присутствующих в комнате — их лица были застывшими, и её кожу закололо, словно крошечными ледяными осколками. Знают ли они, что всё это ложь, и если да, то откуда? *О, пожалуйста. Нет, нет.* Им осталось продержаться ещё всего лишь два дня. Всего два, и всё опять вернулось бы на круги своя. Стало бы мрачным, скучным и обыденным. Она посмотрела на Хизер, но её сестра только пожала плечами.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Камрин, надеясь, что никто не заметил её дрожи.

— Трой спустился вниз этим утром, утверждая, что не голоден и просто хочет пробежаться.

Камрин в шоке смотрела на брата. Неужели Троя расстроил её жест с запиской и маффином? Ей хотелось, чтобы он проснулся с улыбкой, как было с ней. Хотела сделать что-то приятное, чтобы сказать...

— Он на пробежке? — повторила она, не понимая услышанного.

— Что я и говорила, — заявила Нана. — Люди должны бегать, только если за ними гонятся.

— На пробежке, — подтвердил Фишер.

Её мама положила маффин на стол перед собой.

— Ну и что здесь такого? Он всегда бегаёт по утрам?

— Я... — Ну, она не была уверена. Не так, как если бы они встречались по-настоящему. — Я не знаю.

— Ты не знаешь? — спросила тетака Миртл. — Разве ты не его девушка, Камрин?

Они посмотрели на неё — обвиняюще, вопрошающе. Всё это дело собиралось рухнуть у них на глазах. И тогда вся семья проведёт остаток выходных, крича и принижая её не только из-за лжи, но и за то, что Кэм сделала Трою больно. Она надеялась вернуться в Милуоки, когда это «расставание» должно было произойти. Таков был план.

— Они не живут вместе, — заявила Хизер. Громко. — Я имею в виду, она была в Чикаго, а он в Милуоки. Так что она не знает, бегаёт ли он. Верно, Кэм? — Глаза Хизер вылезли из орбит, побуждая Камрин согласиться.

— Да, верно.

С каждой секундой Фишер выглядел всё злее и злее.

— Единственный раз, что я помню, когда он бегал — это чтобы выпустить пар. И насколько я в курсе, он не делал этого уже много лет. Итак, что ты сделала, Камрин?

Что она сделала? Почему всегда она сделала что-то не так? Трой не мог так расстроиться из-за записки и маффина. Или, может быть, мог. Если он отправляется на пробежку только когда сердится, и он спал, когда она в последний раз проверяла, то, скорее всего, это действительно из-за неё. Боже, последнее, чего ей хотелось — причинить ему боль.

— Я ничего не делала. Я в душ.

— Разве ты не хочешь позавтракать? — спросила кума Виола.

— Я не голодна, — ответила она, заворачивая за угол и поднимаясь по лестнице, прежде чем её желудок смог бы протестовать.

Ступни Троя тяжело стучали по гравию в ровном темпе вдоль дороги. Пот капал с его лица на промокшую футболку. Ноги начали гореть больше километра назад, но он не остановился. Он был слишком не в форме для этого. Последний раз он отправлялся на пробежку в день рождения его отца в прошлом году. Воспоминания подкрадывались всё ближе, и единственное, что он мог сделать, чтобы отогнать их — это бежать.

Тогда это помогло. Но не сейчас.

Камрин делала для него эти мелочи пол его жизни. Покупая для него арахисовое масло, помещая в рамку семейное фото, даря ему игрушечный грузовичок. Мелочи, чтобы напомнить ему о лучших временах, чтобы продолжать смотреть вперёд. Так она о нём заботилась. Но то, что она сделала этим утром — было особенным. Настолько сильно особенным.

Оставив маффин со свечкой на его тумбочке. Это был даже не день его рождения, просто что-то приятное, чтобы заменить плохие воспоминания. Воспоминания, которые знала только она, единственный человек, кому он рассказал. Он даже себе не позволял вспоминать.

Как она это делала? Раз за разом спасая его от его же прошлого и заставляя поверить,

что он этого достоин. *Почему* она? Часть его хотела верить — она пересматривает своё мнение, меняя взгляд на жизнь. Часть его надеялась — это потому что она любит его в ответ. То есть, если этот список помогает, и она верит в любовь.

Если чертов маффин был просто ещё одним милым жестом, то его ожидает мучительное пробуждение. Если она не сможет любить его в ответ, он никогда не сможет смотреть на неё как прежде. Да он вообще смотреть на неё не сможет. Ибо в этих огромных карих глазах было что-то, чего он никогда раньше не замечал у другой. Податливый розовый ротик, который он целовал, не сравнится ни с кем. А её руки — мягкие и исцеляющие — коснулись большего, чем его кожи.

Она была всем. Никакая другая женщина не стала бы целовать его грудь над сердцем, чтобы залечить трещину. Не смогла бы почувствовать его боль, понять её и избавиться от неё. Не утёрла бы слезы, которые слишком долго сдерживались, как бы тихо говоря: «С прошлым теперь покончено».

Никто никогда не заботился настолько, чтобы оставить записку на его тумбочке, гласящую: «Ты кто-то».

Он развернулся и направился обратно в сторону дома, возобновляя темп, чтобы уменьшить жжение внутри. Каждый шаг отдавался эхом её словами. *Ты. Кто-то.*

Был ли он кем-то? А если только для неё? Потому что он смог бы с этим жить. Быть сыном Ковичам, другом Фишеру, братом Хизер. И целым миром для Камрин. Если она единственная, кто действительно знает его, понимает его, он бы умер счастливым.

Сначала ему нужно пригласить её на свидание. Начать с ней встречаться. На сей раз по-настоящему, а не лгать, чтобы спасти её от семьи. Выяснить, отвечает ли она на эти чувства вообще, или же с её стороны это был просто отличный секс. Большинство женщин путают секс с любовью. Но Кэм бы не спутала. Однако, она до сих пор не верит в настоящую любовь. И ему нужно узнать, всё ли это ещё так.

С каждым шагом, ударяющимся о гравий, он был ближе к ней. Каждый тяжёлый вдох — метафора того, как она украла его дыхание. Трой верил в надежду, но её было нелегко сохранить в его жизни. Однажды он лелеял надежду о семье, которая его бы любила. Лелеял надежду о друге, с которым можно играть и делиться. О собственном доме, который никто не сможет отнять или осквернить. Он перестал надеяться, получив всё это, считая, что его жизнь теперь полна. Но его жизнь не была полной.

И теперь он уповал на неё.

Замедляя свой темп до прогулочного шага, он направился вверх по подъездной дорожке. Услышав голоса семьи у бассейна, Трой проскользнул внутрь через гаражную дверь, чтобы его не заметили. Он взбежал вверх по лестнице и прошёл в их комнату, чтобы принять душ, прежде чем отправиться на её поиски.

Дверь в ванную была приоткрыта, из душевой поднимался пар. Он подошёл к двери ванной и опустил руку на ручку, но она заговорила прежде, чем он успел постучать.

— Да, я получила твоё сообщение. Подумала, ты отправил его по ошибке.

Она разговаривала по телефону. Убрав руку, он отступил назад, чтобы предоставить ей уединение и подождать.

— А что я должна была подумать, Максвелл? Ты спал с другой. Ты же порвал со мной, помнишь?

Трой замер, глядя на дверь.

— Прости? А что насчёт Алисии? Ты же сказал, что вам так хорошо вместе. Назвал

меня роботом, помимо других жестоких эпитетов. Очевидно, я не была достаточно хороша... — Она вздохнула. — Нет, Максвелл. Я в Колорадо, на свадьбе. Я не могу пообедать...

У Троя внутри всё стянуло, когда надежда иссякла. Её бывший хочет её вернуть. Трой не мог конкурировать с руководителем рекламного агентства, который мог дать ей финансовую стабильность. Огромный дом в пригороде. Два с половиной ребёнка.

— Да, я приехала не одна... Нет, друг семьи... Да, у меня есть друзья... Это не твоё дело.

Надежда вылетела в окно вместе со всем воздухом из его лёгких. Он всего лишь друг. Друг, с которым она может заниматься сексом, но не более того. Вот и ответ на его вопрос, и ему даже не пришлось унижаться, спрашивая её.

— Хорошо, Максвелл. Я позвоню, когда мы вернёмся. Не знаю... Да, у меня всё ещё есть ключ. Ладно, до понедельника.

Трой отступил к двери спальни, чтобы убраться из комнаты, но дверь ванной распахнулась раньше. Она стояла завёрнутая в полотенце, волосы влажные. Глаза широко распахнуты.

— Ты вернулся.

Он сглотнул.

— Да.

Она взглянула на тумбочку позади него и снова вернула взгляд к нему. Он искал что сказать, что угодно. Но подслушанный её разговор с Максвеллом напрочь отнял способность думать.

Она обошла его и бросила маффин вместе со свечкой и запиской в мусорное ведро.

— Что ты делаешь? — Он подошёл и вытащил записку, положив её обратно на тумбочку.

— Слушай, я сожалею. Я не хотела, чтобы из-за записки или маффина ты расстроился. Я просто подумала...

Господи, какой же он осёл!

— Я не расстроен.

— Ты выглядишь расстроенным.

Глубоко вздохнув, он подошёл к ней. Она может предпочитать этого Максвелла ему, но она всё ещё Кэм. Она по-прежнему остаётся тактичной, сдержанной женщиной, какой и была всегда. Она заслужила объяснение, поскольку в её глазах ничего не изменилось. Притянув Камрин к себе, он обхватил её затылок, когда она прижалась лицом к его груди.

— Я не расстроен, Кэм. То, что ты сделала... было очень мило. Спасибо.

— Ты уверен?

Он закрыл глаза.

— Да.

— Тогда почему ты отправился на пробежку?

Он уже раскрыл глаза, так же, как и рот, готовый признаться ей, что он к ней испытывает. А затем вспомнил — надежда была растоптана.

— Мне просто нужно было немного воздуха. К тебе это не имеет никакого отношения. Честно, спасибо тебе ещё раз за записку. Она, эм...

Отступая, Кэм подняла на него глаза.

— Понятно, — произнесла она.

В мгновение ока выражение её лица стало как у прежней Кэм. Её взгляд метнулся прочь за секунду до того, как она отошла от него. В другой конец комнаты. Подальше от него.

Наблюдая, как она одевается с яростными, резкими движениями, он почувствовал себя низшей формой жизни. Скользнув в шлёпанцы, она направилась к двери.

Ему нужно рассказать Кэм, как много её жест значит для него — иначе в её прекрасной головке это станет ещё одной неудачей, которую она припишет на свой счёт.

— Ты единственный человек на земле, Камрин, который когда-либо заставлял меня чувствовать себя кем-то.

Краем глаза он увидел, как она повернулась к нему.

— *Ты* кто-то.

Чёрт бы её побрал.

Развернувшись, он направился в ванную, прежде чем успел открыть рот и всё потерять.

Глава шестнадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Настоящие женщины не плачут — они пьют вино.

— Самолёт приземлился на час раньше, — произнесла Хизер, откладывая телефон на кухонный стол и обтирая свой мокрый купальник полотенцем. — А трансфер из аэропорта сможет доставить их сюда часа через два.

Две лучшие подруги Хизер — Шана и Кэти — должны были прилететь пораньше на репетицию вместе с друзьями Джастина, Джоном и Кейдом. И хотя они не состояли в свите молодожёнов, у них была активная роль в качестве помощников и в публичных чтениях. Остальные родственники должны были приехать поздно вечером и сразу отправиться в отель.

Вся семья расположилась снаружи у бассейна, считая, что у них есть в запасе ещё несколько часов до того, как им нужно будет подготовиться или отправиться забирать своих друзей. Трой всё ещё был наверху, принимая самый долгий душ в истории человечества.

— Я могу съездить забрать их, — предложила Камрин. — Вам ведь необходимо время, чтобы подготовиться. Я сделаю это.

После телефонного звонка Максвелла и внезапной отчуждённости Троя, она сможет воспользоваться короткой передышкой во время поездки, чтобы побыть в одиночестве. Кэти, несомненно, отвлечёт её внимание. Давняя подруга Хизер принадлежала к тем женщинам, которую хотел каждый мужчина, а каждая женщина хотела быть ею. Но, несмотря на это, она очень нравилась Камрин.

— Сделаешь что? — спросил Трой, проходя в кухню. В брюках цвета хаки и подходящей чёрной футболке он выглядел таким красивым в повседневной одежде. Тёмно-русые волосы были ещё влажными после душа, касаясь его ворота и ушей. В её животе тут же вспыхнул огонь, воспаляя нервы.

У Камрин никогда не было подобной физической реакции ни на одного мужчину, кроме Троя. Один лишь взгляд на него заставлял её думать обо всех порочных вещах, которые они могли бы сделать. О том, чему только он мог её научить. То, что она делала бы только с ним.

«Порочные» — слово не из её лексикона.

Хизер переводила взгляд между ними обоими.

— Что происходит?

— Ничего, — ответил Трой, засовывая руки в карманы.

Хизер не выглядела убеждённой, но не стала выпытывать дальше.

— Самолёт наших друзей прилетел раньше. Кэм собирается их забрать.

Трой кивнул, бросив взгляд на Камрин, и быстро отвёл глаза.

— Я поеду с ней.

— В этом нет необходимости, — сказала Камрин, но он свирепо посмотрел на неё, пресекая все возражения.

— Я сказал, что поеду, — рявкнул он. Его ладони упёрлись в бёдра. — Пойду возьму у Бернис ключи. — Трой повернулся и вышел из комнаты, прежде чем Камрин успела отреагировать.

— Ух ты, — проговорила Хизер. — Влюблённые ссорятся?

Ругаться было не в характере Камрин, так что она понятия не имела, что делать с Троем в таком состоянии. Она даже не знала, почему он так расстроен. Жестокое обращение в его прошлом, очевидно, всё ещё причиняло ему глубокую боль. Кэм считала, что той запиской она дала понять Трою, каким она его видит. Что он не просто кто-то, что он много значит для неё. Может быть, из-за её жеста он осознал, какую ошибку они совершали, и изменил своё мнение на их счёт. Или же усмотрел в этом насмешку, лишь только вернувшую все болезненные воспоминания, которые он пытался заблокировать.

Камрин потёрла грудь.

— Скажи Трою, что я жду его в гараже.

Пройдя через прачечную, Камрин вошла в гараж. Открыв заднюю дверь внедорожника Хортонов, она взялась за рычаг, чтобы расширить третий ряд сидений, но не могла маневрировать одновременно и сиденьем, и ручкой, чтобы его выдвинуть.

И тут большая ладонь опустилась поверх её руки, останавливая её манёвры. Сзади тело Троя прижалось к её спине, он отрегулировал сиденье и зафиксировал его в нужном положении. А затем сразу же отошёл в сторону и забрался на пассажирское сиденье рядом с водителем.

— Спасибо, — пробормотала она, стоя рядом с открытой задней дверцей, разделяющей их. По её телу прокатилась дрожь, и уличная жара показалась Камрин суровой висконсинской зимой.

Трой вытянул руку из пассажирского окна, на одном из его пальцев болтались ключи. Камрин закрыла дверцу и забрала их, затем обошла машину и села за руль. Её руки слишком сильно дрожали, чтобы завести автомобиль с первой попытки.

Его взгляд метнулся в её сторону.

— Хочешь, я поведу?

Она уставилась на руль. Грудь сдавило тяжёлым грузом, от навернувших слёз в горле встал ком. Единственный мужчина, который вообще, казалось, её желал, не мог теперь даже смотреть на неё. Все те милые слова и пунктики в его списке, которые меняли её, делали счастливой, теперь стали ещё одной резкой пощёчиной и сожалением. Так же, как и всё остальное. Как глупо было думать, что всё могло бы быть по-другому. Что между ними могло быть по-другому. Что *она* могла бы стать другой, не той, кем была всегда.

— И какие картинки сейчас в твоей голове, Кэм? Что ты представляешь на сей раз, если можешь оставаться такой спокойной, ни черта не чувствуя?

Она дёрнулась. Жестокость того, что он сказал, бросив ей в лицо её же честность, её же секрет, заставили Камрин бороться изо всех сил, чтобы сохранить самообладание и не умереть на месте от смущения и стыда. Ничто и никогда так сильно не причиняло боль. Её будто на куски разорвали. Не осталось и крупицы надежды или перспективы. Никакие картинки или фантазии не сотрут этого никогда.

Она втянула воздух, сглотнула и повернула ключ зажигания.

Поезжай. Просто поезжай.

Он не произнёс больше ни слова, и в автомобиле воцарилась зловещая тишина, пока не просигналил GPS, указывая повернуть направо. Чтобы разбавить тишину, она включила радио, и в салоне мягко заиграла классическая музыка. Он протянул руку и ткнул по настройкам, из динамиков тут же загредел тяжёлый рок. Кэм убавила звук на два деления и уставилась вперёд, не отрывая взгляда от дороги.

Когда они подъехали, друзья Хизер уже ждали их снаружи рядом с выдачей багажа. Трой и Камрин вышли из автомобиля, и Кэти тут же соскочила со скамейки. Её светлые кудри подпрыгивали почти так же эффектно, как и её грудь. Камрин взглянула на Троя. Кэти была того же типа женщин, с которыми Трой обычно встречался, за исключением того, что у Кэти имелось больше клеток головного мозга.

— Ух ты, посмотри на себя! — воскликнула Кэти, обнимая Камрин до подступающего удушья. — Я никогда раньше не видела тебя в бирюзовом цвете. — Камрин оглядела одну из покупок Хизер, которую носила не по своему выбору. — Он тебе очень идёт. Подчёркивает твои глаза. А волосы! Так мило.

— Спасибо.

— А где Хизер и Джастин?

Трой схватил чемоданы и подтащил их к багажнику.

— Дома, готовятся, — ответила она, держа дверцу открытой.

Шана, Кейд и Джон уже успели сесть в машину. Джон — среднего телосложения, ростом около ста семидесяти сантиметров и аккуратно зачёсанными чёрными волосами — был более схож темпераментом с Камрин, нежели другие. Будучи старым соседом по комнате Джастина в Висконсинском университете в Мэдисоне, он, казалось, не имел ничего общего с остальной частью группы. Камрин старалась поболтать с ним каждый раз, когда они встречались. Он всегда казался не к месту. Так же, как и она.

Кэм улыбнулась ему.

— Как дела, Джон? Давно не виделись.

Мимо неё протиснулся Трой, чтобы добраться до пассажирской дверцы.

— Садись в машину, Кэм, — пробормотал он.

Она почувствовала, как улыбка сошла с её лица. Джон повернулся к ней.

— Всё отлично, спасибо. Как там Чикаго?

Она пожала плечами.

— Я скоро переезжаю обратно в Милуоки, — ответила она, закрывая дверцу. Камрин обошла внедорожник и забралась в машину. Проверив зеркало заднего вида, она выехала с дорожки, прежде чем служба безопасности могла бы подумать, что она укладывала кучу оружия, паркуясь так долго.

— Все готовы к зажигательному девичнику и мальчишнику? — поинтересовалась Кэти со своего места позади Троя.

Кейд заговорил первым:

— Джастин с Хизер ясно дали понять, что не будет никаких вечеринок. Ты же знаешь.

Камрин улыбнулась. Хизер с Джастином не хотели традиционной феерии — предсвадебные вечеринки, как правило, изматывали пару в ночь перед их свадьбой. Они просто хотели устроить небольшой междусобойчик дома с напитками и музыкой. Посчитали, что веселее остаться вместе и разделить вечер с друзьями.

Кэти выразительно вздохнула.

— Знаю. И считаю, что это отстой. Даже стриптизёра не будет! А что насчёт тебя, Трой? Хочешь стать нашим стриптизёром?

Камрин случайно заехала за жёлтую пунктирную линию, прежде чем успела выровнять машину.

— Твоя полоса здесь, — произнёс Трой с сарказмом.

Сарказм был её гранью, а не его.

— Я знаю!

— Ну и дела, — сказала Кэти. — Это правда. Я не поверила Джастину, но это правда. Вы двое пара! Вы даже ругаетесь как пара.

— Когда *ваша* свадьба? — пошутила Шана.

На этот раз Камрин не свернула с полосы, но подумала об этом.

— Я не знал, что вы встречаетесь, — произнёс Джон. — Когда это произошло?

— Год назад, — ответил Трой, более жёстким тоном, чем было необходимо. — Да, это правда, нет, это не шутка, и мы не ругаемся.

В автомобиле воцарилась тишина. Сдержанное молчание. *Прибавьте сюда сверчков.*

Камрин вздохнула, не желая, чтобы друзья Хизер чувствовали себя неуютно.

— Это была долгая неделя. Мы просто... устали. Хотите сначала зарегистрироваться в отеле или поехать сразу домой?

— Домой, — согласились они все.

— Думаю, Кэм должна идти к алтарю с Троем, — сказала Хизер, обращаясь к группе.

Камрин скрестила руки на груди и таращицалась на лужайку. Вот уже час они прогоняли эту репетицию во дворе, и до сих пор ничего так толком и не отрепетировали. И происходило это всё, конечно, уже после полуторачасовых дебатов о том, почему у Хизер и Джастина будет не православная церемония.

Бернис показала всей семье, где будут размещаться проход, стулья и алтарь, а именно во дворе с восточной стороны дома. Приём и ужин — с западной стороны дома. Компания, которую они наняли, чтобы привезти оборудование, установит всё только завтра рано утром, поэтому во время репетиции приходилось использовать воображение.

А у её семьи не было воображения.

Камрин взглянула на Троя. Тому, казалось, было совершенно всё равно, как или с кем он пойдёт по проходу. После того, как они приехали, он не проронил ни слова. Если можно было назвать то, что он сказал, разговором. Больше похоже на брюзжание. И вообще, в чём его проблема? Он уже начинал её раздражать.

— Я имею в виду, Кэм — свидетельница, а Фишер — свидетель, — продолжила объяснять Хизер, когда никто так и не заговорил. — Предполагается, что они должны идти вместе, но почему бы просто не оставить пары вместе?

— Хизер, как скажешь, — произнесла Камрин, с которой было уже достаточно. — Давайте просто поторопимся с репетицией.

Руки её матери взлетели к бёдрам.

— Камрин Кович, то, что ты дуешься на Троя, не даёт тебе права срываться на сестре!

Дуешься?

— Я всего лишь хотела сказать, что персонал будет готов подать ужин через двадцать минут. И нам нужно поторопиться. И мы с Троем ничего не делаем, и тем более не дуемся.

— Мы определённо в высшей степени дуемся, — произнёс Трой. И его рот сомкнулся в тонкую линию.

— Ты не помогаешь, Трой.

Он посмотрел на неё из-за очков. Она не могла видеть его глаз, но Кэм была уверена, что в них была сталь.

— Я так и знала, что они долго не продержатся, — заявила Нана.

Камрин закрыла глаза, прежде чем сказать что-нибудь, о чём бы потом пожалела. А когда она их открыла, Нана вращала пылающий жезл и размахивала ногами прямо как

«Рокеттс»[31]. Ровно перед тем, как её вышитый блёстками наряд загорелся...

— Хорошо, — согласилась Хизер, поднимая руки. — Кейд и Джон, вы ведёте родителей по проходу. — Хизер подошла, чтобы поставить их в нужную позицию, словно они куклы-Кены. — После того, как они рассядутся, идут Анна и Фишер. — Анна с Фишером выполнили указание, а затем отошли в сторону алтаря. — Хорошо. Трой и Кэм.

Кэм взяла под локоть Троя и сделала, как просили.

— Нет, нет, — возмущалась Нана. — Медленнее. Это же не забег на десять метров.

Хочешь поспорить? Тем не менее, оба сбавили темп и разошлись у алтаря.

— Теперь Эмили, — сказала Хизер, — твоя очередь. У тебя будет корзина с лепестками цветов. Просто разбрасывай их, пока идёшь. Когда дойдёшь до мамы и папы, остановись. Ладно?

Эмили кивнула, ведя себя как самая взрослая в группе, и спокойно прошла, встав перед Анной.

Хизер взяла под руку отца и пошла навстречу Джастину, который улыбался как идиот. Никакого малодушия со стороны этого парня. Должно быть, это мило, подумала Камрин. Иметь кого-то рядом с собой, кто уверен в вашем совместном будущем. Кого-то, кто без колебания ждёт следующие сорок лет и все те сюрпризы, которые преподнесёт жизнь.

Она посмотрела на Троя, скрестившего руки и опустившего голову, задаваясь вопросом, найдёт ли он когда-нибудь ту, которую будет настолько же сильно любить. Камрин гадала, хватит ли у неё мужества, чтобы стоять здесь и делать вид, что она счастлива за него, если придёт время.

Отец Виланд, ирландский священник Хортонов весом в сто тридцать килограмм, откашлялся. Он приступил к подведению итога церемонии, а затем указал Кэти и Шане, где встать для своего выступления. Эмили села у ног Кэм, выполнив свою часть репетиции.

Камрин не могла её в этом винить. К тому времени, когда всё было сказано и сделано, Кэм была готова сесть в самолёт до Милуоки. Одна.

— Погоди. Что? — спросила Кэти, придерживая дверь открытой и уставившись на Хизер. — О нет. Вы не можете спать в одной комнате. Это к несчастью!

— Я не верю в плохие приметы.

Конечно, Хизер не верила. Единственное в её жизни, что может представлять неудачу — это сломанный ноготь.

— Хизер, жених не может видеть невесту до свадьбы, — настаивала Кэти, следуя за остальными в дом.

Хизер улыбнулась.

— Мы остановились в одном доме. Как ты предлагаешь это обойти?

Трой поднял очки на голову, когда они вошли в столовую.

— Я буду спать в комнате Джастина. Хизер может спать с Кэм в нашей.

Камрин уставилась на Троя. Ей хотелось поговорить с ним сегодня вечером наедине, выяснить, что происходит. И это станет невозможным, если он ляжет спать в другой комнате. Он уставился на чайный сервиз перед собой, отказываясь смотреть на неё.

Все расселись за столом. Нана ткнула пальцем в Камрин.

— Он теперь даже спать с тобой не хочет. Ты потеряла хорошего парня. Надеюсь, ты счастлива, мисси.

Камрин уронила голову на руки.

— Всё хорошо, Нана.

Нана фыркнула в недоверии. А вот кума Виола так легко её не отпустила.

— Тогда почему вы ругаетесь? Вы расстались, так ведь? Хороший способ испортить свадьбу, ребята.

Джастин продолжал поглядывать на Камрин и Трой.

— Послушайте, Трой помогает нам тем, что спит в нашей комнате, ладно? Традиция есть традиция, как сказала Кэти. Все пары ругаются. Очевидно же, Трой её любит...

Рядом с ней Трой положил ладони на стол и встал.

— Камрин, на пару слов наедине, пожалуйста.

— Сейчас?

Он взял её за руку и вытянул со стула.

— Да, сейчас. — Он провёл их вокруг обеденного стола, через кухню и завёл в библиотеку. Ногой захлопнув дверь.

— Я не могу этого делать, — пробормотал он, по большей части, казалось, самому себе. Он провёл ладонью по волосам, сбивая свои солнцезащитные очки. Пристально посмотрел на них, держа в руке, а затем сунул их в карман.

— Не можешь делать что?

— Это, — прокричал он, указывая между ними обоими.

Да-а, даже её мнимый парень не может больше терпеть её спустя несколько дней. Она точно поплачет ещё над этим, позже.

— Прости, Трой. Мне вообще не следовало просить тебя об этом. Не думала, что всё будет...

— Это не то, что я имел в виду. — Его нетерпение пошло на убыль. — Послушай, этим утром...

— Трой, тебе следует это прекратить. Я прошу прощение за то, что сделала. Я действительно сожалею. И хотя здесь должно быть что-то большее, чем моя записка, мы можем обсудить это позже. Ты должен делать вид... *нам* осталось продержаться всего лишь следующие два дня, и ты можешь быть от меня свободным...

— А что, если я не хочу быть от тебя свободным?

Её взгляд метнулся к его глазам. Он не выглядел рассерженным, раздосадованным возможно, но не рассерженным. Она наблюдала, как дёргался его кадык, а взгляд был сосредоточен на её ногах. Трой был не из тех, кто не смотрит кому-либо в глаза.

— Что это значит?

Его досада иссякла до пустого нечитаемого выражения. Её сердце зашлось, а затем замерло в ожидании его объяснений. Ибо это звучало ужасно похоже на...

— Не бери в голову. Забудь. — Он оглядел комнату, затем его взгляд снова вернулся к её ногам. — Я буду стараться лучше. Давай вернёмся к остальным.

Если бы он что-нибудь испытывал к ней, то ему не нужно было бы стараться.

Он направился к двери, но она встала перед ним.

— Я бы никогда не сделала ничего, что причинило бы тебе боль. Ты же это знаешь, верно? Скажи мне, что знаешь. По крайней мере, Трой, мы друзья. То, что я сделала этим утром — это был мой способ сказать это. — Его глаза закрылись, так что она обхватила ладонями его щёки, заставляя его посмотреть на себя. — И я не скажу ни одной душе о том, что ты мне рассказал. В том, что с тобой произошло, нет твоей вины...

Отодвинувшись от неё, он прошёлся по комнате.

— Сейчас не время для этого.

— Нет, время, — возразила она, поскольку он не останется в её комнате сегодня ночью, и его защитные барьеры снова встали на место. А вернувшись домой, у них вообще не будет никакой возможности, подобно этой, чтобы всё высказать. Они вернутся к своей жизни, как если бы этой недели никогда и не было. — То, что сделал твой отец — было не по твоей вине. И неважно, как сильно ты на меня злишься, неважно, как сильно отталкиваешь из-за того, что я знаю правду, — я всегда буду рядом.

Он повернулся к ней спиной и уставился в окно. Отгораживаясь от неё, как он делал со всем остальным, что походило на значимость. У него были свои моменты, когда он воспринимал что-то всерьёз, но были и свои пределы. И, по-видимому, Трой к ним приблизился. Она пожалела, и не в первый раз, что не сделала для него больше, пока он рос. Может быть, он бы не стал ненавидеть весь мир. Может быть, он бы жил и радовался жизни, вместо того, чтобы разыгрывать чертовски хорошее представление для всех остальных. Может быть, если бы она что-то сделала, то он бы знал, насколько он особенный.

Отягощённая чувством вины, она ждала целую минуту, прежде чем протянуть руку к дверной ручке.

— Не надо, — произнёс он до того, как она успела выйти.

Она повернулась, и на противоположной стороне комнаты он выглядел как тот десятилетний мальчик, которого бросили на их пороге. Напуганный, полный надежды и стыда. Годы, в конце концов, его не изменили.

Он шагнул ближе.

— Я злюсь не на тебя, я злюсь на себя. То, что я сказал тебе в машине...

— Забудь об этом, Трой.

— Нет, — процедил он, шагая прямо к ней и хватая её за запястья. — Этому нет никаких оправданий. Ты заслуживаешь лучшего. Кто-то другой подойдёт тебе лучше, чем я. Просто... пообещай, что ты позволишь ему любить себя правильно, Кэм. Со свечами и розами, и ...

— Опять список, — прорычала она, выдёргивая и высвобождая свои запястья, её сердце разбивалось с каждым чёртовым словом, слетающим с его губ. Да как он смел? Старался объяснить, как любить кого-то другого. Как будто он сам знает как. Как будто она смогла бы испытывать к какому-то другому мужчине то, что чувствовала к нему.

Её челюсть отвисла. *О нет.*

— Верно, Кэм. У меня для тебя есть ещё парочка пунктов в списке, а затем самый последний пункт ты должна будешь выполнить дома самостоятельно. — Он помолчал, глядя, казалось бы, сквозь неё, а не на неё. — Ты должна полюбить. Истинной, настоящей, безумной любовью, без которой не сможешь жить.

Она едва не рассмеялась над иронией. Он сделал всё это, чтобы показать ей свою версию любви лишь для того, чтобы она влюбилась в какого-нибудь мужчину, которого встретила или пока ещё нет. Тогда как всё это время она влюблялась в него.

Они оба такие идиоты!

— Как скажешь, Трой.

Прежде чем он успел пробормотать что-либо ещё, чтобы медленно её убить, она повернула ручку двери и вышла. Он подождал несколько секунд и последовал за ней. Когда она приблизилась к столовой, он схватил её за руку и крепко сжал.

Все уже приступили к салату, когда они сели, присоединяясь к ним.

— Ой, хорошо, — сказала её мать. — Вы помирились.

— По мне, они не выглядят помирившимися, — проговорил йяка Митч.

Тяжело вздохнув, Трой посмотрел на неё.

— Прости меня, — пробормотал он ей тихо.

А затем обхватил её затылок и привлёк к себе. Когда его рот накрыл её губы, она схватила его за руку, цепляясь как за спасательный круг. Его губы двигались, прижавшись к ней, язык метнулся внутрь. Как он мог целовать кого-то вот так, на глазах у полной комнаты людей, а затем хотеть, чтобы она влюбилась в кого-то другого? Боже, никто не целуется так, как Трой. Никто.

К тому времени, когда он отстранился, она почти лежала на коленях йяки Гарольда, сидящего на соседнем стуле.

Трой бросил взгляд на лица других.

— Видите, всё улажено. Кого-нибудь ещё поцеловать, чтобы утешить?

У всех отпали челюсти. У всех, кроме двоих. Шана и Кэти подняли руки. Кума Виола выглядела так, словно тоже хотела поднять свою. Все в комнате рассмеялись, Камрин взяла вилку, делая вид, что всё нормально, и гоняла ею салат по тарелке.

Хизер постучала вилкой по своему бокалу.

— Мы с Джастином хотели бы поблагодарить всех вас за то, что вы здесь. Бернис и Тим, вы не могли бы сделать это ещё более особенным. Мы просто очень благодарны за то, что вы все вместе с нами.

Поднялись и зазвенели фужеры.

— Я благодарна за вино, — сказала Кэти. — Итак, чем займёмся сегодня вечером?

— Караоке, — ответил Джастин, засовывая огромный кусок салата в рот и подмигивая Трою.

Камрин выронила вилку и сердито посмотрела на Троя. Это, должно быть, его чёртова идея. Пункт из его чёртового списка. И теперь она мысленно чертыхалась!

— О, как весело! — сказала Шана.

Трой склонился к ней и прошептал:

— Мы почти закончили список, Кэм. Сегодня вечером ты поставишь себя в глупое положение.

Её глаза сузились. Хорошо, что она выронила вилку, в противном случае та оказалась бы в его глазу.

— Ничего подобного.

Он улыбнулся, коварный болван.

— Даже и не думай. И ты получишь удовольствие, делая это. Ради себя. Ради меня.

— Чёрта с два!

Его взгляд упал на её рот и снова поднялся вверх.

— Мы уже выполнили пункт о сквернословии. Как тебе не стыдно.

Официанты убрали их тарелки с салатами и заменили их тарелками, полными пастой. Кэм уставилась на свою порцию, удивляясь, куда вся эта еда должна отправиться. Колени Троя стали бы прекрасным местом...

— О, — произнёс Трой, обращаясь к семье. — Есть правило насчёт сегодняшнего караоке. Песню для вас выбирает кто-то другой. Каждый вытянет имя, чтобы узнать, кто для кого выбирает.

Сукин...

— Это будет *оочень* весело! — прокричала Кэти с куда большим энтузиазмом, чем

Камрин смогла бы продемонстрировать, даже будучи в хорошем настроении. — У нас же будут крепкие спиртные напитки, верно?

Глава семнадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Каждый день в моей жизни случается самый неловкий момент.

На очереди был Трой. Он просмотрел список, который распечатал Джастин, с названиями песен, запрограммированных для караоке, гадая, кто же вытянет его имя и какую песню тот выберет.

А в это время папа Камрин демонстрировал своё лучшее исполнение «Blue Suede Shoes», заставляя при этом кровоточить уши Троя. Нана так смеялась, что Трой был уверен: её вот-вот хватит сердечный приступ.

Трой оглядел медиа-комнату со своего места за дальним столиком. Друзья Джастина и Хизер сидели впереди на полу, приближаясь к пьяной коме, и настойчиво призывали папу раскачивать бёдрами как Элвис во время исполнения этой песни. Улыбки тётушек и дядюшек, а также родителей Джастина мало-помалу начали уставать, превращаясь в полуулыбки, освещающие их лица. А сами Хизер с Джастином сидели по обеим сторонам от Троя и разрывали его барабанные перепонки, подбадривая папу так, будто оказались в первых рядах концерта Бон Джови.

Камрин сидела в дальнем углу за другим столиком, разговаривая с Джоном, Анной и Фишером. Эмили клевала носом на коленях Кэм. Когда Кэм рассмеялась над чем-то, сказанным Джоном, её рука легла на голову Эмили, поглаживая девочку по волосам. Трою было интересно, будут ли, когда придёт время, у её детей такие же волосы, как у неё, точно такого же оттенка корицы, размешанной в чашке чая. Или её улыбка — нежная. Ласковая. Или её глаза — огромные и карие.

До этой недели эти глаза были безразличными и далёкими. Сейчас же к Кэм снова вернулась жизнь. Его список открывал её — и закрывал его. Он, бывало, становился беспокойным, оставаясь один, редко проводя ночь или две, не пригласив какую-нибудь женщину, чтобы заполнить тишину, или не завалившись в один из своих любимых баров. Теперь всё, чего он хотел — он и она. Наедине.

Но это было не лучшей идеей даже в худшие времена. Притворяться, что встречаешься, и испытывать романтические чувства на самом деле — две разные вещи. Когда всё это закончится, у него больше не будет семьи. Они могут любить его, но только Камрин их настоящая семья. А он всего лишь какой-то парень, которому они однажды помогли. Ему следовало остановить то, что между ними зародилось после первого поцелуя во дворе в первый же день. Фишер, возможно, и не имел в виду то, что сказал тогда в Милуоки, но он всё равно был прав.

Трой недостаточно хорош для неё.

Она заслуживала большего, чем строитель, единственный член семьи которого сидит в тюрьме. Большого, чем его наследственность для её будущих детей. Ей нужен кто-то с пятилетним планом, который хочет от жизни того же, что и она. Кто-то, кто заставит её улыбаться, как сейчас. Он повернул ключ этим списком, она же открыла дверь. Теперь, кого бы она ни выбрала, чтобы провести с ним свою жизнь, этот человек будет ждать по ту сторону порога, и она сможет любить его открыто.

Максвелл хочет её вернуть. Эта мысль раздирала его внутренности в клочья. Трой гадал,

вернётся ли она обратно к нему, и если да, то регрессирует ли она до прежней Кэм. Или, может быть, она будет встречаться с кем-то вроде друга Джастина, Джона. Парень потерял голову из-за Кэм с той секунды, когда Хизер познакомила их несколько лет назад. Джон смотрел на неё так же, как Фишер смотрит на Анну.

Когда папа закончил свою песню, Хизер выкрикнула возле него, болезненно резанув слух:

— Твоя очередь, Трой.

Анна тут же встала.

— погоди, мне нужно уложить Эм спать.

Глаза Эмили расширились.

— Я не хочу спать.

— Уже поздно, — произнесла Анна, — и завтра у нас важный день.

— Но ты обещала, что я смогу спеть песню с тётушкой Кэм!

— Пусть выступит, — сказал Трой. — А я спою после.

Кэм перенесла Эмили в переднюю часть комнаты и нажала несколько кнопок на проигрывателе караоке. Она поставила Эмили на ноги перед собой и дала ей микрофон. Её руки дрожали. Хорошо. Нервозность — верный признак того, что ей чертовски неловко. Кэм делала вид, что ей наплевать на то, что о ней думают другие. Но это было не так. Всю свою взрослую жизнь она провела в камуфляже, надеясь, что никто её не заметит. Ей нужно выставить себя в глупом свете. Необходимо почувствовать себя неловко.

Зазвучала музыка для «Somewhere, Out There», и Кэм опустилась на колени позади Эмили. Она поправила монитор, и когда на экране появился текст, вела по нему пальцем и пела вместе с Эмили. Только Кэм могла превратить караоке в обучающий урок для Эмили, показывая ей, как выглядят слова, когда они пропевали их, чтобы начать узнавать, как читать.

Голос Эмили заглушал Кэм, но из того, что он слышал, её голос во время пения звучал так же, как и во время разговора. Мягкий. Певучий. А она неплоха. Кэм посмотрела на него с другого конца комнаты и улыбнулась.

Да-а, определённо, он хочет оказаться с ней наедине. Прямо сейчас.

Хизер крепко схватила его за руку.

— Оу. Что с тобой такое?

Глаза Хизер полезли из глазниц.

— Да ты влюблён в неё! — проговорила она громким шёпотом.

Трой оглянулся по сторонам, но никто не обращал на них внимания. Когда он снова посмотрел на Хизер, то сперва подумывал всё отрицать, но какой смысл? Не далее как сегодня он едва не потерял самообладание с Кэм и не признался, что любит её.

— И что, если и так?

Хизер перевела взгляд на Камрин, а потом снова на него.

— Ты должен сказать ей о своих чувствах.

Теперь это было даже забавнее, чем смотреть как Нана поёт «I Love Rock and Roll». К тому же он не нуждался в совете Хизер.

— Я знаю, как обращаться с женщиной, спасибо большое.

— Она не женщина, она Кэм. — Хизер прикусила губу, изучая его, ведя себя так, словно хотела что-то сказать, но не могла. После долгого молчания она наконец-то произнесла: — Боже, Трой. Пожалуйста, не разбивай ей сердце.

Ладно, теперь он начинал немного злиться.

— Все так волнуются о её сердце. А что насчёт *меня*? Как насчёт *моего* сердца? У меня оно тоже есть! А что, если она разобьёт *моё* сердце?

Комната взорвалась аплодисментами и возгласами, когда Эмили с Кэм закончили петь. Трой оторвал взгляд от Хизер, чтобы посмотреть на Камрин. Чёрт, она уже разбила его сердце. И не один раз. Так что его вопрос более чем спорный.

Камрин успела снова пройти в конец комнаты, пока он сосредотачивался на дыхании. Трой не осознавал, что пункт из его списка не был выполнен, пока она не села.

— Э-э-э-э, — заявил он. — Петь вместе с Эмили не в счёт, Кэм. Возвращайся обратно. Кто выбирает песню для Кэм?

Джон встал.

— Я.

Он направился в начало комнаты, в то время как Камрин взглядом метала в Троя маленькие ледяные кинжалы. Вот это суперсила. Сдавшись, она встала и пошла обратно. Джон нажал несколько кнопок на проигрывателе и сел. Когда заиграла её песня, она одарила Джона настолько сияющей улыбкой, что грудь Троя сдавило от ревности.

Здорово. Он никогда в жизни ни к кому не ревновал. Даже когда должен был. Ревность оставила кислотоватый пугающий привкус во рту.

А затем он узнал песню, которую выбрал Джон.

— Это жульничество, — настаивал Трой. — У этой песни нет слов!

— Конечно же есть, — произнесла Кэм в микрофон с недрогнувшей улыбкой. — Текила! — пропела она.

Кэти, Шана, Кейд и Хизер присоединились к ней, танцуя в передней части комнаты. У Троя не хватило духу спорить. Лишь раз посмотрев на неё, он понял — ей весело. Возможно, это не совсем выставляло её в глупом свете, но было чертовски достаточно близко.

Откинувшись назад, он провёл рукой по лицу.

— Я выбрал для тебя песню, — произнёс Джастин.

Глаза Троя сузились, когда он посмотрел на озорную хулиганскую усмешку на лице Джастина.

— Смею ли я спросить?

Анна вышла из комнаты, чтобы уложить Эмили спать.

Камрин выкрикнула последнее «Текила!» и, смеясь, упала, облокотившись на Кэти.

Он слотнул, желая отвести взгляд, но не имея для этого сил. Если он никогда больше не увидит красоты, то её образ в этот самый момент будет его поддерживать.

— Давай же, Трой, — подгонял Джастин.

Взгляд Троя метнулся к передней части комнаты, где ждал его Джастин. Трой даже не заметил, как Джастин встал. Медленно он поднялся, готовый принять своё собственное наказание. Он взял микрофон у Джастина.

— Радуйся, что я не выбрал песню из «Титаника», — прошептал Джастин. — Это был мой первоначальный выбор.

Трой скривился. Выбор Джастина должен быть на ступень выше Селин Дион, верно? Кэти заулюлюкала ему, трясая грудью как истинная бразильянка. Ну, по крайней мере, он не стриптизёр, как ранее она предложила ему в машине.

А затем заиграла музыка.

Трой метнул в Джастина убийственный взгляд. Камрин с Джоном так сильно смеялись,

что она упала со своего стула, а затем вскарабкалась обратно. Это был уже не первый раз, когда его список оборачивался против него же, но, ей-богу, этот будет последним.

Решив использовать сложившуюся ситуацию наилучшим образом и поняв, что более половины комнаты слишком пьяна, чтобы завтра об этом вспомнить, он начал расстёгивать рубашку. А почему бы и нет? Раньше он всегда был душой компании.

Камрин перестала смеяться. Кэти снова заулюлюкала. И когда он запел «Total Eclipse of the Heart», вся комната пела вместе с ним. Плохо.

Трой спустил рубашку с плеч, поднял руку и начал размахивал ею над головой, словно пропеллером. Хизер вскочила и заплотировала ему. Бернис прикрыла глаза и покачала головой. Папа издал громкий стон — достаточный, чтобы вырвать с корнем плакучую иву на лужайке перед домом. Камрин оставалась застывшей, прелестный розовый ротик полуоткрылся от шока.

Шах и мат.

Во время исполнения второго куплета он подошёл к ней с наглым видом и сел ей на колени, принявшись вращать бёдрами. Она залилась шестью оттенками красного. Для девушки, ненавидящей яркие цвета, она, конечно же, хорошо смотрелась в красном. Вот *теперь* она была смущена. Ха.

Поднявшись, он встал позади неё и наклонился вперёд, напевая ей на ухо и проводя пальцами по её ключице в публичном обольщении, которым гордился бы даже трансвестит. Она закрыла лицо руками. Трой схватил её руки и опустил их вниз.

Зная, что песня практически закончилась, он самодовольно прошёлся обратно к передней части комнаты, спел последние слова и расстегнул ширинку на своих брюках.

Песня закончилась прежде, чем что-нибудь ещё было сброшено. Вот так намеренно. Семья захлопала как цирковые обезьяны. Кэти и Шана выглядели разочарованными. И он был вполне уверен, что не последнюю роль в этом сыграло пиво.

Усмехвшись, он покачал головой, надевая рубашку. Старшее поколение отправилось спать. Анна с Фишером присоединились к ним. Кэти едва стояла на ногах, Кейд плюхнулся на диван в состоянии близком к коматозному, а Шана всё ещё хихикала после посредственного стриптиза Троя.

— Нам следует отвезти вас, ребята, обратно в отель, — произнёс он.

Кэти надулась.

— Так рано? Как насчёт выпить ещё по одной?

Трой посмотрел на Кэм, которая шла в их сторону. Джон с грохотом отставил свою выпивку и присоединился к остальным, более чем слегка навеселе.

— Одна рюмочка, Кэти, дорогуша, и уходим.

Джастин зашёл за небольшой угловой бар и выставил целый ряд рюмок. Разлил текилу и передал их остальным. Он поднял свою рюмку.

— За семью, друзей и Кэм, напоминающую нам о текиле!

Они выпили — все, кроме Кэм и Троя — и поставили рюмки на барную стойку, перевернув их вверх дном. И прежде чем текила успела подействовать, Трой проводил их в гараж, а Хизер с Джастином направились в кровать. Кейд уже вырубился, когда Трой затащил его мёртвый груз на пассажирское сиденье.

Кэм посмотрела на них и покачала головой.

— Нам нужно было просто позволить вам, ребята, переночевать здесь.

Шана икнула.

— Мы не можем. Джастин отвёз все наши вещи в отель.

Кэм взглянула на Троя.

— Ты сможешь его перенести, когда мы туда доберёмся?

Трой кивнул и передал ей ключи. Она выпила всего один бокал вина, и то несколько часов назад, а вот он выпил несколько. Недостаточно, чтобы напиться, но он не хотел рисковать. Девушки забрались назад, а Джон с Троем заняли среднее сиденье. Кэм вывела внедорожник с дорожки и направилась к шоссе.

— Не дай им заснуть, — произнесла Кэм, поглядывая на него в зеркало заднего вида.

— Оу, мы не спим, — прокричала Кэти, а потом рассмеялась. — Кэм, а я и не знала, что ты такая весёлая. Серьёзно, я всегда считала тебе занудой. Милой занудой, но занудой.

Со своей выгодной позиции Трой мог видеть улыбку Кэм.

— Она весёлая, не правда ли? — Взгляд Камрин метнулся к нему, а затем обратно на дорогу.

— Я имею в виду, — продолжала Кэти, как если бы Трой ничего и не говорил, — очень весёлая. Серьёзно. Кто-нибудь ещё знал, что она такая весёлая? И Трой, приятель, в следующий раз тебе нужно снять *всю* одежду. Твоё тело офигенно сексуальное! Эй, Джон, а почему ты не разделся? Я всегда хотела увидеть тебя обнажённым. Всерьёз обнажённым.

Джон потёр лоб. Трой сомкнул челюсти. Друзья Хизер были *серьёзно* близки к тому, чтобы сломать дружеские границы. Алкоголь делал даже из лучших людей бестактных правдорубов.

— Ты уже подумала о своей речи для свадебного ужина, Кэм? — спросил Трой, меняя тему.

— Э-э, нет. Не совсем. Я подумывала просто сказать то же самое, что и на свадьбе у Фишера и Анны, просто вставив другие имена.

— О нет, — возразила Кэти. — Свадебный тост должен быть смешным и милым. И смешным...

Взгляд Камрин метнулся к заднему сиденью в зеркале заднего вида, а затем обратно на дорогу.

— На самом деле, я не забавная, Кэти.

— Будто ты сможешь обмануть меня после сегодняшнего вечера, — пробормотала Кэти, а затем рассмеялась, словно это было самое весёлое, что она сказала за целое десятилетие. — Хизер и Джастин влюблены, — вздохнула она. — Это так мило. Я хочу быть влюблённой, а ты, Джон?

Кэм заехала на круговую дорожку у входа в отель и заглушила двигатель, как раз вовремя, чтобы спасти Джона от ответа.

— У кого ключ от номера? — спросила она.

— О, у меня! — ответила Кэти и вывалила содержимое своей сумочки себе на колени. — Вот мой ключ от дома! — вскричала она так, словно это было величайшим открытием человечества.

— Ключ от *отеля*, а не от твоего дома, — поправила Шана. — Ты не умеешь пить, детка. — И глаза Шаны закатились — за две секунды до того, как она сама отключилась.

— Все на выход! — прокричал Трой, чтобы разбудить их, прежде чем ему придётся заносить их всех внутрь. Они подпрыгнули, придя в полную боевую готовность.

Трой схватил карточку-ключ с колен Кэти и запихнул оставшиеся разбросанные вещи в её сумочку. Он протянул карточку Кэм и поволок Кейда, перекинув того через плечо. Кэти

тяжело навалилась на Кэм, а Джон и Шана, спотыкаясь, плелись за ними через вестибюль.

— Где ключ от номера парней? — спросила Кэм возле стойки регистрации.

Все пожали плечами и отключились. Она вздохнула и повернулась к администратору:

— Нам нужна замена карты для номера...

— Два-пятьдесят, — проговорил портье, искоса поглядывая на Кейда на плече Троя. —

Он мёртв?

— Нет, просто после мальчишника. — Что должно было всё объяснить.

— Мы можем это ускорить? — подгонял Трой. — Он не такой лёгкий, как кажется со

стороны.

Администратор улыбнулся.

— Эта карточка-ключ открывает оба номера. У них есть смежная, общая комната, как они и просили.

— Отлично, — сказала Кэм, подтягивая Кэти поближе к своему боку, когда та начала оседать. — Пойдём.

После того, как все зашли в лифт, глаза Кэти медленно закрылись.

— Я люблю тебя, Кэм. Серьёзно, люблю. Мы должны как-нибудь снова потусоваться...

— Блин, — пробормотала она, похлопывая Кэти по щекам, когда дверь со звоном открылась. — Ещё несколько шагов, Кэти. Ну же. Не засыпай.

Кэм сунула карточку-ключ в замок и ногой толкнула дверь. Дотацив Кэти до кровати, она упала, когда Кэти не выпустила её из объятий, навалившись на неё сверху.

А спина Троя уже не выдерживала. Он открыл дверь соседней комнаты и бесцеремонно швырнул Кейда на кровать лицом вниз. Когда он вернулся в номер, Кэм пыталась поднять Шану с кресла. Джон вырубился на другом кресле.

— Я подниму её, — сказал он.

— Постой, — выпрямившись, произнесла Кэм, при этом переводя взгляд с Джона на Кэти. — У меня есть идея.

— Какая идея? — спросил он, желая просто лечь спать. Был почти час ночи, и он выбился из сил.

— Ты видел как Кэти смотрела сегодня на Джона?

Трой взглянул на обоих, а затем на неё.

— Нет.

— Думаю, он ей нравится.

Трой рассмеялся из последних сил.

— Знаю, это так же абсурдно, как и мы с тобой, но я считаю, что он ей нравится.

Трой тут же утомился.

— К чему ты клонишь, Кэм?

Она оглядела маленькую комнату.

— А что если они проснутся завтра вместе? Полностью одетые, ничего предосудительного. Возможно, она сделает первый шаг. Может быть, он посмотрит на неё по-другому.

Трой уставился на Камрин, его сердце переполняли чувства. Это работало. Список работал. Она верила в любовь, в счастливое «и жили они долго и счастливо» и видела в происходящем перед ней... магию. Она на самом деле пыталась подстроить это между Джоном и Кэти, чтобы дать им возможность действовать, основываясь на чём-то, чего у них, возможно, раньше не было. Он потёр затылок, желая к ней прикоснуться. Расплакаться от

того, как сильно хотел её.

— Извини. Плохая идея. Не бери в голову...

В ответ Трой наклонился и перекинул руку Джона через плечо, перетаскивая его на кровать, в которой лежала Кэти. Затем он прошёл в другую комнату и переместил Кейда на диван. И последней он перенёс Шану в освободившуюся кровать Кейда. Он подпёр дверь соседней комнаты книгой, чтобы та не закрывалась, выпрямился и взглянул на Камрин.

Она сглотнула, глядя на него с другого конца комнаты с тем же выражением на лице, которое у неё было неделю назад во дворе Хортонов. Шок. Желание. Чувство.

Он хотел ощутить запах лемонграсса из своей памяти так же сильно, как и желал взять её. Сейчас. И навсегда. Нарушить каким-нибудь образом законы физики и изменить то, кем они являются, чтобы заставить то безумство между ними возыметь успех. Но горечь реальности возвратилась слишком рано, выбив его из равновесия.

— Давай возвращаться, — произнёс он.

Она медленно кивнула и вышла впереди него из комнаты.

Оказавшись в холле, она остановилась у стойки регистрации.

— Постояльцев из номеров два-пятьдесят и два-пятьдесят два необходимо разбудить в восемь тридцать. Не могли бы вы, пожалуйста, продолжать звонить до тех пор, пока вам не ответят?

— Да, мэм.

Обратно они ехали в молчании, и он не мог не спрашивать себя, о чём же она думает. То, что она сегодня сделала, доказывало: она меняется. Захочет ли она Максвелла после того, как они вернутся домой? Будет ли она стремиться к настоящей любви, к лучшему? Ибо она заслуживала гораздо лучше того, чем довольствовалась в прошлом.

— Кэм, знаю, я спрашивал это раньше, но я должен спросить ещё раз. Ты любила Максвелла?

Её хватка на руле усилилась, а затем расслабилась.

— Не знаю, — тихо проговорила она. — Думала, что любила, но теперь...

— Что теперь?

Она пожала плечами.

— Не думаю, что любила. Нет.

— А он тебя любил?

— Сомневаюсь в этом. А если и да, то у него забавный способ это продемонстрировать. — Она вздохнула. — Хотя в этом была и моя вина. В некотором смысле он был прав. Я не дала ему всего, и он получил это от другой. Я даже больше не могу злиться. Кто может его осуждать?

Трой. Трой может прекрасно осудить Максвелла кулаком по лицу.

Кэм заехала в гараж и заглушила двигатель. Когда он не сделал попытки выйти, она посмотрела на него.

— Мы друзья, Кэм. И как твой друг, я попрошу тебя об одном одолжении. Пожалуйста, ради меня, не возвращайся к нему. Найди кого-нибудь другого.

— Откуда это взялось, Трой?

Его взгляд метнулся к двери, пальцы вцепились в ручку.

— От сердца.

Без дальнейших объяснений он вышел из машины, оставив её в гараже, всё так же сидящей за рулём. Он прошёл через дом и поднялся вверх по ступенькам. Повернул в

сторону их спальни, но тут же вспомнил, что нужно идти в комнату Джастина.

Открыв дверь, он нашёл Джастина на кровати, печатающим на своём ноутбуке.

— Почему ты всё ещё не спишь? — спросил он, бросая бумажник на комод.

Джастин пожал плечами.

— Не мог уснуть. Решил проверить свою электронную почту.

Трой стянул рубашку через голову и набросил на ручку, выдвинутую из его сумки.

— Ты же не нервничаешь, правда? — пошутил он, спуская брюки.

— Не-а. Сделать Хизер предложение — самое разумное, что я когда-либо совершил. —

Он закрыл ноутбук и положил его на пол, а затем растянулся под одеялом. — Знаешь, я бы предложил тебе сделать то же самое с Кэм, но ведь всё это было ложью.

Трой замер у кровати, уставившись на Джастина.

— Я думал, что Хизер единственная, кто в курсе.

— Ошибаешься. Было не сложно догадаться.

Трой забрался в постель, задаваясь вопросом, кто ещё пришёл к такому же выводу. Он сделал это ради Кэм, которая в свою очередь сделала это ради Хизер, чтобы не испортить свадьбу.

— Не беспокойся, — заверил Джастин, — никто больше не знает. На самом деле, я даже не уверен, что *ты* знаешь.

— И что это должно означать?

— Это ты мне скажи, приятель. — Его брови вопросительно приподнялись.

Джастин уставился на него, ожидая ответа. Но Трой не собирался отвечать. Джастин, возможно, и распознал ложь, но это не означало, что Трой должен выложить правду.

Уголок рта Джастина изогнулся.

— Похоже, ты тоже повёлся на эту ложь.

Трой выдохнул и провёл рукой по лицу.

— Я не знаю, что и сказать, Джастин, кроме того, что между мной и Кэм никогда ничего не выйдет. Так что выброси это из головы.

Джастин потянулся и выключил прикроватную лампу.

— Если отпустишь её, то в конце этой шутки ты останешься в дураках.

— Это не шутка.

— Не-а, конечно нет. — Джастин помолчал, глядя на него в темноте. — И также, конечно, не смешная, так ведь? — Джастин перекатился на другой бок.

Трой уставился на спину Джастина, ненавидя то, насколько тот прав. Через несколько минут, когда он подумал, что Джастин уже заснул, Трой лёг, закинув руку на лицо.

— О, и Трой?

Трой нахмурился.

— Да?

— Оставайся на своей стороне кровати. Каким бы соблазнительным я ни был, завтра я женюсь.

Трой рассмеялся и отвернулся.

Глава восемнадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Из плохих решений получаются хорошие истории.

Мужчин было решено разместить в медиа-комнате, а женщин — в библиотеке. Кэти воспринимала это правило «не видеть невесту» очень серьёзно. Бедняжке Бернис пришлось самой заниматься организаторской командой. Они видели её всего лишь раз — когда она заглянула к ним и объявила о прогнозе погоды, утверждая, что будет двадцать четыре градуса и солнечно.

Камрин очищала апельсин, дожёвывая последний кусочек тоста. Она не невеста. Маникюрш и парикмахеров не будет ещё час. Так что она спокойно могла уйти, чтобы немного помочь Бернис.

— Я вернусь через час, — заявила Камрин, вставая.

— А можно мне пойти с тобой? — спросила Эмили, вскакивая из-за стола.

Жестоко заставляя трёхлетку оставаться в одной комнате до середины дня, даже если у неё имеются бесконечные запасы раскрасок и фильмов. Камрин протянула Эмили руку, чтобы забрать её с собой.

Они обнаружили Бернис снаружи у восточной стороны дома, наблюдающей, как команда из двадцати человек устанавливает белые складные стулья по обе стороны от белой ковровой дорожки. По плану Бернис гости со стороны невесты должны выйти из задней части дома и обойти его вокруг.

— Думаю, вы упустили своё призвание, — сказала Камрин, протягивая Бернис дольки апельсина. — Вам следовало стать организатором свадеб.

Бернис улыбнулась, а затем вздрогнула.

— Нет! — окрикнула она команду. — Арка устанавливается на платформе, где будет стоять пара во время клятвы. — Она повернулась к Камрин. — Глупо прозвучит, если скажу, что всегда хотела устроить свадьбу здесь?

— Я так не думаю. И спасибо вам за это. Моя семья не самая организованная. Если бы семья Анны не взяла все хлопоты об их свадьбе на себя, то у нас были бы проблемы.

Бернис улыбнулась и повернулась к Эмили:

— Ты рада?

Эмили решительно кивнула:

— Я смогу надеть красивое платье и уложить волосы как тётя Хизер.

— Мы можем чем-нибудь помочь? — оглядываясь, спросила Камрин. Команда уже многое успела сделать.

Бернис откусила от дольки апельсина:

— Нет, но спасибо. Я в основном только контролирую. Мне нужно пойти и проверить остальных.

Они последовали за ней к западной стороне дома, где другая команда устанавливала импровизированный танцпол, бар и круглые столики для ужина. С дерева за сценой спадал кабельный шнур.

Эмили выглядела сбитой с толку.

— Что они делают на деревьях?

Бернис улыбнулась, склонив голову и наблюдая за мужчинами.

— Они развешивают нити белых гирлянд на ветвях, чтобы выглядело романтично.

— А что значит «романтично»?

Растерянная Бернис повернулась к Эмили:

— Эм, ну...

Камрин поспешила ей на помощь:

— Когда люди любят друг друга, они делают что-нибудь романтичное, чтобы показать свою любовь. Например, дарят цветы. — *Или танцуют под дождём.* Камрин закрыла глаза и покачала головой. Это была не любовь, а всего лишь пункт из списка Троя.

Эмили это не убедило.

— Но рождественские гирлянды — не любовь.

Камрин оглядела двор, представляя, как он будет выглядеть сегодня вечером после ужина.

— Когда стемнеет и начнёт играть музыка, люди будут танцевать прямо здесь, держась за руки и кружась, словно в сказке. На столах будут красивые цветы и мягко светящиеся свечи. Но на деревьях будет настоящая романтика. Всё, что ты увидишь, — тысячи маленьких белых огоньков, мерцающих как звезды, наблюдающих за тётей Хизер и дядей Джастином. Разве это не будет красиво?

Когда она отвела взгляд от Эмили и посмотрела на Бернис, то на ресницах женщины блеснули слезы.

— Хорошо сказано, Камрин. Именно этого я и добивалась. Похоже, я здесь не единственный романтик.

Станным было то, что Камрин никогда не была романтиком. До недавнего времени у неё всегда всё сводилось к логике и необходимости. Романтика считалась глупостью. Иллюзией, созданной для потворствования нереалистичным версиям истинной любви. Объяснение, данное ею только что Эмили, было настолько несвойственно её характеру, что она чуть не ахнула.

Сглотнув, она посмотрела на Эмили:

— Почему бы тебе не побегать немного? Как только уложишь волосы и наденешь платье, то не сможешь играть какое-то время.

Эмили кивнула и бросилась бежать к деревьям, широко раскинув руки в виде самолёта. С трудом повернув направо, она направилась за сцену и завращалась по кругу.

— Я что-то не так сказала? — спросила Бернис.

Чтобы успокоить Бернис, Камрин улыбнулась. У неё в животе будто лавина обрушилась.

— Нет. Просто эту неделю я веду себя несвойственно самой себе, вот и всё. Думаю, это из-за того, что здесь я чувствую себя не в своей тарелке.

Бернис кивнула, наблюдая, как играет Эмили.

— Знаешь, вести себя не так, как обычно, ещё не означает, что ты — это не ты, Камрин. Это просто говорит о том, что ты даёшь проявиться другой стороне своего характера. У каждого человека есть другая сторона. Ограничь её, и ограничишь весь свой потенциал.

Камрин посмотрела на Бернис, грудь неожиданно сдавило. Никто и никогда не говорил с ней так раньше, не объяснял что-то настолько просто, что даже Камрин не чувствовала себя виноватой или ненормальной. Возможно, Бернис права. Может быть, она просто не позволяла себе думать или действовать с этой стороны своей личности, всегда оставаясь здравомыслящим членом семьи.

Её семья нуждалась в благоразумии.

— Думаю, — продолжала Бернис, — вы с Троем составляете прекрасную пару. — Она развернулась к ней лицом, улыбка в её глазах не затронула губ. — Не только прекрасную снаружи, но также и внутри. Вы дополняете друг друга, выявляете лучшие качества один в другом. Я верю, что такие пары, те, у которых нет ничего общего, самые долговечные. Это не даёт отношениям стать банальными, тебе так не кажется?

Камрин открыла рот, но снова закрыла. Могло ли это быть причиной того, что к Трою она чувствовала что-то другое, нежели к любому другому мужчине? Не только потому, что они были связаны дружбой, общим детством, но и из-за того, что они дополняли друг друга?

Ещё один романтический идиотизм. Но который почти имел смысл. За исключением того, что Бернис не знала, что всё это ложь, а если бы знала, то не говорила бы так сейчас. По правде говоря, что бы ни происходило между ней и Троем, это не любовь. Это не могло быть любовью. Со временем он устанет от неё и захочет девушку повеселее. А она станет им недовольной и захочет стабильного парня.

Бедняжка Бернис просто пыталась быть милой, поэтому Камрин сдержала слёзы и улыбнулась:

— Спасибо. Было очень мило с вашей стороны сказать это.

В этот момент на подъездную дорожку заехало несколько машин. Камрин наблюдала за тем, как Грегори — человек, осветливший пряди и подстригший ей волосы в салоне, — вышел из первого автомобиля. Она вздохнула и взглядом поискала Эмили, найдя её возле одного из столов.

— Эмили, нам уже пора заходить. — Её племянница без возражений подбежала к ней и схватила за руку. — Если понадобится помощь, Бернис, просто скажите. Мне не обязательно находиться в доме весь день.

Камрин привела Эмили к библиотеке и открыла дверь. Но прежде чем она успела шагнуть внутрь, оттуда выскочила Кэти.

— Мне нужно с тобой поговорить!

— Хорошо, — ответила она, волнуясь, что что-то не так со свадьбой. Она завела Эмили в библиотеку, подождав, когда туда же зайдут парикмахеры и маникюрши, и закрыла за ними дверь.

Кэти потянула её в коридор подальше от библиотеки.

— Прошлой ночью я напилась. *По-настоящему* напилась.

Преуменьшение века. Камрин улыбнулась.

— Да, так и было.

— Я многого не помню. — Глаза Кэти расширились. — Этим утром...

Камрин было интересно, произошло ли что-нибудь между Кэти и Джоном после того, как они с Троем все подстроили.

— Так что насчёт этого утра? — подсказала она.

Кэти провела руками по своим светлым кудрям, приводя их в беспорядок.

— Слушай, уже несколько месяцев как я испытываю чувства к Джону. Больше похоже на влюблённость. Знаешь, просто интерес и всё такое. Но этим утром мы проснулись вместе. В одной постели.

— Понятно, — проговорила Камрин, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не рассмеяться. — И что произошло?

— Вот именно! Я не знаю. Я подумала, может, ты можешь помочь. Ты отвезла нас в

отель. Это последнее, что я помню.

Это было не то, чего добивалась Камрин. Её живот начало сводить от вины.

— Мы высадили вас и вернулись сюда.

Кэти вздохнула.

— Мы были одеты. Так что ничего не произошло, полагаю. Не считая того, что, когда мы проснулись...

Хм.

— И что?

Взгляд Кэти от собственных ног переместился к глазам Камрин. Её губы дрожали.

— Я никогда не думала, что он будет смотреть на меня так, больше чем на друга. Я всегда думала, что ему нравишься ты. Вы, двое, оба...

— Зануды.

Её глаза снова расширились.

— Нет, это не то, что я имела в виду. Вы просто очень сдержанные, очень...

— Занудные. Этим словом ты охарактеризовала меня прошлой ночью.

— О боже! Не может быть! Кэм, я сожалею...

Камрин покачала головой и рассмеялась.

— Не беспокойся, Кэти. Я и *есть* зануда. Ну а сейчас, что тебя так расстроило?

Взгляд Кэти сосредоточился на стене позади Камрин.

— Когда я проснулась, он был там. Лежал рядом со мной на кровати, уставившись на меня. И прежде чем я успела даже поинтересоваться, как мы там оказались, он наклонился и поцеловал меня.

Итак, её план сработал, и она была права в том, что Джон нравится Кэти. Её чувство вины поубавилось. Тогда в чём проблема?

Глаза Кэти наполнились слезами.

— Это было невероятно, Кэм. И сейчас я нахожусь в затруднительном положении. Я имею в виду, реально ужасном. Это может разрушить нашу дружбу.

Камрин было знакомо это чувство. А вот опыта давать советы о любви и отношениях не было.

— Тебе следует поговорить об этом с Хизер. Я не тот человек...

— Ты знаешь, что я чувствую. У тебя с Троем то же самое. Что мне делать?

Камрин сглотнула.

— Кэти, я даже не знаю. Я также не знаю, что делаю. — Лицо Кэти погрузнело, и Камрин попыталась найти способ помочь. — А что чувствует Джон?

Кэти пожала плечами.

— Когда он отстранился после поцелуя, то извинился и направился в душ.

— Понятно. — Камрин посмотрела на коридор в сторону медиа-комнаты. Она сходит проведать парней и посмотрит, сможет ли что-нибудь разузнать. Это её вина. Ей не следовало совать свой нос в дела романтики. Камрин скорее была сводной сестрой, нежели Золушкой. — Ладно, сохраняй спокойствие. У тебя будет шанс поговорить с ним после церемонии. А до тех пор ничего не решится. Всё будет хорошо.

Кэти кивнула и вытерла глаза.

— Это того стоит? — прошептала она. — Рискнуть с другом? Даже если знаешь, что всё неправильно, но ощущается правильным?

Она не была влюблена в Троя больше, чем он был влюблён в неё. То, что у них было, —

вихрь, вызванный обстоятельствами и мгновением. Он действительно заставил её ощущать себя по-другому. Особенной. И он на самом деле был ей настолько дорог, что это начинало причинять боль. В конечном счёте, любовь это или нет, эта попытка с Троем уничтожит её. Но стоило ли это того? После всего, что было сказано и сделано? Ей хотелось сказать «нет». Вся боль, что придёт позже, не стоит нескольких мгновений блаженства. Но это было бы ложью.

— Да, оно того стоит, — Камрин сделала глубокий вдох. — Отправляйся обратно. Я вернусь через пару минут.

— Куда ты идёшь?

Камрин обернулась:

— Исполнять роль Крестной феи.

Кэм прошла по коридору, потом через кухню и оказалась на противоположной стороне дома. Она один раз постучалась в дверь медиа-комнаты и вошла. Джастин с Фишером сидели в креслах, стуча пальцами по джойстикам, соревнуясь в гоночной видеоигре. Остальные подбадривали их сзади. В дальнем углу Джон в одиночестве пялился в телевизор с таким видом, словно он вообще ничего не видел.

Когда она подошла к нему, он поднял на неё глаза.

— Что-то не так?

Она улыбнулась, покачав головой. Всё очень даже так. Бедняга Джон был так же взволнован, как и Кэти. С тем же самым подавленным выражением лица. *Полагаю, иногда кое-чему суждено случаться.*

Она наклонилась, взяв его за руку, и прошептала ему на ухо:

— Она чувствует то же самое по отношению к тебе. Пригласи её позже на танец. Скажи ей, что чувствуешь.

Его ладонь стиснула её руку.

— Ты уверена?

— Да. — Поцеловав его в щеку, она выпрямилась.

Камрин повернулась, чтобы уйти. Трой наблюдал за ней с другого конца комнаты. Она улыбнулась и кивнула, надеясь, что он понял: прошлой ночью они вместе сделали что-то хорошее.

Трой возился с бабочкой для смокинга, пытаюсь понять, что, чёрт возьми, Кэм подразумевала тогда этим своим выражением лица. А если она воспользовалась его советом и пригласила Джона на свидание? Ибо это было не совсем то, что он имел в виду, когда сказал «влюбись». Оптимистичной, глупой частью своего разума, он надеялся, что она выберет его. Надеялся, что она влюбится в него.

Зарывав, он содрал бабочку со своего ворота.

К нему подошёл Джон и забрал у него бабочку. Не говоря ни слова, повязал её и кивнул.

Трой посмотрел в зеркало.

— Спасибо. — Джон усмехнулся и стал серьёзным, а потом вновь улыбнулся. О чём бы они с Кэм ни разговаривали, это сделало мужчину счастливым. — Почему ты улыбаешься как идиот?

Ладно, это не совсем дружелюбно, Трой.

Джон покачал головой.

— Давай просто скажем так: я оставляю танец для твоей женщины, если сегодня все получится.

Трой обернулся.

— Что она сделала?

— Я думал, что совершил огромную ошибку. — Джон посмотрел на него и осознал, что Трой не понимает. — Этим утром мы с Кэти проснулись в одной постели. И я её поцеловал. — Он засмеялся. — Не знаю, что на меня нашло. Я просто... я подумал, что всё испортил. Но потом Камрин сказала, что это не так. Она сказала, чтобы я позже пригласил Кэти потанцевать и рассказал ей о том, что я чувствую.

— Камрин так сказала? *Моя Кэм?* — Вот это да.

Тут подошёл Джастин и хлопнул его по плечу:

— Пора идти, приятель.

Трой кивнул, следуя за парнями из комнаты и выходя через переднюю дверь. Они обошли вокруг дома в сторону двора.

По обе стороны от прохода на стульях расположились, по меньшей мере, две сотни человек. Священник ждал на платформе, вытирая лицо платком. Территорию вокруг него и арку выше украшал целый грузовик белых роз.

По крайней мере, ему не придётся отстаивать два часа православного венчания, как у Фишера с Анной.

— Последний шанс, — предупредил Джастина Фишер. — Никто не будет винить тебя, если ты дашь дёру.

Джастин рассмеялся:

— Ни за что на свете.

Когда оркестр из восьми человек начал исполнять «Canon in D», Джон с Кейдом выстроились в линию, чтобы сопроводить Нану, маму и родителей Джастина по проходу к первому ряду. За ними последовал Джастин и, даже не дрогнув, встал рядом со священником.

Трой оглянулся через плечо, увидев Анну с Эмили, а затем Кэм, выходящих из больших стеклянных дверей. И его сердце остановилось.

Лавандовое платье облегалo её, словно перчатка, — идеальный цвет в контрасте с её кремовой кожей. Её волосы были уложены в кудри и скреплены сзади, открывая вид на ангельское личико и огромные глаза. Она по-другому нанесла макияж. От чего её глаза выглядели ещё больше, а губы — вишнёво-красными.

— Ух ты!

Она оглядела себя.

— Спасибо, я думаю.

— Много думать вредно. И, боже, Кэм... ты прекрасна.

И в кои-то веки, на одну восхитительную секунду, она не усомнилась в комплименте. Девушка лишь улыбнулась и сказала:

— Спасибо.

Кэм передала Анне букет из пурпурной бегонии и белых лилий и присела на корточки, обращаясь к Эмили:

— Запомни: дождись, когда мы с дядей Троем пройдем по проходу, прежде чем выходить. И бросай лепестки цветов, пока идёшь.

Музыка сменилась на «Clair de lune» — сигнал для Фишера и Анны начинать. Как только они оказались у алтаря, Трой повёл Камрин, медленно считая про себя, чтобы потом Нана не смогла накричать на него за спешку. У алтаря они развернулись и заняли свои

места, наблюдая за Эмили. Она сделала два шага и бросила корзину с лепестками, а затем продолжила идти к ним.

Гости засмеялись, заставив Эмили остановиться и оглядеться. Камрин посмотрела на Анну, та покачала головой и подошла к Эмили.

— Но тётушка Кэм сказала бросить лепестки!

Гости снова засмеялись. Анна взяла Эмили за руку и выпрямилась со смущённой улыбкой. Анна подняла корзину и вместе с Эмили разбрасывала лепестки, пока они наконец не добрались до алтаря.

А затем вышла Хизер с отцом. Гости встали и онемели от её красоты, платья, огромного количества белых роз в её букете. Картинка была достаточно безупречной для обложки журнала. Джастин выглядел так, словно хотел расплакаться.

Но всё, что видел Трой, — это Камрин, окинув остальное лишь мимолётным взглядом. Солнечный свет в её волосах цвета корицы, лучи заходящего солнца на её коже и улыбку, не покидающую её лица, переполненную радостью за Хизер. Ему было жаль, что она не могла видеть себя так, как видел её он.

Она взглянула на него только раз после того, как Кэти начала первую часть своего выступления, невольно бросив ещё один взгляд, когда заметила, что он наблюдает за ней. Её глаза метнулись к паре, молча прося его перенести своё внимание на них. Но ему это было не нужно. Трой предпочёл любоваться ею. Он едва заметно покачал головой. Её губы поджались, глаза сузились, прежде чем она снова переключила внимание на церемонию.

Он продолжал смотреть на неё и тогда, когда пара произносила клятвы, и когда Фишер передавал кольца, и вплоть до тех самых пор, пока Джастин с Хизер не поцеловались, скрепляя союз.

Он наблюдал за ней, зная, что это их последняя ночь вместе. Наблюдал, гадая, могло ли все быть по-другому.

После молодожёны позировали для фотографа и встали в линию, принимая поздравления. К тому времени, когда они сели во главе стола за ужином, Трой готов был затащить Кэм в дом и запереть дверь их спальни. Оставив снаружи то, что должно быть, ради того, что могло случиться.

Джастин встал и постучал по своему хрустальному бокалу. Толпа притихла, чтобы послушать.

— Если бы я сегодня умер, то ушёл бы счастливейшим из мужчин. Впервые увидев Хизер, я сразу же понял, что она создана для меня. — Гости восторженно зашебетали и растаяли от умиления. — Мы с Хизер хотим поблагодарить всех вас за то, что приехали, а некоторые из вас издалека, чтобы отпраздновать с нами.

Зазвенели бокалы. Фишер с Анной встали и произнесли свою речь вместе, заставив Троя задуматься, следует ли им с Кэм поступить так же.

Но было слишком поздно. Трой поднялся и взял микрофон.

— Хизер, можешь положить руку на стол? — Она выполнила просьбу. — Хорошо. А теперь, Джастин, положи свою руку поверх её. — Джастин, всё ещё улыбаясь, сделал, как было указано. — Посмотри хорошенько, основательно. Джастин, это последний раз, когда ты имеешь превосходство. — Гости взревели от смеха. Трой в тосте поднял фужер шампанского. — За отказ от мужественности ради любви. По-моему, это того стоит.

Когда он сел, поднялась Кэм, и он пожалел, что не позволил ей выступить раньше него. Кэм, вероятно, воспользуется своей переработанной речью со свадьбы Анны и Фишера. Не

занудной, но и не от всего сердца. Был бы он последним, никто бы не запомнил её слов, и она бы не почувствовала себя так, словно совершила ещё что-то неправильное в длинной череде ошибок.

Она взяла микрофон и откашлялась.

— Сказки — это всего лишь слова в книге. Эти истории о любви и завоевании, все они о том, как обретают любовь, казалось бы, недостижимое чувство, — проговорила Камрин.

Трой окинул взглядом опущенные лица, понимая, что это не сделанная под копирку речь, и также надеясь, что это не её взгляд на настоящую любовь. Чёрт, им следовало произнести речь вместе. Это будет некрасиво. И когда он уже собирался встать и спасти её, она продолжила:

— Но кое-кто меня недавно научил... — Она замолчала, улыбнувшись ему, перехватив его дыхание, — ... важно не то, настоящие они или нет, а скорее то, верим ли мы, что они реальны. — Она оглянулась на гостей, а затем на Хизер с Джастином. — Так пусть этот день станет вашим «и жили они долго и счастливо».

Пока все ликовали и хлопали в ладоши, поднимая тосты за речь Камрин и за молодожёнов, Трой пристально смотрел на женщину, которую знал больше половины своей жизни и не знал вообще. И в эту минуту он решил сражаться. Он будет бороться за неё, за них. Он не отдаст её никому, и неважно, какие будут последствия и как всё обернётся. Неважно, что он простой строитель, а его отец пьяница. Он и капли в рот не возьмёт. Он подарит ей всех тех малышей, которых она хочет. Сделает всё, что в его силах, чтобы сделать её счастливой.

Если она захочет его.

Камрин села рядом с ним. И прежде чем она успела придвинуть свой стул, он обхватил её за шею и поцеловал. Прямо у всех на глазах, давая им понять, что она принадлежит ему.

Отстранившись, он опустил свой лоб к её.

— Это было прекрасно, Кэм.

— Спасибо. — Девушка откинулась назад, позволяя официантам поставить их тарелки. Она подняла вилку, чтобы разделить лосося. — Я набираюсь от тебя. И превращаюсь в сентиментальную женщину. Знаешь, я на самом деле ранее вмешалась ради Кэти и Джона. Я.

Она рассмеялась. Он сглотнул.

— Камрин...

Она посмотрела на него, и он не смог найти слов, чтобы выразить всё то, что чувствовал. Во всём мире не было достаточно слов, которые могли бы хоть отдалённо объяснить его чувства. Он словно тонул. В ней.

На её лице мелькнуло беспокойство.

— С тобой всё в порядке? — Он покачал головой. Она развернулась на стуле. — Ты сегодня ел? — Он снова покачал головой. — Ты выглядишь бледным, Трой. Поешь что-нибудь.

— Еда не поможет.

— Тогда в чём дело?

Глядя в её карие глаза, он попытался моргнуть. Попытался выдавить три простых чёртовых слова и не смог. Сейчас не время. И не место. Ему нужно, чтобы они были наедине. Только он и она.

— Ни в чём, — ответил он. — Не бери в голову. Давай есть, пока всё не остыло. — Кэм

посмотрела с сомнением, так что он засунул в рот ложку дикого риса, чтобы доказать, что с ним всё хорошо.

К тому времени как подали торт и опустели тарелки, уже спустились сумерки. На деревьях замерцали гирлянды, отбрасывая белое свечение сквозь листья. Джастин повёл Хизер к платформе через свободное пространство в центре от расставленных столов. Диджей поставил их песню для первого танца.

Камрин опустила подбородок на ладони и наблюдала с видом мечтательной маленькой девочки, воображающей своё собственное великое событие. Она стала другой. Всё в ней было по-другому. Она всё ещё оставалась Кэм — спокойной и слишком умной для своего собственного блага. Но не стало всего того веса, отягощающего её, всех тех сомнений, ограничивающих её свободу.

Возможно, это сделал он. Возможно, весь этот фарс вёл их сюда, где они и должны были оказаться.

К ним подскочила Эмили и залезла Кэм на колени.

— Огоньки действительно выглядят красиво, — прошептала она Кэм. — Теперь все влюбятся? Из-за романтичности?

— Романтики, ты имеешь в виду? — Камрин улыбнулась своей племяннице, и пульс Троя участился. Он никогда не видел у неё улыбки, похожей на эту. До сих пор всегда следовала заминка, прежде чем она улыбалась, как будто ей приходилось заставлять себя улыбнуться.

— Может быть, — ответила она Эмили. — Если они достаточно удачливы, чтобы влюбиться.

Святые угодники. Он это сделал. Он заставил её поверить в волшебство, любовь и в счастливый конец. Заставил её беззаботно улыбаться и громко смеяться. Валять дурака, делать что-то спонтанное, злиться... всё это сработало. Наблюдая за ней сейчас, он понял. Она верит.

Но хочет ли она его?

Подожёл Фишер и стянул Эмили с колен Кэм.

— Следующий танец твой, Эм.

Небольшая группа гостей заполнила танцпол. Фишер пошёл в ту сторону вместе с Эмили. Как только он оказался за пределами слышимости, Трой взглянул на Камрин.

— Если я приглашу тебя на танец, ты позволишь мне вести?

Она рассмеялась.

— Всё зависит от обстоятельств. Ты умеешь танцевать?

— Нет, но я могу притвориться.

Он взял её за руку и подвёл к краю танцпола. Притянул её к своей груди и начал танцевать. Она позволила ему вести. Закрыв глаза, он улыбнулся ей в волосы.

Лемонграсс.

— Ты это видишь? — спросила она.

Он отстранился с большим сожалением. Его взгляд проследил за её к Кэти и Джону, которые танцевали и улыбались.

— Похоже, ты всё-таки это сделала, Кэм. А говорила, что не веришь.

Её щека слегка коснулась его, когда она повернулась к нему. Она чувствовала себя слишком хорошо, слишком реально в его объятиях. У него остался всего лишь один пункт в списке. Ещё одна ночь с ней. После этого, послезавтра, он должен её отпустить.

Но его сердце не прекратит биться.

— Камрин, скажи мне кое-что. Эти мужчины, что были до меня, заставляли твоё сердце биться быстрее? Внутренности трепетать? Смеяться до головокружения?

Она замерла и отклонилась назад, чтобы взглянуть на него. Тысяча эмоций промелькнула одновременно, пока он даже дышать не мог в ожидании её ответа.

— Нет, — ответила она, отводя взгляд и снова начиная двигаться.

— А я?

И опять она замерла, на этот раз не глядя на него. Её пальцы сжались в его ладони. Её дыхание обдавало его шею.

— Заставляли ли другие женщины до меня чувствовать тебя подобным образом?

Сумасшествие, но он чуть не сказал, что до неё не было никаких женщин.

— Нет.

— А я? — Она использовала его же тактику против него. Умная девочка.

— Ответь на мой вопрос, Кэм.

Но тут по её плечу похлопал Джон. Она резко обернулась.

— Позволь позаимствовать Камрин на минутку, — сказал Джон. — Всего лишь на пару слов. И я сразу же верну её обратно.

Трой посмотрел на неё: глаза опущены, плечи напряжены. Он так долго ждал этого ответа от неё, что может продержаться ещё несколько минут. Трой кивнул.

— Я буду ждать тебя у столика. И мы закончим этот разговор.

Глава девятнадцатая

*Уроки жизни согласно Камрин:
Иногда созерцателям красоты нужны очки.*

Камрин наблюдала за уходом Троя и вздохнула, казалось бы, впервые за несколько минут. Джон взял её за руку и повёл в танце. Её голова кружилась от вопроса Троя, и она чуть не подпрыгнула, когда Джон начал говорить:

— Я воспользовался твоим советом.

Она заставила себя сосредоточиться и улыбнулась ему.

— Похоже, всё прошло хорошо.

— Да. — Он замолчал, глядя на неё. — Я никогда не думал о Кэти больше, чем как о друге. Когда я проснулся этим утром и увидел её, что-то внутри меня изменилось. Странно, понимаешь? Она была прямо передо мной.

— Я понимаю. — Слишком хорошо она понимала. По крайней мере, для Джона и Кэти всё закончится хорошо.

— Я рад, что приехал на свадьбу и узнал тебя немного ближе. Ты не такая, какой я тебя представлял.

Её брови удивлённо приподнялись.

— А какой ты меня представлял?

Он пожал плечом.

— Честно говоря, я всегда думал о тебе как о замкнутой, неприступной женщине. Полагаю, я ошибался. Ты кажешься счастливой.

Она кивнула, правда резала её пополам.

— Надеюсь, вы, двое, тоже счастливы.

Когда песня закончилась, диджей поставил следующую в быстром ритме, одну из любимых Хизер с альбома волосатой группы, которую Камрин ненавидела.

— А вот и мой сигнал присесть.

Он задержал её ещё на секунду.

— Спасибо тебе, Камрин.

— Всегда пожалуйста.

В этот момент сзади её схватила рука и потащила вглубь танцпола. Когда она повернулась, ей улыбалась Хизер.

— Танцуй, — скомандовала сестра.

Камрин скрестила руки на груди.

— Эту песню я пропущу, Хизер.

Кэти рукой обхватила Камрин и Хизер, потянув их обеих за собой. И прежде чем Камрин успела осознать, она уже прыгала и танцевала вторую песню подряд. И хотя это мало походило на танцы, ей было весело.

Подруга Джастина, Джесси, поймала букет, а Кейд — подвязку. Камрин нахмурилась. Образовалась новая пара. После этого некоторые гости начали расходиться по домам или направлялись в отель.

— У меня уже ноги отваливаются, — сказала она Кэти. — Я посижу минутку.

Но у её отца оказались другие планы. Музыка сменилась медленной песней, и он взял её

за руку, прежде чем она успела добраться до лужайки.

— Ты сегодня очень мило выглядишь.

— Спасибо, пап. Ты тоже.

Он улыбнулся ей.

— Двое из моих детей вступили в брак. Когда же настанет твоя очередь?

Камрин засмеялась. Брови её отца удивлённо приподнялись.

Она покачала головой, идя на попятную.

— Эм, когда буду готова?

— Ты встречаешься с Троем уже больше года.

До сих пор ей никогда не приходило в голову, какую сердечную боль может причинить её родителям их разрыв. Трой им как родной. Видя Троя и Камрин вместе, они, вероятно, чувствовали себя счастливыми. Во всяком случае, после того как прошёл шок.

— Пап, не расстраивайся, если этого не случится, ладно?

— Что ты под этим подразумеваешь? — Его взгляд был встревоженным, но не рассерженным, из-за чего в животе у Камрин всё перевернулось.

— Ничего. Ну...

— Есть что-то, чего я не знаю?

Ага, всего.

Фишер тронул её плечо, когда песня сменилась, заняв место отца. Папа отступил в сторону и наблюдал за ней с разочарованием, проявившимся в складках его рта. Она знала, что к этому шло. Завтра они с Троем расстанутся, как только вернутся в Милуоки. Но это выражение на лице её отца заставило Камрин пожелать о лучшем исходе. Заставило её пожелать о том, чтобы она смогла соответствовать их понятию об идеальной дочери.

Тем временем её отец развернулся и пошёл прочь.

— Что ты сделала, чтобы так расстроить папу?

Камрин посмотрела на Фишера и пожала плечами.

— Ему хочется ещё одной свадьбы.

— И? — Она не ответила. — Ты не хочешь выходить замуж за Троя?

О боже, она хотела отчасти. Зачеркните это, она действительно хотела.

— Я пытаюсь быть реалисткой.

— Я тебя не понимаю.

Так же, как и она. Оставшуюся часть песни Камрин танцевала с братом, избегая с ним зрительного контакта и надеясь, что он больше не заговорит. Когда музыка закончилась и началась следующая, быстрая, Камрин направилась в сторону бара, прежде чем ещё кто-нибудь успел её остановить.

Кэм заказала белого вина и повернулась спиной к гостям. Улыбаясь бармену, она взяла предложенный им бокал и отпила из него.

— Я полночи прождал за столиком, Кэм.

На мгновение прикрыв глаза, она открыла их вновь и обернулась.

— Прости, Трой. Меня перехватили по дороге.

Он успел снять пиджак и галстук. Первые две пуговицы рубашки были расстёгнуты. И ей захотелось расстегнуть остальные. Распахнуть рубашку...

Трой забрал у неё бокал и поставил на барную стойку. Схватив за локоть, он повёл её за угол дома подальше от шума.

— Объясни мне, как этот разрыв должен произойти. Ты собираешься бросить меня

перед всей семьёй во время открытия подарков? В самолёте? А может быть, ты будешь так добра и подождёшь, пока мы не вернёмся домой. Давай просто покончим с этим. Мы можем устроить грандиозную ссору прямо сейчас. Я возьму микрофон диджея и остановлю музыку.

Его ноздри раздувались, губы плотно поджались. Камрин раскрыла рот от удивления, не понимая, откуда взялась эта внезапная вспышка гнева. Её взгляд блуждал по его лицу, останавливаясь на глазах. И хотя они сузились до щёлочек, злости в них не было, как и в этой вспышке.

Она сглотнула.

— Я не оставляю тебя, Трой. Никто никого не оставляет. Конец этих... отношений — это не конец всему...

— К чёрту всё это, Кэм. — Он схватил её за руку и притянул к себе. — Ты что-нибудь ко мне чувствуешь?

— Да, конечно, чувствую.

Он зарычал.

— Я не имею в виду как к другу. У тебя есть ко мне чувства? — Он медленно выговаривал каждое слово, словно беседовал с маленьким ребёнком.

Почему это его волнует? Трой не связывает себя отношениями. Он может говорить, что ему хочется любви и брака, но его действия доказывают обратное. Вот только было что-то в его глазах, чего она никогда не видела ни у него, ни у любого другого мужчины. То, как он смотрел на неё...

Ей не хватало воздуха. Дыхание вырывалось из лёгких.

Он выпустил её руку, и его лицо смягчилось, черты потеряли резкость.

— Мне нужно знать, Кэм. Пожалуйста. Есть ли внутри тебя место чему-нибудь ещё, кроме дружбы? — Его палец очертил контур её платья прямо над сердцем.

Она задохнулась, закрыв глаза. Признать правду — всё равно, что лишиться себя защиты. Но она не могла ему лгать. Не сегодня. Не после всего того, что он сделал.

Она открыла глаза.

— Да.

Он воззрился на неё со смесью облегчения и боли. Медленно его кадык передёрнулся. Он поднял руку, чтобы прикоснуться к ней, но резко отдернул её. Через несколько секунд он попытался вновь, на сей раз обхватив ладонью её щеку.

— Пойдём со мной наверх. Я должен кое-что тебе показать.

Она кивнула, не в силах отказать.

Взяв её за руку, он повёл её в сторону крыльца и завёл в дом через гаражную дверь. Они молча прошли через официальную гостиную и поднялись по лестнице. Оказавшись в их спальне, он закрыл и запер дверь. Подошёл к большим стеклянным дверям и задёрнул шторы. Затем расстегнул рубашку, снял её и отбросил в сторону.

Стоя на другом конце затемнённой комнаты, она смотрела на его спину, ожидая того, что он должен был ей показать. Он такой красивый. Такой привлекательный. Что, чёрт возьми, он потерял с такой как она? Даже если всё было только ради притворства, они пересекли черту, зашли слишком далеко, чтобы сейчас поворачивать обратно. Ей хотелось знать, почему он это сделал. После долгой паузы его голова опустилась, а руки упали к бёдрам.

— Подойди сюда, Кэм, — прошептал он, демонстрируя ей свой профиль.

Она расстегнула ремешки шпилек и выскользнула из них, по коже пробежала дрожь. Он

никогда не был таким, как сейчас. Она никогда не шла к нему первой. В их занятиях любовью инициатором всегда был он.

Камрин пересекла комнату, беря его руку в свою.

— Что ты хочешь мне показать?

— Тебя. Я хочу показать тебе саму себя.

Трой нежно потянул её в сторону ванной. Но вместо того, чтобы зайти внутрь, он закрыл дверь, оставив их стоять снаружи и смотреть в зеркало, достигающее до пола.

Он встал позади неё, опустив руки ей на плечи.

— Посмотри в зеркало, Кэм.

Она подчинилась, рассматривая их отражение и чувствуя себя ещё более обнажённой, чем если бы действительно была голой.

Его руки приподняли её волосы, вынимая шпильки одну за другой.

— Твои волосы — цвета корицы, так сильно отличаются от сербского наследия. Они пахнут лемонграссом. Я никогда не почувствую чего-то похожего на этот запах, не подумав о тебе.

Её волосы упали ей на плечи, когда он провёл по ним руками. Она задрожала от его нежности, гадая, к чему он завёл всё это с зеркалом.

Его глаза рассматривали её в отражении, а рот навис над её ухом.

— Ни у кого нет таких глаз, как у тебя. Они показывают каждую твою эмоцию, независимо от того, как сильно ты пытаешься их скрыть. Твой ротик — маленький, розовый, но когда ты улыбаешься, то улыбка расплывается на всё лицо. И я не могу перестать смотреть на тебя, когда ты улыбаешься.

Его губы скользнули по её шее к плечу. Она закрыла глаза.

— Открой глаза и смотри. — Она повиновалась, сглотнув, когда молния её платья поползла вниз. — Твоя кожа мягкая. И я обожаю маленькие веснушки на твоих плечах.

Платье упало на пол. Кэм попыталась прикрыть обнажённую грудь, но он обхватил её руки и опустил их вниз.

— У тебя изгибы именно такие, какие и должны быть у женщины. — Его палец пробежался по одной груди вниз, скользнув по боку к бедру, выжигая след на её коже. — Твоя грудь умещается в моих ладонях, — проговорил он и доказал свою теорию, обхватив их.

Она выгнулась назад, желая большего. Желая всего. Но Трой ещё не закончил.

Проскользнув пальцами под пояс её трусиков, он обошёл Камрин вокруг и потянул их вниз с бёдер к лодыжкам. И сам последовал тем же путём, вставая на колени перед ней. Она выскользнула из платья и трусиков, задрожав, когда он так и не поднялся.

— Твои ноги длинные и идеальной формы. Когда ты обвиваешь их вокруг меня, я теряю голову. — Его палец проследовал вверх по внутренней стороне её ноги к бедру. — А то, что между этих ног, сводит меня с ума.

И без какого-либо предупреждения он сомкнул рот над её жаром. Она задохнулась от неожиданности, ноги её подкосились. Одним плавным движением он поднялся и поймал её.

— Вот самая лучшая часть, Кэм, — проговорил он, задыхаясь. — Видеть тебя такой. Зная, что только я вижу тебя такой. — Его дыхание овеяло её щеку. — Посмотри в зеркало.

Её сердце бешено колотилось в груди, сокращаясь и содрогаясь от быстрых ударов. В горле застрял ком. Открыв глаза, она посмотрела на их отражение. На его спину, на руки, обнимающие её. На его упругие мышцы, на свои мягкие изгибы. Его загорелая кожа на фоне её светлой. Вместе.

— Вот как я вижу тебя, Кэм. Ты прекрасна.

Её глаза закрылись, сдерживая слёзы.

— Открой их, — потребовал он. — Посмотри на себя. Скажи это. Скажи: «Я красивая».

Из её горла поднялся приглушённый всхлип, и если бы она не почувствовала, как он вырвался, то не поверила бы, что он исходил от неё.

Она была права. Он оставит её беззащитной. Обнажённой до самых низменных основных порывов и потребностей. Именно то, от чего она пряталась. Никакой другой мужчина не сравнится с ним. Никакой другой не заставит её чувствовать подобное. Она проведёт остаток своей жизни опустошённой, в тщетном ожидании вновь испытать это чувство.

Он отступил на шаг, расстегнул штаны и бросил их на пол.

— Скажи это, Кэм.

— Ты красивый, — прошептала она, глядя на него.

Один уголок его рта изогнулся.

— Камрин...

— Я красивая.

Он легко улыбнулся, обезоруживая своим очарованием.

— А теперь поверь в это.

Её взгляд метнулся вверх, прочь от него. Слёзы капали на щеки.

— Твой список, Трой?

— Да, это есть в моём списке. Последний пункт. Но это отнюдь не делает то, что я сказал, менее правдивым. Я именно так и думаю. Хочешь знать, зачем я создал список, Кэм? — Большим пальцем он вытер её слезы.

Она посмотрела на него, осознавая, что не хочет знать. Может быть, несколько дней назад и хотела, но не сейчас. Каковы бы ни были его мотивы, они были только его. Причины не имели значения, только результат. Она, скорее, предпочла бы иллюзию.

— Нет.

Она снова отвела взгляд. Он коснулся её подбородка и привлёк её обратно.

— Скажи и на сей раз подразумевай то, что говоришь, Кэм. Поверь в это, потому что это правда.

Ей припомнились слова её отца, пока она смотрела на Троя. Всё, что сказал ей отец о том, почему она пряталась от красоты, как приобрела это представление о себе. А затем до неё начали доходить слова Троя.

— Я красивая, — произнесла она, глядя ему прямо в глаза и желая сделать больше, чем просто повторить его слова в качестве благодарности.

Она потянулась к нему, положив пальцы на его грудь. Когда мужчина наклонился, чтобы поцеловать её, она его удержала. Чувство неуверенности Троя относительно своего прошлого сдерживало его так же сильно, как и её собственное. Если у него мог быть список, то и у неё тоже. Ведь, возможно, однажды он встретит подходящую женщину и полюбит её так же, как он когда-то пожелал ей, но с другим парнем.

Она развернула его лицом к зеркалу, держась спиной к отражению.

— Камрин...

— Ш-ш-ш. А теперь ты послушай. — Она коснулась его лба кончиками пальцев. — Всё то плохое, что сделал и сказал твой отец, засело в твоей голове, заставляя тебя ставить под сомнение свои отношения. У тех, кто возле тебя, нет мотива. Мы здесь потому, что хотим

здесь находиться.

Он схватил её за руки, выдавив из себя её имя.

— Ты не переведёшь всё это на меня.

Она выдернула руки.

— Здесь, — сказала она, касаясь его груди, — доброе сердце. Парень, который никогда бы не причинил вреда другому человеку, потому что знает, как это больно. Поскольку он сильнее, чем его отец когда-либо был. У тебя есть совесть. И добрая душа.

Его руки упали по сторонам. Челюсти заскрежетали, и она увидела, как напряглись мышцы его лица. Когда её взгляд переместился к его глазам, он их закрыл.

— Открой глаза, — скомандовала она точно так же, как и он требовал от неё. — Увидь истину, Трой.

Его глаза медленно открылись, и он взглянул на неё. Затем судорожно вздохнул и отвернулся.

— Хватит, Кэм. Ты высказала свою точку зрения.

— Твои губы, — проговорила она, игнорируя его, — быстро отпускают шуточки или целуют меня до беспамятства. Никто и никогда не целовал меня до беспамятства. Но твой настоящий талант — это твоя обезоруживающая улыбка. — Она улыбнулась, вспоминая. — Твои глаза — озорные и тёмные, словно ты нарываешься на неприятности.

Её пальцы заскользили вниз по его плечам, по рукам, а он стоял прямо, стараясь не реагировать.

— Я могла бы и дальше продолжать говорить о твоём поразительном теле, обо всём том, что мы делали вдвоём, но ты всё это и так знаешь.

Камрин откинулась назад и взяла его за руки, переплетая их пальцы. Она подождала, пока он не посмотрел на неё, прежде чем закончить.

— Твои руки — лучшая твоя часть. Доказательство того, что ты усердно работаешь, что ты отказываешься пасть жертвой своего прошлого. И несмотря на то, какие они грубые и мозолистые, прикосновения твои нежные.

Она прижалась своим телом к Трою, кожа к коже, сердце к сердцу, и обняла его. Ему потребовалось несколько секунд, а затем его руки поднялись и обхватили её в ответ.

Он судорожно вздохнул.

— Зачем ты это делаешь? Это должно было быть о тебе. Ты пытаешься меня обезоружить? Потому что это работает, Кэм...

— Я подумала, что тебе следует увидеть мою правду так же, как ты показал мне свою.

— Что всё это значит? Ты и я. Мне нужно знать. Ты должна разъяснить это для меня.

Они уже вернулись к этому. И нет ни единого шанса заняться любовью в последний раз. Слишком быстро надвигалась реальность и маячащее «завтра».

Сглотнув, она попятилась и наклонилась за платьем. Затем подошла к шкафу и повесила наряд, прежде чем закрыть дверцу. Когда она потянулась за своей сумочкой на кровати, его рука схватила её раньше. И он зашвырнул сумку подальше.

— Не могла бы ты перестать избегать моих вопросов? Хотя бы на этот раз? — спросил он, и его голос звучал опасно низко, очевидно, на грани срыва. — Ты и я, Кэм. Разъясни мне.

Печаль мгновенно сменилась гневом. Она понимала, что это защитная реакция, но ей было плевать.

— Хорошо, Трой. Мы отлично провели вместе эту неделю. Это ты хотел услышать? Ты раскрыл меня, у нас было несколько хороших откровенных разговоров и отличный секс. —

Она оттолкнула его, когда он шагнул ближе. — Завтра мы уезжаем. Всё возвращается на круги своя. Это достаточно понятно?

Его глаза округлились. Губы скривились. Гнев исходил от него волнами, настолько сильными, что она почувствовала, как задрожала.

— Это всё, что было? — рявкнул он. Её подбородок приподнялся. Он сделал к ней несколько больших шагов, прижимая её спиной к кровати, а запястья заводя над её головой. — Ответь мне!

— Полагаю, что уже ответила.

Он уставился на неё, тяжело дыша. Нос к носу. Его взгляд был страшен, и она могла сказать, что сдерживала его лишь тонкая нить самоконтроля. И, чёрт, ей хотелось, чтобы он потерял контроль. Его эрекция вжималась ей в живот, и она боролась с желанием прижаться к нему ещё ближе. Держаться за свой собственный гнев было легче. Безопаснее.

— Чёрта с два, — процедил он, обрушив на неё свой рот.

Глава двадцатая

Уроки жизни согласно Камрин:

Полёт в состоянии ярости может привести лишь к неудачной посадке.

Она не могла выразиться более ясно. Все закончилось, приходите завтра.

Только его тело не получило уведомление. Как и его сердце, но Трой будет беспокоиться об этом позже. А сейчас, сегодня, у него есть она.

И его злость.

Его эмоции никак не утихали. Он пытался дышать. Он пытался уйти. Но вместо этого всё, чего он добился, — это сильнейшей эрекции.

Его руки погрузились в её волосы, а поцелуй поглотил её целиком.

Но этого было недостаточно.

— Ты меня чертовски разочаровываешь, Кэм.

Длинная нога обернулась вокруг его талии.

— Хорошо. Значит, мы квиты.

А затем без долгих прелюдий он подстроился к ней и вошёл в неё. Такую узкую. И такую горячую. Камрин потёрлась об него, вскрикнув, и он едва успел прикрыть ладонью ей рот. Ему хотелось заниматься с ней любовью в своём доме, в своей постели, хотя бы ради того, чтобы слышать, как она кончает не сдерживая себя.

Оттолкнув его руку, она впиалась ртом в его губы, стянув их крепче барабана. Его руки ухватились за столбики кровати над её головой, в то время как он вбивался в неё. Она снова кончила, сползая вниз по столбику и сотрясаясь дрожью.

Ну уж нет. Они ещё не закончили. Даже близко не подошли к финалу.

Трой подхватил её за задницу, перевернул и приземлился на кровать, расположив её сверху. Кэм не колебалась. Она вцепилась в спинку кровати над его головой, прижимаясь грудью к его лицу. Камрин откинула голову назад, погружая его в себя так глубоко, что он увидел небеса.

— Камрин...

— Заткнись, Трой.

— Ладно.

Он сполз с матраса, обхватывая её руками и вдавливаясь в неё. В её груди зародилось приглушённое хныканье, отчего её груди, прижатые к его торсу, завибрировали. Лицо Кэм уткнулось ему в шею, руки вцепились в его волосы, доводя его этим до безумия, когда они оба кончили.

Жёстко. Быстро. Нисколько не сдерживаясь.

Она сотрясалась, тяжело дыша. Трой крепче прижал её к себе, но это был неэффективный способ успокоиться самому. Притвориться, что Камрин не уходит от него. Он не мог сказать наверняка, её это сердце так колотится или его. Возможно, оба. Вот только его было разбито.

— Мы забыли презерватив, — сказала она.

Он замер. Неважно, насколько привлекательна женщина, неважно, насколько хорош секс, он никогда не забывал о презервативе. Никогда. Кэм его настолько разозлила, настолько чертовски возбудила, что даже мысль о нём не пришла ему в голову.

— Сейчас не подходящее время в моём цикле. Так что, думаю, последствий не будет. — Она отстранилась и посмотрела на него, казалось бы, спокойно, как и всегда. — Ты же не представляешь опасности?

Он заскрежетал зубами.

— Я бы вообще к тебе не прикоснулся, если бы это было не так. Поверь в меня хоть немного.

— Это ведь ты спал с половиной населения Милуоки. Так что это заслуженный вопрос. — Она встала и прошла в ванную.

Трой слетел с кровати.

— Что, чёрт возьми, это значит?

Камрин попыталась закрыть дверь. Но он не дал ей этого сделать, подставив ладонь.

— Соедини точки, Трой. Это и ежу понятно.

— Господи. И мы ещё не закончили ругаться.

Она горько рассмеялась.

— Это же ты хотел меня разозлить. «Разозлишь, Кэм», — говорил ты. Ради списка. Ты недостаточно хороша такая, какая есть. Сделай это, и ты будешь женщиной, а не роботом.

Её передразнивания снова вывели его из себя. Он схватил её за руки и поволок в душ.

— Я никогда не называл тебя роботом. Никогда не говорил таких слов. И ты и так достаточно хороша!

Кэм опустила взгляд на его хватку на своих руках, а затем посмотрела ему в глаза. Когда её брови приподнялись, он тоже перевёл взгляд вниз. Её ноги болтались в добрых пятнадцати сантиметрах от пола. Он тут же её отпустил, позволяя её ступням приземлиться на кафель.

Затем Трой вывернул кран, и на них брызнули горячие струи воды. В течение нескольких секунд комнату заполнил пар, а они всё так же стояли и пристально смотрели друг на друга.

— Хочешь меня ударить? — спросила она, как будто её вообще не беспокоило, что он только что приволок её сюда как варвар. Словно они обсуждали, какой сироп лучше подойдёт к блинам.

А потом до него дошёл смысл её вопроса.

— Что? Нет!

— Тем не менее, ты на меня злишься?

Что, чёрт возьми, она задумала?

— Так, что и не выразить словами.

— Итак, теперь ты видишь. Ты не твой отец.

А сейчас он подумывал что-нибудь ударить. Например, пробить кулаком плитку.

— Ты разозлила меня, чтобы доказать свою точку зрения?

— Нет. Это вышло случайно, но моя точка зрения доказана. Теперь ты можешь перестать гадать, в состоянии ли ты себя контролировать. Тогда как я всё ещё зла. Выпусти меня из душа.

— Три оргазма не помогли?

— Нет.

Он усмехнулся.

— Я тебя раздражаю.

— Да, как паразитическое насекомое. Подвинься, Трой.

Его эрекция снова ожила. Камрин чертовски сексуальна, когда злится. Он мог бы заниматься этим всю ночь. Как, в сущности, наверное, и произойдёт. В ней было похоронено много агрессии, и он с преогромным удовольствием поможет ей её высвободить.

Трой скрестил руки на груди, преграждая ей дорогу.

— Нет.

Её глаза сузились.

— Подвинься, Трой.

— Обожаю, когда ты произносишь моё имя.

— Трой... — прорычала она, и он чуть не кончил прямо в душе.

Боже, как она произнесла его имя. Будто проклятие. Трой никогда в жизни не был таким твёрдым. Он медленно прижал её спиной к кафелю. Взяв её за запястье, пригвоздил его над её головой. Хлоп. Затем другое, проделав с ним то же самое. Хлоп.

Она сопротивлялась. А он становился все твёрже, пока эрекция не стала скорее болезненной, чем приятной.

Никто не мог заставить Камрин Кович потерять контроль. Но у него получалось, она просто не хотела это признавать. Вот откуда был весь этот гнев. Этот горячий, яростный секс. Она скорее предпочтёт злиться, чем признаться в своих чувствах к нему, чем признать, что его список доказал ошибочность её теории о любви.

Трой так тесно прижался к ней, что даже для воды не осталось места. Он наклонился, чтобы поцеловать её, но лишь навис над её щекой. Она снова задрожала.

— Чего ты хочешь, Кэм? Скажи мне.

— Отпусти меня.

— Ну-ну. Чего ты действительно хочешь? — Его язык прошёлся по влажной коже её щеки вниз к шее. Затем перешёл на другую сторону, слизывая каждую каплю. — Скажи мне, Кэм. Чего ты хочешь? — Когда она всё ещё отказывалась отвечать, он проскользнул коленом между её ног, и она застонала. Низко, протяжно.

Он почувствовал тот момент, когда её гнев испарился.

— Тебя. Я хочу тебя.

О боже. *Да.*

Он отодвинулся, отпустил её запястья и посмотрел ей в глаза.

— Я твой.

Камрин открыла глаза и уставилась в темноту комнаты, Трой тихо похрапывал в постели возле неё. В действительности, он похрапывал в течение последних четырёх часов. Сразу после того, как у них был секс в душе. И в постели. Снова.

Я твой.

Она не посмела спросить, что это значит. Не смела надеяться. Его версия отношений очень разнилась с её версией. Его планы на будущее даже близко не совпадали с её. Тогда почему он так чертовски усердно боролся? Он мог её просто отпустить. Зачем задавать вопросы, словно он планировал это продолжить?

Потому что он чувствовал к ней жалость. Вот из-за чего был этот его список и всё остальное, произошедшее на этой неделе. Должно быть так. Её парень наговорил гадостей и бросил её. Трой сжалился и согласился вмешаться. Он мельком увидел её образ жизни, какой жалкой та была, и дал ей задания, чтобы сделать её лучше. Более презентабельной. Менее скучной.

Так что, возможно, следующий парень, который её бросит, не скажет ничего

напоследок.

Ребёнком Камрин была добра к Трюю. Помогла ему раз или два. И он едва не признался, что то, что было между ними, — это его способ отплатить за её доброту. Ему всего-то нужно было сказать «спасибо». Так было бы менее болезненно.

Уфф! Её мозг никак не хотел отключаться. Впервые за всю свою жизнь Камрин действительно нуждалась в спокойствии, а она всё не могла подавить чувства и образы прошедшей недели.

Вздыхнув, она взглянула на часы на прикроватном столике. Все проснутся через пару часов. На это утро было запланировано открытие подарков. После этого Джастин с Хизер улетят в Канкун на медовый месяц, остальные же члены семьи полетят обратно в Милуоки.

Она тихо встала с кровати и на цыпочках подошла к шкафу, выбрав простое белое платье. Единственная оставшаяся одежда, которую Хизер не отобрала несколько дней назад. Господи, неужели прошло только несколько дней? Выходя из гардеробной, она украдкой взглянула на Троя, обнаружив его по-прежнему спящим. Затем Кэм прошла в ванную, чтобы умыться и одеться. Нанеся макияж, она вышла и открыла сумку.

Монотонные действия во время укладки вещей для поездки домой помогли спуститься с небес на землю, даря так необходимое ей самообладание. Пришло время вернуться к реальности. Время, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Аккуратно сложив последнюю из своих рубашек в сумку, она уложила косметику. Затем остановилась, глядя на зубную щётку Троя на столешнице. У неё задрожали руки от интимности вида щётки, лежащей рядом с её собственной. Максвелл никогда не оставлял свою зубную щётку в её квартире. Максвелл вообще ничего не оставил, кроме полой дыры в том месте, где должен находиться парень. Трой же совсем другой. Они даже настоящей парой то не были, со всеми обязательствами и границами, которые должны быть у настоящих отношений, но, тем не менее, он отдал ей всего себя. Свой разум. Своё тело.

Он пробыл здесь с ней всю неделю. И не просто в качестве замены, а как вполне настоящий парень. Как после такого она сможет вернуться к своей прежней жизни?

Покачав головой, она также уложила и одежду Троя, оставив для него в ванной комнате его туалетные принадлежности на случай, когда он проснётся. А сумку его оставила на комод.

Со своей сумкой в руке она стояла у двери, ощущая себя странно сентиментальной. Кэм говорила себе, что просто проверяет комнату, чтобы убедиться, что ничего не оставила. Она больше сюда не вернётся. Затолкает подальше эти эмоции, выдержит открытие подарков и поедет домой.

Но всего лишь один последний взгляд не повредит.

Кэм посмотрела на всё ещё спящего Троя. Она оставит и его, и то, что у них здесь было. Там, где им и место. Как память. Как сон.

Как единственное нечто хорошее когда-либо с ней случившееся.

Слотнув, Камрин мысленно сказала ему «прощай», чтобы иметь возможность двигаться дальше. Чтобы сделать это мгновение финальным. Только это не должно было так сильно причинять боль. С самого первого дня они знали, что это неправда. «Их» никогда не существовало. Если кто и понимал реальность прошедшей недели, то это она. Такова была реальность её жизни.

Никогда не позволяй им видеть себя страдающей. Никогда не позволяй им видеть себя плачущей. Никогда не впускай их.

Но Трой, чёрт бы его побрал, проник внутрь.

Прикрыв за собой дверь, она уставилась на неё, сопротивляясь желанию броситься обратно внутрь. *Отвернись. Уходи!*

Камрин развернулась, спустилась вниз и направилась в кухню. Заварив кофе, она поставила на стол выпечку, купленную Бернис на завтрак. Приготовила фруктовый салат на скорую руку из того что было в холодильнике и тоже подала его к столу.

Скоро проснутся остальные. Впервые на её памяти она не могла дождаться появления семьи. Чем раньше они проснутся, тем скорее этот день закончится. Она взглянула в окно, когда сверкнула молния. Дождь барабанил по стеклу, сбегая вниз.

Налив себе кофе, Камрин вышла через большие стеклянные двери под навес, чтобы полюбоваться дождём. Звук напомнил ей о той ночи на балконе, когда Трой заставил её танцевать. Улыбнувшись, она отпила из своей чашки.

Нанятая Хортонами команда убрала все следы прошедшей свадьбы. Всё, что теперь было во дворе, — это мокрая от дождя трава. Она будет скучать по этому месту, когда вернётся домой. Скучать по тишине, чистому горному воздуху. Скучать по Трою.

Над головой грянул гром, когда в кухню прошёл первый член семьи. Она повернулась, увидев Фишера, достающего апельсиновый сок из холодильника, и Эмили, наблюдающую за ней с порога. Кэм протянула Эмили руку, приглашая присоединиться.

— Я ненавижу дождь, — заявила её племянница, появляясь из дверей и при этом выпятив нижнюю губу.

— А я люблю дождь. Он пахнет чистотой. И звук расслабляет.

Эмили взглянула на неё.

— В дождь нельзя играть. Это полный отстой.

Камрин усмехнулась.

— Не говори «отстой». Иначе твой папа разозлится. И ты *можешь* играть в дождь. На самом деле, это очень весело.

— Папа говорит, что нельзя. Я вся промокну.

— Что ж, тогда не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

Её племянница смотрела с сомнением.

— Ты возьмёшь меня с собой?

От звука грома проснулись и все остальные домочадцы. Кэм взглянула на Эмили.

— Конечно. Как-нибудь в ближайшем времени, ладно? А теперь пойдём внутрь, пока тетяка Миртл не съела все шоколадные пончики.

Эмили рассмеялась и понеслась в дом. Камрин последний раз взглянула на горы и последовала за племянницей.

Трой застонал, услышав второй раскат грома в это утро, едва в состоянии побороть желание зарыться поглубже под одеяло. Передумав, он потянулся к Камрин, чтобы затащить её к себе под одеяло.

Но постель оказалась пуста.

Он открыл глаза, чтобы удостовериться в этом. Привстав, он оглядел комнату, не обнаружив ни её, ни какого-либо намёка на её присутствие. Трой поднялся и направился в ванную. Её косметика исчезла.

Он вышел из ванной и заглянул в гардеробную. Та тоже оказалась пуста.

Его взгляд упал на комод, и он запустил руку в волосы. Кэм собрала для него его сумку. Что ж, по крайней мере, она не ушла тайком.

Он вздохнул, на душе стало тяжело. Камрин покончила со всем.

Но не Трой. Если бы он сказал ей о своих чувствах, ответила бы она ему взаимностью? А ведь прошлой ночью она сказала, что хочет его. Он упёр руки в бедра, гадая, было ли это физическое желание или эмоциональное.

Он не думал, что Камрин относится к женщинам «на одну ночь». Или в их случае, «на одну неделю». Даже после всего, всех пунктов из его списка, она не узнала истинной любви, когда та стояла прямо перед ней. Слишком напуганная, чтобы думать, что кто-то может любить её так сильно. Слишком напуганная, чтобы сдаться и позволить себя любить.

Может, она не знала, насколько эмоционально он вложил в это. Возможно, она не знала, была ли способна на это сама. А если бы он рискнул, если бы продемонстрировал ей все свои истинные эмоции, которые она в нём вызвала, могла бы она передумать?

Чёрт, а какой ещё оставался выбор?

Он помчался обратно в ванную комнату. Побрился, почистил зубы и оделся. Закинув оставшиеся вещи в свою сумку, он выбежал из двери и спустился вниз по лестнице, надеясь поймать её до того, как семья...

Сидела за столом, завтракая. *Замечательно.*

Он бросил свою сумку в дверном проёме.

— Всем доброе утро.

Ответом ему было несколько приветственных бормотаний. Он налил себе кофе и сел за стол напротив Камрин. Она с решительным видом гоняла кусочек фрукта по тарелке, опустив глаза вниз и ни с кем не разговаривая. Она даже взглянуть на него не хотела.

— А что значит «похмелье»? — спросила Эмили, выглядя как Граучо Маркс с этими шоколадными от пончика усами.

Фишер потёр лоб, вздыхая.

— Спасибо всем большое.

Хизер закатила глаза.

— Расслабься. Это же не ругательство, ради бога.

Мама усмехнулась.

— Похмелье — это то, от чего, бывало, страдал твой папочка каждое воскресенье, до того как ты родилась.

— Мама!

Эмили в раздражении повернулась к Камрин.

— Тётя Кэм, что это значит?

Камрин резко подняла голову.

— Что?

Йяка Гарольд рассмеялся.

— Похоже, у Кэм тоже похмелье.

— Нет у меня похмелья.

— Тогда что с тобой? — настаивала мама.

— Ничего. — Ох, из неё получилась ужасная лгунья. Как и всегда. Она перевела взгляд на Эмили.

— О чём ты меня спрашивала, сладкая?

— Что значит «похмелье»? — Трёхлетка растягивала каждое слово, будто разговаривая с идиотом. Забавно, поскольку Камрин была единственной из присутствующих не-идиоткой.

Камрин салфеткой вытерла шоколад с лица племянницы.

— Когда взрослые пьют слишком много алкоголя, то болеют на следующий день. Они называют это «похмелье».

— Что за похмелье?

— Разговорное выражение для болезни, которую переносят на следующий день.

Она всё ещё не смотрела на него. Он ощущал себя выброшенным куском мяса. По крайней мере, он мог бы объяснить своё настроение, свалив на алкоголь или недостаток сна, если бы кто-нибудь спросил. Технически, он всё ещё её парень, и поэтому необходимо продолжать притворяться. Но как только они останутся наедине...

Тут встала Бернис.

— Если вы, ребята, хотите успеть на свой рейс, то нам следует приступить к открытию подарков.

Семья поднялась из-за стола, словно рой. Трой остался там, где сидел, пока комната не опустела, за исключением Кэм и Бернис. Кэм помогла маме Джастина убрать тарелки и прибраться на кухне.

— Мне так грустно, что вы уезжаете сегодня. Ты должна вернуться и снова нас навестить.

Камрин положила ладонь на руку Бернис.

— С удовольствием. Ещё раз спасибо за всё. Ваш дом прекрасен, и вы сделали день Хизер восхитительным.

Бернис кивнула и ушла в гостиную, откуда уже раздавались крики по поводу того, какие подарки следует открыть в первую очередь. Камрин опустила локти на столешницу и потёрла лоб.

Сейчас или никогда. Сказать ей, что он её любит, или наблюдать за тем, как она убегает. Борьба за счастье или жить в сожалении. На самом деле, выбора не было. Но Трой всё равно начал паниковать.

— У меня есть верное лекарство от головной боли.

Её голова вскинулась вверх.

— Я не знала, что ты всё ещё здесь.

— Заметно. Нам надо поговорить.

Она выпрямилась.

— Не сейчас, Трой.

— Как раз таки сейчас.

Покачав головой, она повернулась и направилась в сторону прихожей. *Не позволяй ей сбежать. Не дай ей уйти.* Он спрыгнул со стула и оказался на противоположной стороне комнаты раньше, чем она даже успела подойти к двери. Он рукой заслонил дверной проем, преграждая ей выход.

— Трой, отпусти меня.

Смешное заявление.

— Не могу. — Он разочарованно провёл свободной рукой по волосам. — Видишь ли, в этом есть огромная проблема. Я никак не могу отпустить тебя, Кэм.

— Камрин! — прокричала её мать из другой комнаты. — Иди сюда.

Она повернулась, чтобы уйти, но он схватил её за руку.

— Выслушай меня. Список начался с моего желания показать тебе, как жить, как любить. Мне хотелось, чтобы ты тоже во всё это поверила. Ты слишком умная женщина, Кэм, чтобы не верить в существование любви. Я хотел показать тебе, что то, что сказал твой

бывший, — неправда. — Он понимал, что говорит слишком быстро, понимал, что говорит как бессвязный придурок, но ей нужно было увидеть всю картину. — Но всё изменилось после того, как я тебя поцеловал. Тогда я это сделал не для того, чтобы ты поверила в любовь. А для того, чтобы ты в меня влюбилась.

Она раскрыла рот, смотря с сомнением и невинностью в округлившихся глазах. Неужели никто раньше не говорил ей, что любит её?

— Сработало, Кэм? Ты в меня влюбилась?

— Камрин! — На сей раз приказ прозвучал от Наны.

Боже, они могут заткнуться хоть раз? Всего лишь один единственный раз?

— Она будет через чёртову минуту, — прокричал он, проводя руками по лицу.

— Трой? — пропищала она. Неверяще. Потрясённо.

Чёрт. Он всё делает не так. Она всё делает не так.

— А что, если это было не ради притворства?

Кэм уставилась на него, её красивые карие глаза умоляли его прекратить. Её рот дрогнул, приоткрывшись, вероятно, чтобы сказать ему «нет».

Он перебил её:

— Пойдём со мной.

Она моргнула.

— Извини?

— Пойдём со мной. На свидание. Не только здесь, но и по-настоящему.

Она сглотнула. На лице промелькнула искра надежды.

— Ты сумасшедший.

Его руки упёрлись в бедра.

— Да, но на этой неделе и ты была такой же. Мы оба. Это безумие. *Мы* безумны. Но это кажется правильным. Я хочу тебя, Кэм. Не просто притвориться на неделю, а намного дольше. Сделать это реальным и...

— Я не могу в это поверить! — Они обернулись и увидели Фишера, стоящего с другой стороны дверного проёма. — Вы издеваетесь? — рявкнул Фишер, вопрос был явно риторическим. — Вы лгали? Всё это было чёртовой ложью!

— Что здесь происходит?

Но прежде чем Трой успел открыть рот или захватить кулаком по лицу своего лучшего друга, на кухню прорвался весь клан.

— Почему все кричат? — потребовала её мать.

— Они лгали, — прокричал Фишер. — Они не встречаются. Они всё это, блин сочинили.

Все как по команде повернулись и уставились на них.

— Это правда, Камрин? — спросил отец.

Глаза Камрин закрылись. Он видел, как она боролась за самообладание, мечтая о суперсиле. И его желудок свело, когда он распознал на её лице стыд.

— Ответь ему! — потребовал Фишер. — Расскажи им, что всё это было шуткой. Ты думала, это смешно?

Трой шагнул вперёд, чтобы сделать что-нибудь, — он и сам не знал, что именно, — но Камрин остановила его на полушаге.

— Нет, — сказала она мягко. Тонем, не допускающим дальнейших возражений. Она направила свой взгляд на него, словно отвечая на его предыдущее объяснение. Он не мог

сказать точно, на что она отвечала. «Нет» на вопрос Фишера, или «нет» ему. Всё, что он знал: его кровь перестала циркулировать, и холод, с которым он так отчаянно боролся, вернулся.

Откашлявшись, она повысила голос:

— Это не должно было стать шуткой. Но это правда. Мы лгали. Я лгала, — поправилась она. — А Трой был достаточно милым, чтобы на это согласиться. Мы не встречаемся. Никогда не встречались. — Она обвела взглядом всю кухню, оглядев свою семью, одного за другим. — Я попросила его сделать это, потому что... — Она замолчала, её взгляд стал отчуждённым. — Теперь неважно почему. Я сожалею. Не вините его. Это всё я виновата. Как и во всём остальном.

В комнате повисла тишина на целых пять секунд, а затем Нана рассмеялась:

— Я же вам говорила! Я говорила вам, что он бы никогда не стал с ней встречаться.

Тишина. Шок. А затем на кухне начался хаос. Все кричали, размахивая руками, их истинный сербский характер прорезал воздух, подобно жару в Каролине.

Поверить не могу!

Но они целовались!

А где настоящий парень?

Она, вероятно, и о нём тоже солгала!

Трой наблюдал за реакцией Камрин. Её остекленевшие глаза сосредоточились на столешнице перед собой. Её руки ухватились за гранит с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Словно попавшие в эпицентр урагана, они стояли там, пока всё вокруг них кружилось и улетало в загробный мир.

Кэм сказала семье, что всё это было ложью. И она так и не ответила, когда он признался в своих чувствах. Всё, на что он когда-либо надеялся, — уничтожено. Всё, чего он когда-либо хотел за всю свою жизнь, — это любовь. Чтобы кто-то его любил, ибо его не любил никто и никогда.

Возможно, она была права, в конце концов. Истинной любви не существует. Это лишь его бесплотная мечта, созданная им, чтобы выжить.

На её глаза навернулись слёзы и скатились по щекам.

— Это была ошибка, — прошептала она сквозь анархию, вероятно, лишь для себя.

Но он услышал. Чётко и ясно.

Глава двадцать первая

Уроки жизни согласно Камрин:

Никто не рождается умным, но некоторым приходится усердно трудиться, чтобы оставаться глупыми.

Табло с надписью «пристегнуть ремни» просигналило и погасло, а её мать всё продолжала бубнить о том, что не понимает, почему Камрин солгала. Трой сидел с её отцом несколькими рядами впереди. И выглядел не менее несчастным. По крайней мере, он был несчастным в тишине. Поскольку мама не знала, когда нужно заткнуться.

Камрин устремила взгляд в окно, стараясь абстрагироваться от шума. Её место располагалось прямо у левого крыла, напоминая ей старый эпизод из «Сумеречной зоны». На крыле тут же материализовался греmlin с усмешкой прямиком из преисподней. Маленькое уродливое существо указало на вытяжной пропеллер, молча спрашивая, стоит ли оторвать тот в её честь. Она чуть улыбнулась и кивнула, представляя, как самолёт падает вниз, превращаясь в тлеющую кучку пепла. А мамино место в соседнем кресле занял Джон Литгоу[32], яростно мотая головой.

На её руке сомкнулась ладонь, возвращая её обратно.

— Камрин, — умоляла мама. — Пожалуйста, просто скажи мне, почему ты это сделала.

Если бы её семья не была так чертовски категорична в том, чтобы она нашла мужчину и вышла замуж как можно скорее, ничего бы из этого не произошло.

— Может, меня уже просто тошнит от всего, и я устала быть недостаточно хороша. Возможно, меня просто тошнит быть мишенью каждой семейной шутки. Мне до смерти надоели все эти разговоры о браке. И я подумала, что если вы увидите меня с кем-нибудь, то оставите в покое.

На глаза матери навернулись слезы.

— О, Кэм. Мы просто хотим, чтобы ты была счастлива.

— Я была абсолютно счастлива до этой поездки.

— Ты считаешь, что была счастлива? Счастьем было наблюдать за вами с Троем вместе. Это был первый раз за много лет, когда я увидела тебя счастливой. — Её мама сжала её руки в своей ладони. — Может быть, не всё было ложью. Возможно, вы можете уладить...

Камрин выдернула свои руки.

— Вот опять ты начинаешь. Мне не нужно быть с кем-то, чтобы быть счастливой. Я не такая, как все остальные, которые зависят от благополучия других. Это была ложь, и она закончилась.

Ложь, которая ощущалась ужасно правдиво. Боль в её груди это только подтверждала. И она была счастлива с Троем. Она могла не осознавать этого тогда, но понимала сейчас. Ей хотелось никогда не знать этого чувства, прожив остаток своей жизни в блаженном неведении.

Её мать вытерла глаза.

— Я слишком сильно на тебя давила. Я этого не хотела. Мы никогда не беспокоились за тебя, как за Фишера и Хизер. Кроме тех случаев, когда дело касалось любви. Это не говорит о том, что ты недостаточно хороша, Кэм. У тебя такая успешная карьера. Стабильная жизнь. Но не в этом счастье. — Она вздохнула, уставившись на свои руки, лежащие на коленях. —

Мне всего лишь хотелось, чтобы ты полюбила кого-нибудь, как я люблю твоего отца. Узнала, на что похоже это чувство. — Сглотнув, она снова посмотрела на неё. — Любовь не предполагает отказ от своей индивидуальности и независимости, она лишь дополняет твою жизнь. Имея рядом человека, с которым можно просыпаться, а вечером вместе ложиться.

Вздыхнув, Камрин почувствовала, что её гнев иссяк. Возможно, она всё не так поняла, точно так же, как и в случае с отцом по поводу её красоты. Как во многом она ошибалась. Но не там, где дело касалось Троя.

— Я ценю твои намерения, мама. Но наши с Троем отношения были всего лишь иллюзией. А теперь давай прекратим об этом, пожалуйста. Я устала. Ладно?

Мамино лицо исказило разочарование, прежде чем она кивнула и нехотя отвернулась. Камрин взглянула в окно, но гремлин исчез.

Какая жалость.

Спустя несколько минут через маму перелезла Эмили и уселась на коленях Камрин.

— Мама говорит, что, возможно, сегодня мне следует остаться с тобой. «Потому что тебе одиноко».

Камрин медленно закрыла и открыла глаза. На завтра у неё было назначено собеседование в Милуоки. После чего она планировала отправиться на поиски квартиры, прежде чем встретиться с Максвеллом в Чикаго. Если Эмили останется с ней сегодня вечером, то это поможет ей побороть чувство одиночества, которое Камрин отказывалась признавать вслух.

— Звучит как план. Посмотрим фильм.

— С порно?

Вместо того чтобы исправить племянницу, она улыбнулась:

— Конечно. С порно.

После того, как Камрин завезла Эмили домой к родителям, ей пришлось пробиваться через поздние утренние пробки в сторону центра Милуоки. Она уже начала пересматривать свой план поиска квартиры в западном пригороде, дабы воздержаться от поездок на работу в час пик. Хотя, с другой стороны, пробки в Милуоки не шли ни в какое сравнение с пробками в Чикаго. Увидев наконец свой выезд, она вздохнула с облегчением.

Кэм вышла из дома с приличным запасом времени, но нажав кнопку лифта и взглянув на часы, поняла, что прибыла лишь на пять минут раньше назначенного времени. А ведь она надеялась произвести гораздо лучшее впечатление. Из трёх приглашений на собеседование, эта работа была именно той, которую она хотела. Если же она не получит ни одну из них, то будет вынуждена на какое-то время поселиться у своих родителей.

Вздвогнув от этой мысли, Кэм вышла из лифта и отметилась у администратора. Но прежде чем она успела присесть в зале ожидания, как ей было велено, из-за угла высунул голову мужчина и назвал её имя. Вид у него был такой, словно он только что проснулся после студенческой попойки.

— Я Тревор. И если вы последуете за мной, то мы сможем начать.

Камрин пошла за ним, отметив про себя, что тёмная копна его волос уложена, казалось бы, умышленно в стиле «взрыв на макаронной фабрике». Его джинсы были потёрты на краях. На нём также была синяя рубашка-поло — не заправленная.

Дорогой Боженька. Пожалуйста, пусть он будет айтишником, а не моим возможным новым боссом.

Она прошла вслед за ним в просторный офис с прекрасным видом на озеро Мичиган. В

отдалении водную гладь усеивали парусники. На полках позади его стола выстроились в ряд игрушки-персонажи фильмов. Человек-паук. Капитан Кирк. Йода. Райан Браун с качающейся головой. Какая жуть, эти качающиеся головы. Она села в кресло напротив него, рассматривая все эти глаза, уставившиеся на неё в ответ.

— Итак, — начал он. — Расскажите мне немного о себе.

Её взгляд метнулся обратно к парню-ребёнку. Почему они всегда задают этот вопрос на собеседованиях? И как она должна на него ответить?

— Я из Милуоки, но работала в сфере маркетинга в Чикаго после окончания учёбы. Я очень организованная...

Он махнул рукой, прерывая её:

— Нет-нет. Всё это я уже знаю. У меня есть ваше резюме. Расскажите мне о себе.

В памяти промелькнула её жизнь в Чикаго. Секретари, называвшие её *Ледяной Королевой*. Будние вечера, а также большинство выходных, которые она проводила в одиночестве. Безумно долгие часы просиживания за работой, дабы заполнить пустоту. Обеды в одиночестве за своим столом, поскольку все были слишком напуганы, чтобы разговаривать с ней. Единственную офисную рождественскую открытку она получила от своего секретаря, которая, вероятно, слишком боялась, чтобы её не отправить.

Взглянув на мужчину перед собой, Камрин приняла решение. Она получит эту работу. Заведёт здесь друзей. И не будет непоколебимым флагштоком, который подвергает цензуре всё, что произносит. Она станет представительной и дружелюбной и...

— Я из большой безумной сербской семьи и большую часть времени думаю, что меня удочерили. Я не замужем, но мне бы хотелось выйти замуж в один прекрасный день. Хотя клянусь, я не одержима этой идеей. Никаких припрятанных свадебных журналов. Я люблю читать, очень редко смотрю телевизор и ненавижу долгие прогулки по пляжу.

Он смотрел на неё достаточно долго, чтобы Камрин поняла, — она упустила свой шанс. Что с ней не так? Она никогда не говорила подобного, тем более на собеседовании. Это было так непрофессионально. Любые шансы на трудоустройство теперь были...

Тревор запрокинул голову и рассмеялся. У Кэм отвисла челюсть.

— Вы мне нравитесь. Вы забавная.

Никто и никогда не называл её забавной. По крайней мере, не в положительном смысле.

Он наклонился вперёд:

— Я учредил эту компанию три года назад в своей квартире. В прошлом году у меня появилось столько клиентов, что мне пришлось расширяться. Мы занимаемся в основном веб-дизайном и техническим обслуживанием, но в последнее время у нас возникли вопросы по маркетингу и долгосрочным планам. И вот где в дело вступаете вы. Мне нужен кто-то, кто будет заниматься планированием. Привлекать больше клиентов. Исследовать отрасли для сайтов, которые мы предоставляем. Иногда вам придётся встречаться с клиентами, возможно, выезжать в командировки, но это в редких случаях. Вам также придётся отвечать за рекламу, такую как социально-медийные сайты, обработку рекламных роликов и тому подобное.

Эти обязанности были самыми приятными аспектами в её прежней работе. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Камрин выжидала концовки.

Тревор встал и жестом предложил ей следовать за ним из офиса. Он указал на несколько кабинетов вдоль южной стены. Каждый из которых был занят двумя молодыми женщинами и мужчиной её возраста.

— Это наши графические дизайнеры, Эшли и Сьюзен, и наш технарь, Бен. — Они помахали рукой. Камрин помахала в ответ.

Она последовала за ним через несколько комнат к северной стене.

— Это наш конференц-зал, а вон там комната отдыха.

Конференц-зал был отделан в весело-жёлтых тонах, и там стоял большой чёрный овальный стол. Проектор и iPad-станция были установлены в углу возле пятидесятидюймового телевизора с плоским экраном. А комната отдыха была весенне-зелёной. Два кофейных столика украшали угол. На стойке располагались кофе-машины, кофеварка, микроволновая печь и тостер. Возле раковины стоял холодильник, обклеенный стикерами.

Впечатлившись и испытав зависть, Камрин кивнула, следуя за ним обратно в сторону его кабинета ну восточной стены. Но вместо того чтобы пройти в его офис, они вошли в другой кабинет близкий по размеру к его собственному.

— Большая часть этой работы также связана с людскими ресурсами. До сих пор этим занимался я. Но я это ненавижу. У нас есть бухгалтер, но он работает неполный день и на самом деле занимается только бухгалтерскими книгами. Вам придётся составлять платёжные ведомости, когда он в отпуске. А этот кабинет станет вашим.

Её челюсть отвисла во второй раз. Угловой кабинет? С видом на озеро Мичиган? Кленовые полки от пола до потолка, выстроенные вдоль всей площади за рабочим столом в том же стиле. Шкаф. Само помещение выкрашено в васильковый цвет. А под окном разместился тёмно-синий кожаный диванчик. В её прежнем кабинете едва хватало места для компьютерного стула, а она чуть ли не отделом управляла.

— Звучит ли всё это для вас приемлемо?

Она взглянула на него и откашлялась.

— Да, конечно.

Они прошли обратно в его кабинет и присели.

— У нас очень непринуждённая обстановка. Вместо «свободных пятниц»[33], у нас «свободные понедельники». Понедельники — отстой, а отсутствие официальной формы одежды делает этот день лучше. В остальном у нас неформальный дресс-код, за исключением случаев, когда нужно встретиться с клиентами.

Это объясняло его джинсы. И волосы.

Он поднял её резюме и пробежался по нему взглядом.

— Похоже, вы знакомы со всеми обязанностями. Я уже проверил ваши рекомендации. О вас очень хорошо отзываются. Что касается зарплаты, я могу выплачивать вам столько же, сколько вы получали на последней работе. Но не могу предложить больше, пока мы не заполучим больше клиентов, чего я не могу сделать, не заполнив должность. — Он откинулся в кресле, сложив руки за головой. — Итак, вы хотите получить эту работу?

Она почувствовала, как её брови взметнулись вверх. Он серьёзно?

— Когда я могу начать?

— Сначала я должен сказать вам кое-что. Что-то очень серьёзное.

Она так и знала. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. И хотя она тщательно изучила компанию до своего прихода, отметив стабильный рост бизнеса и хорошие оценки, ей было интересно, в чём подвох.

— И что же?

Он нахмурился.

— Я хорват. Это может внести противоречие к тому, что вы сербка. — По его лицу расплылась медленная, непринуждённая улыбка.

У неё вырвался смех, прежде чем она смогла его сдержать.

— До тех пор, пока вы не скажете об этом моей маме, всё должно быть в порядке.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь. — Вы можете начать со следующего понедельника. Обратитесь к секретарю на обратном пути. Она приведёт ваши документы в порядок.

Улыбнувшись, она пожала ему руку и направилась к двери. Но неотступное сомнение продолжало эхом звучать в её голове. Она обернулась.

— Это может прозвучать глупо, но могу ли я спросить, почему именно я? У вас, должно быть, было несколько собеседований на эту должность.

Он скрестил руки на груди и пожал плечами.

— Вы зрелый представитель с опытом. Вы так же первый человек, который не дал мне стандартного ответа, когда я попросил рассказать побольше о себе. Мне нужна личность.

Он считает, что она личность?

Камрин уставилась на него, ощущая комок в горле. Неделю назад ей бы отказали в этой работе. Неделю назад она была статуей. Роботом, как выразился Максвелл. Но Трой всё изменил. Раскрыл её. Показал ей, кем она была внутри, и позволил ей снова стать собой.

И чёрт. Она уже скучала по нему.

Кивнув, она ушла.

Камрин воспользовалась своим запасным ключом, чтобы открыть дверь в квартиру Максвелла. Зная, что он в любой момент может вернуться домой из офиса, она налила себе стакан воды и села на диван, дожидаясь его.

Кондоминиум Максвелла с двумя спальнями находился на восемнадцатом этаже возле северной стороны Чикаго и стоил больше, чем она могла заработать за пять лет. Он нанял дизайнера, когда только его купил. Несколько недель назад она считала его современным, но сейчас он ощущался просто холодным. Серые стены, чёрно-белое абстрактное искусство. Не то что дом Троя. Тот был мужским, но показывал индивидуальность. Стиль. Вкус.

У Максвелла имелась только одна книжная полка. Что было преступлением само по себе. Что ещё хуже, на полках выстроились документальные финансовые отчёты. Ни одного заглавия художественной литературы. Она готова была поспорить, что нашла бы множество литературы у Троя. Кэм улыбнулась. В том числе и романы.

У Максвелла также не было фотографий. Ни её, ни его мамы, ни друзей. Если они вообще у него были. Такой могла бы быть и её жизнь. Если бы он не разорвал их отношения, сейчас они могли бы сидеть вместе, вероятно, обсуждая ажиотаж вокруг свадьбы Хизер и насколько та была безвкусной.

Ей было интересно, действительно ли Максвелл хочет её вернуть. Камрин спрашивала себя, что вообще увидела в нём в первую очередь.

Открылась дверь, и она поднялась, ставя стакан с водой на подставку.

— Ты здесь, — произнёс Максвелл с энтузиазмом слизняка. Он бросил ключи на стойку и подошёл к ней, проведя руками вверх и вниз по её рукам. Ни поцелуя в щёку, ни улыбки.

— Ты попросил меня прийти.

— Ты ела?

— Да, — солгала она.

— Я закажу из того тайского местечка, которое тебе нравится, — продолжал он, словно

не слыша того, что она сказала. Он часто так делал, и две недели назад её это нисколько не волновало.

— Я же сказала, что поела. И я ненавижу тайскую кухню. Это ты её обожаешь.

Он повернулся, держа сотовый в руке, с выражением шока на лице. Не похоже, что она залепила парню пощёчину!

— Хорошо. — Он убрал телефон в карман, черты его лица расслабились. — У меня есть интересные новости. Фирма, возможно, позвонит тебе, чтобы ты вернулась. Компания «Обувь Фензер» отказалась от наших услуг, когда узнала, что ты уволилась. Президент упрекнул Алисию за то, что она позволила тебе уйти. Они хотят, чтобы она отложила всё в сторону и...

— У меня есть работа, — спокойно произнесла она. Ох, но так приятно знать, что они облажались. Знать, что Алисия получила выговор за ошибку. Ей хотелось станцевать счастливый танец. Но вместо этого она лишь посмотрела на Максвелла.

— С каких пор?

— С сегодняшнего дня. Я начинаю со следующей недели. — Она села на стул у стойки и сложила руки на коленях.

Он уставился на неё так, словно у Камрин выросло две головы и она извергает огонь из ноздрей.

— У тебя другие волосы. И одежда. — Он имел наглость улыбнуться. — Ты слышала, что я сказал, прислушайся к моему мнению.

Она всегда прислушивалась к его мнению, даже если оно противоречило её собственному. На самом деле за последние полтора года она не думала, что обладает собственным мнением. Она слишком долго была половой тряпкой.

— О, я слышала тебя, Максвелл. И я сделала это не ради тебя.

Он потёр грудь, словно нуждался уже в пятидесятом по счету антоциде[34] за день.

— Послушай, я сожалею о том, как всё получилось. Наши с Алисией отношения были ошибкой. Я хочу, чтобы у нас с тобой всё получилось. Мы одинаковые, ты и я.

Она уставилась на рога на его голове, затем на его светящиеся красные глаза, заметив, что он не извинился за жестокие слова, сказанные им в его кабинете, а просто сожалеет о том, как всё получилось. Он не сожалеет о расставании, ему жаль, что его бросила Алисия. Он не скучал по Камрин, ему не хватало их рутин.

Она не знала, почему согласилась встретиться с Максвеллом, но одна её часть надеялась, что это было именно по этой причине. Часть её хотела вернуть то, что у неё когда-то было. Чтобы он признал свою ошибку и захотел её вернуть. Чтобы скучал по ней.

Но это ощущалось как пустая победа.

Ей на память пришли слова Троя. Как он умолял её, чтобы она полюбила кого-нибудь. *Искренней, безумной, «без которой невозможно жить» любовью.* И это был не Максвелл. Максвелл им никогда не был. И никогда не будет. Так она любила только одного человека, и он ушёл. Она всё упустила.

— Камрин, ты снова это делаешь. Витаешь где-то в ля-ля-лэнде и игнорируешь меня.

— Ты никогда не называешь меня Кэм.

Он прищурил глаза.

— Что?

— Ты никогда не зовёшь меня Кэм, — повторила она. Такая простая вещь в действительности. Прозвище, аббревиатура. Её семья часто его использовала. Как и Трой. До

сих пор она никогда не замечала, но это ощущалось как проявление нежности. Они достаточно её любили, чтобы даже имя сделать личным.

— Твоё имя Камрин. С какой стати я должен называть тебя... Кэм? — Последнее было сказано с отвращением.

Она посмотрела на него, не чувствуя ничего, кроме жалости. В его жизни не было женщины, которая заботилась бы о нём, как Трой заботился о ней. Не было кого-то, чтобы показать ему жизнь, прежде чем станет слишком поздно. Ей хотелось сказать ему, что жизнь с ним была подобной тому, как застрять в двенадцатичасовом полете эконом-класса. А жизнь с Троем — это прыжок с парашютом, чтобы спастись. Ей хотелось озвучить злобные мысли, пришедшие на ум, как, например, рассказать ему, что он обладает всеми талантами картона, в то время как Трой заставляет её бесконечно смеяться, даже не стараясь.

Но сравнивать Максвелла с Троем было несправедливо. Камрин не хотела Максвелла, но она никогда не сможет быть с Троем. Опускаясь до уровня Максвелла, она ничего не решит, да и заставив его чувствовать себя так же плохо, как и она сама когда-то, ничего не исправит.

Кэм спрыгнула со стула и подтолкнула ключ через стойку.

— Камрин, будь разумной.

Она улыбнулась, не в состоянии сдержаться.

— Я достаточно долго была разумной, и это не принесло мне никакой пользы. — Она обошла его и подошла к двери.

— Ты делаешь ошибку.

Она обернулась.

— Я много их сделала. Но это не одна из них. — Кэм повернула ручку, и над головой раздался раскат грома. Она остановилась, вспоминая ощущения летнего дождя на лице, запах Троя, когда он её обнимал. — Максвелл, я надеюсь, что когда-нибудь ты научишься танцевать под дождём.

— Что? В этом костюме? Это самое нелепое, что я когда-либо слышал.

Её улыбка стала шире.

— Хорошо, тогда смейся до боли. Это ощущается странно освежающе. Прощай, Максвелл.

Камрин закончила клеить лентой последнюю коробку и плюхнулась на одну из них. Завтра придут грузчики, чтобы отвезти её вещи на хранение до тех пор, пока новая квартира в Милуоки не перейдёт в её распоряжение в следующем месяце. И завтра она наконец-то скажет «до свидания» этому ужасному, шумному городу и отправится домой. Попрощается со своей старой жизнью и начнёт новую.

Печально, поскольку её прежняя жизнь не была жизнью вовсе.

Она смотрела в окно на восходящее солнце, вспоминая рассвет в Колорадо. Каким тот был красивым. И каким обычным казался этот.

Трой хотел, чтобы она влюбилась. Поверила, говорил он.

И Камрин влюбилась. В него.

В её груди вспыхнула боль, как это происходило каждую секунду с тех пор, как они вернулись домой. Боль настолько глубокая, что её ничто не унимало. Не-могу-без-него-жить нужда.

Он пытался что-то сказать ей тогда в Колорадо, прежде чем Фишер их прервал. Её разум продолжал проигрывать в голове этот разговор снова и снова. На одну секунду маленькая

девочка внутри неё понадеялась, что его охватят чувства, и он признается в своей вечной любви. Звучало так, как будто он к этому вёл.

Но вместо какой-то глупой сказки перед ней стоял мужчина, всего лишь пытающийся рационализировать нечто нелогичное между ними. Она гадала, что в его сердце. Любит ли он её в ответ. Она до сих пор с трудом верила в себя и в искренность его возможных чувств. Как долго они бы продержались в реальном мире, если бы она ответила на то, что он сказал?

Она боялась, что связь, которую ощущал с ней Трой, была лишь из-за их семьи. А страсть, которую они разделили, — иллюзией. Было ли это для него чем-то большим? Потому что ей это казалось чем-то гораздо большим. За исключением тех моментов, когда Камрин оставалась одна, и ничто её не отвлекало, она невольно размышляла над каждой оговоркой в его словах, и ей пришлось столкнуться со *своими* истинными чувствами.

Она любила его больше всего на свете.

Тут зазвонил телефон, встряхивая её. Поднявшись, она подошла к стойке и проверила номер звонящего. Фишер. Её настроение тут же ухудшилось, не то чтобы оно должно было. Трой так ни разу и не попытался позвонить ей за четыре дня, что они находились здесь.

— Привет, — поздоровался её брат. — Звонила Хизер из Канкуна. Они возвращаются в пятницу. Мама хочет устроить семейный ужин.

Она села на кухонный стул.

— Хорошо, я буду.

— Я слышал, ты устроилась на работу. Поздравляю.

Она улыбнулась. По крайней мере, ей есть чем заняться.

— Спасибо. Думаю, мне там понравится.

— Кэм... — Он откашлялся. — Будет здорово снова видеть тебя дома.

Оу. Фишер был по-настоящему милым.

— Я тоже тебя люблю.

Пауза.

— Хизер рассказала мне о Максвелле и почему вы с Троем... — Он тяжело вздохнул. Она выжидала. — Ты встретила с тем парнем? Если вы снова вместе, возможно, ты можешь привезти его на ужин...

— Мы не вместе.

— О. Хорошо.

Слава богу, Фишер женился на Анне, ибо его разговорные навыки не улучшились со времён детского сада.

— Я его не любила, — произнесла она, снова глядя в окно. Солнце светило сквозь занавески, создавая маленькие узоры на ковре. Максвелл не заставлял её сердце биться сильнее, а смех становиться легкомысленным. Мысль потерять его не заставляла ощущать себя мёртвой внутри. — Я люблю кое-кого другого, — прошептала она.

Она прикусила язык и встала, надеясь, что Фишер не услышал.

Трой придёт на семейный ужин в пятницу. Она воспользуется этой возможностью, чтобы увести его в сторонку и поговорить с ним наедине. Возможно, Кэм попросит его закончить свою мысль, которую он начал в Колорадо, и это поможет ей понять, что же она чувствует, и подарит ей ясность. Эти боль и одиночество были так новы и болезненны.

На заднем фоне послышался визг Эмили. Последовал громкий приглушённый звук. Фишер, скорее всего, не расслышал. Маленькое чудо.

— Скажи ей, папа!

— Хорошо-хорошо, — ответил он, держа трубку на расстоянии — Кэм, прости за то, как я тогда себя повёл.

Она улыбнулась, представляя, как её племянница силой заставляет Фишера извиниться.

— Всё нормально. Я тебя прощаю. В любом случае, всё сложилось наилучшим образом.

Становилось пугающе от того, насколько она привыкла лгать.

Глава двадцать вторая

Уроки жизни согласно Камрин:

Настоящая любовь — всё равно что разряд электрошокера, переключатель которого в руках кого-то другого.

Трой заехал на своём грузовике на подъездную дорожку и заглушил двигатель. Фишер сидел на крыльце, сложив руки на бёдрах и выглядя так, словно спал он так же мало, как и сам Трой на этой неделе. Открыв дверь автомобиля, Трой вышел во влажный воздух и прошёл к центральной дорожке. Фишер тут же поднялся.

— Что привело тебя сюда?

Фишер потёр шею.

— Вина.

Хорошо. Ему следует чувствовать себя виноватым.

— Почему ты не воспользовался своим ключом? Здесь жарко.

Фишер пожал плечами, глядя куда угодно, только не на Троя.

— Не уверен, захотел бы ты забрать его обратно после того, что произошло.

Трой наблюдал за ним в течение долгой минуты и кивнул.

— Хочешь пива?

Фишер выдохнул.

— Да.

Отпирая входную дверь, он взглянул на руку Фишера.

— Что это? — спросил Трой, указывая на конверт в его руках. Они зашли внутрь, и он почувствовал себя как в раю, когда кондиционер охладил его кожу.

— Я не знаю. Его принесли из «Фидекса»[35], пока я ждал. Оно от Хортонов.

Интересно. Трой закрыл дверь.

— Оставь его пока на столе. Я схожу в душ. Налей себе пива. Я скоро.

После того, как Трой принял душ и переоделся, он взял пиво и уселся рядом с Фишером на диване; молчание между ними затянулось.

— Итак, эм... в пятницу вечером запланирован семейный ужин. Хизер с Джестином возвращаются из медового месяца.

Трой кивнул.

— Хорошо.

Фишер походил на ребёнка, обмочившегося в кровати.

— Камрин тоже там будет.

Трой чуть не улыбнулся.

— Я понял.

— Она нашла работу. Говорит, думает, что ей там понравится.

— Угу. — Теперь Трой действительно улыбнулся впервые за четыре дня. Четыре долгих, печальных дня. — Так ты об этом пришёл сообщить?

Фишер закатил глаза.

— Прости, дружище. Мне правда жаль. Я слишком погорячился.

Трой внимательно посмотрел на него, прежде чем ответить:

— Я давно привык к твоему нетерпению и вспыльчивому нраву. — Трой жалел, что не

обладал твёрдостью Фишера.

Фишер посмотрел на него.

— Я тогда что-то прервал, верно? То, что между тобой и Кэм, было не совсем ложью, ведь так?

Трой сделал большой глоток, прежде чем ответить:

— Не для меня.

Фишер вздохнул.

— Если это что-то значит, она не вернулась обратно к своему бывшему. — В Трое загорелся проблеск надежды. — Она сказала, что влюблена в кого-то другого.

Голова Троя вскинулась вверх. Он уставился на Фишера, искренне надеясь, что это не какая-то уловка, чтобы избавиться от чувства вины.

Фишер не отрывал взгляда от своей бутылки, затем выпил содержимое. Поставив бутылку на стол, он поднялся.

— Я... — Он покачал головой. — Я не имел в виду все те слова, что сказал, Трой. Ты член семьи. И даже больше. Никто не заслуживает счастья больше, чем ты. И я не считаю, что Камрин слишком хороша для тебя.

Трой сжал челюсти, стараясь не реагировать, но ему это не удалось. Он закрыл глаза, считая вздохи, пока не дошёл до двадцати. Когда он их открыл, Фишер был уже на полпути к двери, скрестив руки на груди, будто пытаясь решить: уйти ему или остаться.

— Никто не будет слишком хорошей для тебя.

— Чёрт, Фишер. — Трой провёл рукой по лицу.

— Я должен идти, — произнёс он, шагая к двери. — Анна готовит ужин, и мне нужно забрать Эм от мамы...

— Фишер. — Его друг, его брат, повернулся, отказываясь взглянуть на него. — Спасибо.

— Нет, это тебе спасибо.

Трой сглотнул, когда дверь закрылась, боль внутри него возросла до монументальных пропорций. Глубоко вдохнув, он опустил голову на спинку дивана и уставился в потолок.

Камрин не сошлась снова с Максвеллом. Не вернулась к своему старому стилю или установкам.

И она любит его в ответ.

Во всяком случае, если в том, что сказал Фишер, содержится хоть капля правды, то она его любит. Подняв голову, он посмотрел на конверт из Колорадо, лежавший на столе.

Поддавшись вперёд, Трой поставил на стол пиво и взял пакет. Он вскрыл его и позволил содержимому упасть на подушку рядом с собой. Выпало несколько фотографий. Трой вытащил из пакета записку.

Я только что их проявила и подумала, что тебе захочется получить копии. Увидев их, ваши отношения не показались мне поддельными, но что я знаю? Как бы то ни было, горничная нашла кое-что под кроватью, когда убиралась. Я посчитала, что ты захочешь получить её обратно. Она кажется важной. Надеюсь, что ты здоров и счастлив. Возвращайся с визитом в любое время.

~ Бернис

Трой отложил снимки в сторону и замер. Записка Камрин, которую она оставила вместе с маффинном в то утро, задрожала в его руке.

Ты кто-то.

Сейчас он задавался тем же вопросом, что и тогда. Был ли он просто кем-то, или кем-то

для неё? Если так, то почему она не отреагировала на кухне Хортонов? Он уже пытался, уже сделал тот решительный шаг и признался ей в своих чувствах. Если он сделает это снова, будет ли результат другим?

Подобно её определению безумия.

Чёрт, он как раз достаточно безумен, чтобы признаваться в своей любви сотню раз, если существует хоть малейшая вероятность, что она ответит взаимностью.

Положив записку на стол, он поднял фотографии. Несколько было из тех, где они шли по проходу, парочка с ночи караоке, и одна с приёма, когда они танцевали. На ней крупным планом они смотрят друг на друга, её улыбка спокойная и счастливая.

Он провёл пальцем по её изображению. Он видел эту улыбку всего лишь несколько раз, и каждый раз она ставила его на колени. Невзирая ни на что, у него всё же был ответ.

Схватив телефон, он нетерпеливыми пальцами набрал номер. Трой похлопывал себя по ноге, расхаживая из стороны в сторону, пока она не подняла трубку.

— Мам, мне нужна твоя помощь.

После долгой кошмарной поездки, с ощущением, что её внутренности скрутились в узел размером с Великобританию, Камрин въехала на подъездную дорожку родительского дома и выбралась из машины. Судя по количеству других транспортных средств, похоже, большая часть семьи уже здесь. Включая и Троя.

Она посмотрела на его грузовик. Единственный способ узнать наверняка, безразлична она ему или нет, — поговорить с ним. Но прежняя Камрин хотела слепить стоическое лицо, а не вызвать его на разговор. Притвориться, что не чувствует себя так, словно у неё вырвали сердце.

Раскрыв багажник, она вынула сумку со спальными принадлежностями и направилась вверх по дорожке. Кэм остановилась, увидев ожидающих её на крыльце Хизер и Джастина.

Сократив разделяющее их расстояние, она почувствовала запах жареного ягнёнка и выпекающейся *гибаницы*[36]. Из раскрытого кухонного окна выплывали райские, по-настоящему заставляющие толстеть ароматы — совсем как в мультиках — призывали её согрешить. Лишь вдыхая запах ассорти из сыров и теста гибаницы, она набирала пятнадцать килограмм.

— Привет, — поздоровалась она. — Почему вы здесь так рано?

Хизер посмотрела на Джастина, а затем снова на неё.

— Эм, я не знаю.

Глаза Камрин сузились. Единственный человек, который врёт ещё хуже, чем она, — это её сестра.

— Ладно. Как Канкун?

— Ох, — воскликнула она. — Это было изумительно. Вода невероятно голубая. Мы остановились в маленькой хижине прямо на пляже...

— Хизер, — перебил её Джастин, приподняв брови.

— Ах, да, — сказала она, хихикая. *Хихикая*. — Я расскажу тебе позже. Идём в дом. Все ждут.

— Ждут чего? — Они не ответили. Здорово. — Что я сделала на этот раз? — спросила она, перебирая в уме всю последнюю неделю. И не смогла вспомнить ничего, в чём семья может обвинить её, как например, землетрясение или недавний рост цен на нефть.

— Ничего, — быстро ответила Хизер. Слишком быстро. — Хотя, в доме Трой.

— Да, — медленно проговорила она, сарказм так и сочился из неё. — Он *ведь* часть

нашей семьи. Я ожидала, что он будет здесь. И ещё я вижу его грузовик прямо перед своей машиной.

Хизер выглядела нервной. Все стояли, уставившись друг на друга, не было слышно ни звука, кроме щебетания малиновки с сосны на краю двора. Это не могло быть только из-за того, что произошло у Хортонов.

Джастин закатил глаза.

— Ну же, дамы. — Он забрал у неё сумку и открыл дверь.

Гадая, из-за чего вся эта напряжённость, Кэм прошла в дом и обнаружила всю семью, стоящей в гостиной и смотревшей на неё. Остановившись, она огляделась.

— Привет, — сказала она, приветствие прозвучало скорее как затянувшийся вопрос.

Никто не пошевелился.

В конечном счёте сквозь тела протиснулась Эмили.

— Тётя Кэм! Человек-паук принёс миссис Хортон!

— Извини?

Анна подхватила Эмили и посадила её на своё бедро.

— Не человек-паук, а веб-камера, милая.

Эмили пожала плечами, когда голос Бернис заполнил тишину:

— Здравствуй, Камрин.

Камрин осмотрелась вокруг, наконец её взгляд упал на ноутбук на коленях Фишера.

— Э-э, здравствуйте. Я получила отправленные вами фотографии. Спасибо. — Она озадаченно посмотрела на Фишера. — Почему Бернис посредством видеозвонка за нашим семейным ужином?

— Я попросил её присоединиться к нам, — ответил Трой, обходя йяку Гарольда и появляясь перед её глазами. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

— Что происходит? — спросила она, начиная паниковать. Её взгляд заметался по комнате. — Где Нана? С Наной всё в порядке?

— Я в порядке. Перестань беспокоиться из-за пустяков.

Папа с мамой закрывали обзор на стул Наны, но пульс Кэм вернулся к норме, когда она услышала раздражённый голос старушки. Какой бы Нана ни была бестактной и жестокой, теперь Камрин понимала, почему она такая. Когда десять лет назад умер Папа, Нана потеряла любовь всей своей жизни, вместе со всем своим счастьем. Любовь к Трою, даже если у них ничего и не получится, показала Камрин безграничную боль, которую должна была чувствовать Нана каждую секунду каждого дня.

Камрин оглядела лица в комнате, все они смотрели на неё. Что-то здесь не так.

— Ладно, в чём...?

— Я пытался сказать тебе всё это ещё тогда, в Колорадо, — продолжил Трой, перебивая её. — Но кое-кто очень грубо меня прервал.

Фишер резко вздохнул.

— Я же извинился. Может, мы уже покончим с этим?

Анна издала недовольный звук.

— Так тебе и надо за то, что действовал не думая. Ты вечно чешешь языком.

— Ничем я не чешу.

За всё время подтруниваний взгляд Троя не покидал её. Он выглядел иначе. Его волосы по-прежнему были слишком длинными, глаза — всё ещё интригующе тёмно-карими, тело — по-прежнему твёрдой горой мышц. Но очаровательная улыбка исчезла. Юмор в его словах

пропал. Живость, которой она так отчаянно завидовала, сменилась этим подавленным, истощённым видом. Её сердце разрывалось, когда она смотрела на него, задаваясь вопросом, была ли она тому причиной, и мог ли он ещё исцелиться.

— Ты намного больше, чем думаешь, Кэм, — сказал он, качая головой, словно произносил хвалебную речь. — То, что у нас с тобой было, — для меня было реальным. Возможно, всё и началось как ложь, но не обязательно должно так же и закончиться.

О боже. Неужели он только что сказал...?

Трой взял её за руку и что-то вложил в неё, сомкнув её пальцы вокруг предмета. Когда он отступил назад, она разжала руку и посмотрела на маленький синий грузовичок.

— Трой, — проговорила её мать неуверенным и вопросительным голосом. — Это совсем не то, что мы...

— Тихо, мама, — ответил он, пристально глядя в глаза Камрин.

— Дядя Трой хорошо поступает, делясь своими игрушками, так ведь?

— Да, милая, — сказала Анна, поглаживая Эмили по спине.

Рука Камрин начала дрожать, сердце так громко колотилось, что зашумело в ушах.

— Трой?

— Ты помнишь?

Да, она помнит. Да и как она могла забыть? Он все эти годы хранил эту игрушку? Как могла одна маленькая вещица так много для него значить? Когда они были детьми, и она подарила ему это, ей просто хотелось, чтобы он почувствовал себя лучше, хотелось помочь ему понять, что не всегда всё будет так плохо.

— Когда-то ты дала это мне. Не было и дня, чтобы я не смотрел на неё и не думал о тебе. Ты спасла меня. Никто не знает меня так, как ты. Я не хочу никого другого, кроме тебя, или прожить ещё один день без тебя.

Её сердце остановилось. Зрение затуманилось. Горло сдавило.

— Трой? — удалось ей прохрипеть. Раньше у неё был словарный запас словаря Уэбстера. Видимо, сейчас он сократился до доктора Сьюза[37].

— Открой дверцу грузовичка, — прошептал он.

Вытерев сначала ладонями щёки, она приоткрыла маленькую дверцу грузовичка. Внутри лежало кольцо.

— О боже, — пробормотала она, засовывая мизинец внутрь, чтобы его выскрести.

Пока она таращилась на золотое кольцо с огранённым в виде квадрата бриллиантом, он припал на колени. Она ахнула.

— Трой, на одно колено, а не на два, — заметил йяка Митч.

— Ох, молчи, — сказала её мать. — Он может делать это так, как хочет.

— Я всего лишь говорю, что он делает это неправильно. Предложение делают на *одном* колене...

При слове «предложение» всё остальное перестало существовать. Комната превратилась в тихий, просачивающийся гул голосов. Она взглянула на кольцо, такое маленькое и красивое. Он знает, что ей не нравятся кричащие украшения. Он знает её лучше, чем кто-либо другой, утверждая то же самое и о ней.

И он хочет её. Боже правый, он хочет...

— Камрин, — позвал Трой твёрдым голосом, возвращая в комнату звуки болтовни. Её безумная, безумная семейка. Он делает это прямо перед всей чокнутой фермой.

— Ей следовало бы поднять волосы и сделать причёску. — От кумы Виолы.

— Нет, мне нравится распушенными. — От тетаки Миртл.

— Она же не знала о том, что должно было произойти, — встала на её защиту Хизер.

— Давай, соглашайся. — От Наны. — Дарёному коню в зубы не смотрят, мисси!

— Возможно, нам не следует произносить при ней слово «конь». Её это может травмировать. — От папы.

— Она собирается сказать «нет». Посмотрите на неё. — От йяки Гарольда. — Теперь нам только остаётся купить ей дюжину кошек.

— Я люблю тебя. — Это уже Трой.

Он — это всё, что важно. Трой. Только Трой. Боль в её груди утихла. Живот успокоился. И она не знала настоящего счастья, настоящей любви до этого момента. Любовь — это всё. Жизнь — ничто без неё.

Он поднялся с колен и взял её руки в свои.

— Не уходи. Не отключайся от меня. Остайся со мной.

— Я не... Я здесь. Трой...

— Знаю, тебе трудно поверить в истинную любовь, — произнёс он, перебив её в панике.

— Нет, Трой...

— Ты мой счастливый конец, Кэм, и я ничего так не желаю, как доказать тебе, что они существуют.

Вот чёрт. Разве это не самые сентиментальные, чертовски сладкие слова, произнесённые кем-либо? И он превратил её в чрезмерно эмоциональную женщину, поскольку на её глаза снова наворачивались слезы.

— Она плачет? — спросил йяка Митч.

— Нет, — рявкнула Нана. — Это пот течёт из её глаз, идиот! Конечно же она плачет!

— Нееет, не может быть, — начал спорить йяка Гарольд. — Кэм не умеет плакать.

— Это слёзы радости. Верно, тётя Кэм?

— Да, Эмили, — ответила она, вытирая слёзы и глядя на всё, что всегда так хотела и чего никогда не знала. — И жили они долго и счастливо, — прошептала она Трою.

— Что?

Она едва видела его сквозь пелену слёз.

— Я сказала «да».

Семья разразилась радостными воплями позади него. А Трой всё стоял и смотрел с контуженым видом, как будто она ничего не сказала.

— Это было так романтично. У меня аж мурашки по коже, — заявила кума Виола. И шлёпнула йяку Гарольда по голове. — Почему ты не сделал что-нибудь столь же романтичное?

Йяка Гарольд потёр голову.

— А что не так с тем, что я положил кольцо в картофельное пюре, где ты его нашла?

— Я им чуть не подавилась. Ты даже не опустился на одно колено, *prevariti!*

Камрин не могла вспомнить, как переводится «*prevariti*», но надеялась, что оно означает «дурак». Она покачала головой и начала надевать кольцо на палец, когда галдэж рассеял голос Анны:

— Нет, Кэм. Это должен сделать он. Трой? — Они обе посмотрели на него, но он не шелохнулся.

— Давайте уже есть, — предложила тетака Миртл.

Члены семьи тихо переговаривались друг с другом и разбрелись между кухней и столовой, поскольку главный аттракцион закончился.

Хизер с Джастином сидели на диване рядом с Фишером. Анна опустила Эмили на пол и девчушка вприпрыжку побежала в сторону кухни.

— Трой, — крикнула Анна. Он моргнул и уставился на неё. — Она сказала «да». Надень кольцо на её палец.

— А, точно. Хорошо. — Он сократил между ними расстояние и взял кольцо, надев его на её палец с эмоциями андроида. — Я думал, ты скажешь «нет», — поделился он. — Я не думал... — Его руки сомкнулись вокруг её запястий. — Ты серьёзно? Скажи мне, что ты серьёзно. Потому что я не смогу забрать его, если ты передумаешь, Кэм. Знаю, что не могу предложить тебе много. Всё, что у меня есть, — ранчо с тремя спальнями и достойная работа.

Высвободив запястья, она обхватила его щеки. Она ничего не хотела, кроме него. Навсегда.

— Я твоя, — проговорила она. — Я всегда буду твоей. Мне не нужно ничего, кроме тебя. Я люблю тебя.

Трой всё ещё смотрел с сомнением, взглядом, который Кэм помнила ещё с их юности. Он появлялся каждый раз, когда кто-то делал для него что-нибудь приятное. Обняв его за талию, Камрин прошептала ему на ухо:

— Я люблю тебя, Трой. Честно. Я люблю тебя.

Одна его ладонь поднялась и схватила её за руку, сжимаясь и разжимаясь перед тем, как переместиться за спину. Его грудь содрогнулась. И из него со свистом вырвался сдержанный выдох.

— Боже, Кэм. Я тоже тебя люблю.

Он склонил голову и накрыл своим ртом её губы. И ах, как же она по этому скучала! Когда поцелуй перешёл от лёгкого к сладкому, она улыбнулась напротив его рта. Что, казалось, свело его с ума. Он сжал её ещё крепче, притянув покрасневшую Камрин к своей груди. Его свободная рука нырнула в её волосы.

— Я никогда-никогда тебя не отпущу, — произнёс он.

— Надеюсь, ты говоришь в переносном смысле. Иначе может получиться немного неудобно.

Он рассмеялся, избавляясь от всяких следов остаточного напряжения.

— Мне хочется увезти тебя домой, заниматься с тобой любовью ночь напролёт и...

Она не могла дождаться этого «и».

— Позже, — прошептала она у его губ обещание, если она вообще когда-нибудь его давала.

Что-то потянуло её за юбку. На неё снизу вверх пристально смотрела Эмили.

— Можно мне поиграть с грузовиком?

Камрин посмотрела на Троя.

— Тебе придётся спросить у него, сладкая.

На секунду он заколебался, пойманный где-то между прошлым и настоящим. Но уже через мгновение кивнул, улыбаясь своей племяннице.

— Не думаю, что он мне ещё нужен. Можешь оставить его себе.

Восторженная Эмили взяла игрушку и убежала.

Камрин посмотрела на сестру. Хизер подмигнула в ответ.

— Свадьба осенью? — спросила она, переплетая свои пальцы с пальцами Джастина.

Дай Хизер целых пять секунд, и можно требовать подробности.

— Можете сыграть свадьбу здесь, — сказала Бернис.

— Мы совсем забыли, что ты здесь, мам, — ответил Джастин, смеясь, при этом глядя в ноутбук, всё ещё находящийся на коленях Фишера.

— Заметно. Спланируй целую свадьбу, и потом никто о тебе не вспомнит. Хотя я серьёзно. Вы можете сыграть свадьбу здесь.

Камрин взглянула на Троя и пожалала плечами.

— Или мы можем оставить семью здесь и сбежать в Лас-Вегас.

Трой рассмеялся.

— Заманчиво.

— Я выхожу из сети, — сказала Бернис. — Поздравляю вас обоих.

Фишер закрыл ноутбук и поставил его на стол.

Хизер откашлялась, приподняв брови и глядя на Камрин.

— Я же говорила, он прошёл тест.

Камрин улыбнулась и покачала головой, пока её брат с сестрой смеялись над их тайной шуткой. Трой обхватил рукой её за талию, привлекая к себе и выглядя крайне озадаченным. Что только вызвало ещё больше смеха.

— Что там такого смешного? — потребовала её мать.

— Ничего! — закричали они в унисон, возвращая Камрин хорошие воспоминания о её юности.

Как только они уселись, Трой спросил:

— Какой тест?

Они снова впали в истерику.

— Камрин, — произнесла Хизер, обмахивая лицо рукой. — Пришло время и Трою узнать наш секрет. Давай, расскажи ему.

Брови Троя приподнялись, когда он взглянул на неё.

— Ну, — начала Камрин, — когда-то давным-давно трое маленьких детей придумали кое-что под названием «нефункциональный тест»...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хлеб Наны «Славский Калач»

(Урок от Наны: обычно он печётся для *Крсна Слава* — празднование дня святого покровителя сербской семьи. Однако он может быть приготовлен и для *Христо се Роди* — Рождества. Если готовят на Рождество, то сербы называют его денежным хлебом или хлебом Святого Николая, они заворачивают монеты в алюминиевую фольгу и запекают монеты внутри хлеба. Так что вперёд!)

2 столовые ложки живых сухих дрожжей

1 чайная ложка сахара

3 столовые ложки муки

1/2 стакана тёплой воды

1,5 чашки тёплой воды

6 стаканов хлебной муки

1 чайная ложка соли

1 стакан сливочного масла, размягчённого

3 взбитых яйца

1/4 стакана лимонного сока

1/2 стакана сахара

1 яйцо, взбитое с 1 столовой ложкой воды

Смешать дрожжи, сахар и 3 столовых ложки муки в 1/2 стакана тёплой воды до полного растворения. В большой миске смешать 1,5 стакана тёплой воды, соль, сливочное масло, яйца, лимонный сок и сахар. Добавить постепенно дрожжевую смесь и оставшуюся муку. Тесто должно быть крутым. Месить вручную в течение примерно десяти минут и оставить в миске подниматься. Накрывать миску влажным полотенцем. Дать настояться 1-2 часа, или пока тесто не поднимется в два раза. Снова вымесить ещё 5 минут. Положить в хорошо смазанную круглую двадцатисантиметровую форму для выпечки. Дать ему постоять полчаса, затем поместить в разогретую до 350 градусов духовку. Через 30 минут смазать хлеб яичной смесью и выпекать в течение тридцати минут. Готовый хлеб остудить на решётке.

Сарма мамы

(Предостережение от Троя: это может быть хорошим на вкус, но в доме будет ужасно пахнуть!)

1 большой кочан капусты

0,5 кг свиного фарша

250 гр говяжьего фарша

2 больших яйца, слегка взбитые

1 чайная ложка соли

1 чайная ложка паприки

1/2 чайной ложки чёрного перца

1 банка томатного соуса, простого

5 столовых ложек растительного масла

1/2 чашки варёного риса

Вырезать сердцевину из капусты и слегка посолить внутри. Смешать сырую свинину и говядину. Добавить соль, паприку, перец, яйца и рис. Отварить капусту, пока она не станет мягкой, около 15 минут. Процедить и оторвать листья. Положить 3-4 столовые ложки мясной смеси на капустный лист и завернуть, заворачивая углы вовнутрь. Капнуть масло в противень 13x9. Выложить голубцы сверху, плотно прижимая друг к другу. Залить голубцы томатным соусом. Выпекать в закрытой, разогретой до 350 градусов духовке в течение 45 минут. Открыть духовку и запекать ещё 15-20 минут.

Сладкий сыр Гибанита

(Предостережение от Камрин: также пишется Гибаница, это блюдо можно сделать с мясом или сыром. Если готовить с сыром, то его можно сделать сладким или солёным. Моя семья всегда делала его сладким. Ваш врач, ваши бёдра, ваши ягодицы и ваш холестерин будут ненавидеть вас после того, как вы это съедите.)

1 контейнер маленьких сырных творожков

2 палочки сливочного масла, размягчённого

1 упаковка плавленого сыра, размягчённого

350 гр сыра Фета, рассыпчатого

6 яиц

1/2 стакана сливок

1 стакан сахара

1 упаковка листов Фило или 1 упаковка листов толстого теста

Взбить сливочное масло и сахар до однородной массы. Добавить сливки, сыры и яйца. В смазанный жиром противень 13x9 выложить тонкий слой листов, покрыв дно сковороды. Ложкой выложить тонким слоем сырную смесь поверх листов. Повторять этот процесс до тех пор, пока сырная смесь не закончится. В идеале нужно чтобы получилось как минимум 4 слоя. Выпекать в разогретой до 350 градусов духовке не закрывая в течение часа. Охлаждать 10 минут перед нарезкой. Подавать тёплым или холодным.

Жареный ягнёнок папы

(Предостережение от папы: готовьте медленно. Можно как на вертеле, так и в открытом гриле на улице. Но сначала нужно замариновать нарезанную баранину в кастрюле и оставить на час или два.)

1 окорок, лопатка или корейка ягнёнка

1 чайная ложка соли

1/2 стакана уксуса

1 стакан воды

1/2 чайной ложки перца

2 чайные ложки петрушки

1 столовая ложка чесночного порошка

1/2 чайной ложки тимьяна

4-5 ломтиков бекона, сырых

Баранину натереть солью и положить её в глубокий противень или жаровню. В кастрюле смешать уксус, воду, перец, петрушку, чесночный порошок и тимьян. Довести до кипения и залить им баранину. Уложить ломтики бекона поверх мяса ягнёнка. Выпекать в разогретой до 375 градусов духовке. Время готовки зависит от кусков мяса. Как правило, в закрытом виде в течение 30 минут, затем открыть и запекать ещё 10-15 минут. Если попробовать проткнуть мясо, и оно не оказывает никакого сопротивления или отваливается от костей, то оно готово.

Об авторе

Келли известна своим высказыванием, что она берёт свои идеи ото всех и всего, что вокруг неё, и что в её голове всегда проигрывается книга. Никто не знает, что она хлопает ресницами, когда разговаривает сама с собой. Она начала свою писательскую карьеру на Инди-рынке, получив награду «Выбор редакции», став финалистом в номинации «Лучшая книга 2008» и финалистом в номинации «Инди-мастерство 2009» до того, как перейти к традиционной издательской деятельности. Её книги не только удостаивались наград от ведущих обзорных сайтов, но также от бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». Она является уважаемым рецензентом и членом Писателей-романистов Америки. Интересы Келли включают в себя: сентиментальное кино, ВЛБ (Высшая лига бейсбола), НФЛ (Национальная футбольная лига), раздражать других и спать, когда есть возможность. Она тайный кофеиновый наркоман и шоколадоголик, но никому не говорите об этом. Она живёт в Висконсине с мужем, тремя сыновьями и чёрным лабрадором. Большая часть её семьи живёт в Южной и Северной Каролинах, так что она проводит много времени и там.

Посетить её можно на сайте: www.AuthorKellyMoran.com, в «Фейсбуке»: www.Facebook.com/AuthorKellyMoran или в «Твиттере»: [@AuthorKMoran](https://twitter.com/AuthorKMoran).

Сноски:

[1] «Слинки» — игрушка-пружина, которая «шагает» по лестнице.

[2] «Тамс» — конфеты, выпускаемые в жевательных таблетках с различными вкусовыми добавками.

[3] Тамале — острое блюдо мексиканской кухни; лепёшка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили, обёрнутая кукурузными листьями; готовится на пару.

[4] «Дженни Крейг» — платный центр, где помогают похудеть, этакая смесь занятий, где учат контролировать свой вес, и мастер-класс по модной диете.

[5] «Чанки-Манки» — сорт мороженого, производимый под маркой «Бен энд Джерриз», представляет собой банановое мороженое с кусочками шоколада и грецкого ореха.

[6] «Дни нашей жизни» — американская мыльная опера.

[7] Игра слов. В английском языке глагол to fire имеет оба значения — и «увольнять», и «гореть».

[8] Эвикция — уведомление о выселении.

[9] Бадд Эбботт и Лу Костелло — знаменитый американский комедийный дуэт в 1940-е и 1950-е годы.

[10] Сарма — это блюдо, представляющее собой начинку, завернутую в виноградные или капустные листья.

[11] «Клорокс» — товарный знак отбеливателя тканей и пятновыводителя производства компании «Клорокс».

[12] Кентукки Дерби — соревнования трёхлетних чистопородных скаковых лошадей, которые с 1875 года ежегодно проводятся в первую субботу мая в г. Луисвилле, штат Кентукки, на ипподроме Черчилл-Даунс.

[13] «Дом» — в бейсболе основная база, представляющая собой пятиугольную резиновую плиту белого цвета площадью 900 кв. см в форме домика с основанием в 42,5 см, «стенками» по 21,5 см и со «скатами крыши» — по 30 см.

[14] Инфилд-флай — мяч, отбитый высоко над внутренним полем по такой траектории, которая делает сам мяч лёгкой добычей для защитников.

[15] Фол — нарушение правил.

[16] Кэтчер — в бейсболе игрок, который располагается сзади «дома» и осуществляет приём мяча с помощью перчатки-ловушки после броска питчера, если его не отбил битой бэттер.

[17] Здесь игра слов. С англ. horseshoes (подковы) букв. Переводится как «лошадиная обувь».

[18] «Матчбокс» — фирменное название детских, миниатюрных игрушек — автомобилей, самолётов — фирмы «Лезни», размер игрушек — со спичечный коробок.

[19] «Уол-март» (англ. Walmart) — сеть однотипных универсальных магазинов, где продаются товары по ценам ниже средних (крупнейшая сеть розничной торговли в стране); неременная часть пейзажа американских пригородов. Принадлежит корпорации «Уол-март сторс».

[20] «Шемрок шейк» (англ. Shamrock Shake) — это десерт — молочный коктейль — характерного зелёного цвета, который продаётся в «Макдональдс» на протяжении всего

марта в честь Дня Святого Патрика.

[21] Радужная Королева — или Яркая Радуга — персонаж из одноимённого мультфильма.

[22] Чак Берри — американский певец, гитарист и автор песен; афроамериканец.

[23] Тайленол — ацетаминофен, патентованное средство от головной боли и простуды (заменитель аспирина) в таблетках и капсулах.

[24] Indian Peak Wilderness — Дикая местность Индийских пиков.

[25] Пол Баньян — вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

[26] Каримбу — североамериканский олень.

[27] Зелёный фонарь — название множества вымышленных персонажей, супергероев, появившихся в комиксах, издаваемых компанией DC Comics.

[28] «Коппертоун» — товарный знак косметических средств для безопасного загара — лосьонов, мазей, масел, производства одноимённой фирмы; принадлежит корпорации «Шеринг-Плау».

[29] «Данкен Хайнс» — товарный знак смесей для традиционных и старинных домашних кулинарных изделий: шоколадного печенья, кремов, печенья с арахисовым маслом и шоколадной крошкой.

[30] Козодой — небольшая (длиной около 25 см) лесная птица с длинными крыльями и длинным хвостом. Распространена в восточных штатах США и на юге Канады; зимой мигрирует в Мексику и в район Мексиканского залива.

[31] «Рокеттс» — женский танцевально-вокальный ансамбль, особенно славящийся кордебалетом.

[32] Джон Литгоу — американский актёр, снявшийся в широко известном эпизоде сериала «Сумеречная зона».

[33] Свободная пятница — распространённая политика в некоторых компаниях, подразумевающая, что в пятницу работники носят не установленную для данной организации официальную форму, а обычную повседневную одежду; часто имеет определённые ограничения, например, работник всё равно обязан надеть белую рубашку, либо повязать галстук при визите к клиенту и т. д.

[34] Антоцид — средство, нейтрализующее кислоту.

[35] Фидекс (FedEx) — крупнейшая частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

[36] Гибаница — сербский пирог из тонких листов теста (фило) с солёным сыром/творогом и травами.

[37] Доктор Сьюз — популярный американский детский писатель и мультипликатор.